

Борисенко С.Н.

КОМУ
НА МФ
ЖИТЬ
ХОРОШО!

Или исповедь последнего романтика

Глава 1

Жизнь на волоске.

Началось всё именно тогда, когда у большинства людей и должны начинаться все серьёзные изменения в жизни... Окончание школы.

Год был, прямо скажем, нестандартным, замечательным был год!

В Германии прошли Олимпийские игры.

Советский Союз впервые посетил Американский президент.

В кинотеатрах был ажиотаж от желающих посмотреть фантастический фильм «Солярис».

Весь народ напевал песню Ободзинского «Эти глаза напротив» и насвистывал мелодию из «Крестного отца».

Все как один стремились встретить пятидесятилетний юбилей родного государства.

Ночи напролет смотрели по черно-белому «ящику» великую битву народов - хоккейную баталию: серию матчей Канада – СССР. Причем за хоккей болели все: и мужчины, и женщины, и старики, и дети, и те, кто знает, что такое хоккей, и те, кто понятия в нем ни малейшего не имели! Но после каждой победы выходили на целые демонстрации в едином порыве. Примерно так же, как когда-то вся страна приветствовала полет в космос Ю. А. Гагарина. Только все эти демонстрации происходили ночью, потому что играли в Канаде, а у нас с Канадой практически полсутки разница во времени.

Ровно в таком же едином порыве, все как один, изгнали из страны двух великих представителей своего отечества: А. Солженицын и И. Бротского.

Всё происходило по известному, ранее отработанному сценарию: «Лично я не читал, но я осуждаю!..»

Американцы, наконец-то, прекратили воевать с ничем не повинными вьетнамцами, совершили свой последний полет к Луне...

На танцплощадках твист был уверенно вытеснен шейком. «Клеши» с клиньями и бубенчиками превратились в более скромные брюки, расклешенные от бедра у ребят, а девочки дефилировали, обнажив свои красивые ножки «до самой розетки», при этом, надо сказать, что самые модные уже перебрались в «макси»...

Именно в такой социально-политической обстановке мы закончили учиться в своих средних школах и дружно, не сговариваясь, устремились в старинный Томск, чтобы поступать учиться в самый большой и известный в стране политехнический институт.

В это время в институте обучалось примерно восемнадцать тысяч студентов, из которых, около пяти тысяч на Механическом факультете.

В этот же год старейший факультет нашего института решил поменять своё старое, примелькавшееся всем, «не модное» название «Механического» на более современное, звучное и модное «Машиностроительный».

Но многолетняя привычка сказывалась ещё очень долго и нас, студентов этого факультета, постоянно называли либо «машиностроители», либо «механики».

И принципиальной разницы в этом никогда не было, потому что в дипломах, которые мы в конце - концов получили по окончании учебы, было написано, что закончили машиностроительный факультет и получили квалификацию «инженер-механик».

Никакой принципиальной разницы не было и для всех остальных студентов политеха, которые нас между собой называли «болтами», а наших девушек «гайками»

Не оставались в стороне и другие факультеты. У каждого было свое не обидное прозвище. Так химики были «колбами» и «пробирками», теплоэнергетики – «котлами», электроэнергетики – «утюгами», геологи – «мешочниками», электрофизики были «лампочками». И только у будущих физикотехников, чьи выпускники точно уходили работать в атомную энергетику или такую же оборонку, было обидное, но произносимое с огромным пиететом, прозвище – «лысаны» по вполне серьезной причине.

В процессе обучения они проводили свои лабораторные на учебном ядерном реакторе, который был «учебный» только по предназначению, а на самом деле реактор как реактор, в общем, будь здоров!..

Да и работать им в последствии предстояло на таких же производствах. Так что на третьем курсе им предлагали создавать семьи и рожать детей, пока это возможно.

В лоно этого старинного ВУЗа ежегодно поступает сотни ребят, и, спустя пять лет, выходят такими специалистами, от услуг которых не отказывалось ни одно промышленное предприятие страны.

Осознание величия заведения, в которое мы все попали учиться, пришло со временем, а пока предстояла тяжелая борьба за право учиться, и борьба за выживание в студенческой среде.

Вступительные экзамены при этом были только первым незначительным этапом.

Нынешние абитуриенты не вкушают столь экзотическое блюдо, как вступительные экзамены.

Ну, это же совсем неинтересно: окончил школу, там тебе прописали уровень твоих знаний в виде оценок за ЕГЭ и с этими данными иди и выбирай то заведение, в которое тебя примут.

В прежние времена все приезжали равными: и хорошисты, и троечники, только круглым отличникам была поблажка. Те должны были на первом экзамене подтвердить свой высокий уровень знаний, сдав его на «отлично» и тогда для них сразу открывалась дверь ВУЗа. При ином исходе все, включая отличников, шли с равными правами на поступление.

На письменном экзамене по математике сразу отсеивалось около трети поступающих. Следующий «драконовский» экзамен был «математика устно», на котором проигрывало ещё примерно треть из оставшихся, третьим экзаменом, дававшим вступительные баллы, был физика. Уже после физики оставалось такое количество абитуриентов, которое, фактически, образовывало первый курс.

Правда, ещё был письменный экзамен по литературе, то есть сочинение, но там ходили проверяющие, которые отводили себе роль, скорее, помогающих. Они прохаживались между рядами, смотрели, чтобы никто не списывал, но при этом, пристроившись за плечами у экзаменуемого, быстро пробежали глазами по тексту и тихонько говорили:

- Достаточно! Тема раскрыта! И посмотрите внимательно пятую, восьмую и семнадцатую строки. И сдавайте своё сочинение! Значит, в этих местах находились ошибки. В такой ситуации найти ошибки значительно легче. После исправления сочинение сдавалось на заключение комиссии.

На следующий день результаты вывешивались на всеобщее обозрение. И было удивительно, что при таком подходе находились люди, которые умудрялись «завалить» и этот экзамен.

Ну что поделаешь? Стране были нужны специалисты грамотные не только профессионально.

Проходило ещё два-три дня ожидания и вот они – долгожданные списки студентов – первокурсников, в которых каждый мечтал себя увидеть!

Конец августа, всё страшное, что было запланировано на это лето, осталось позади. В приёмной комиссии новоявленных первокурсников собрал деканат факультета, распределил по учебным группам, представил старост, кураторов и объявил день отправки на сельхоз работы.

Странно, наверное, нынешней молодежи об этом подумать, да и не понятно: зачем это куда-то на село ехать и что-то там делать, да и за что? Сколько заплатят за работу?

И невдомек им, что это именно то место, где образовывались компании будущих друзей, где зарождались отношения, которым тянуться пять лет, а может быть и всю жизнь, где появлялись первые взаимные симпатии.

А ведь именно в трудовом коллективе человек проявляет всего себя, свою сущность: там видно простака и хитреца, трудягу и лодыря, способного прийти к товарищу на помощь в трудную минуту или ретироваться от опасности.

Проживать в протекающем хлеву, спать на тюфяках, набитых соломой, мокнуть под осенними дождями и встретить первый снег в летней одежде... Ходить месяц в промокшей обуви, но при этом даже не простудиться... И всё это время помогать убирать урожай, собирать траву на силос, ремонтировать коровники или строить новую школы, дома, кирпичный завод...

Питаться тем, что умудрились смастерить из продуктов, жившие под мамиными крылышками и не умеющие ничего готовить, девочки. Соскребать с сапог грязь только потому, что уже

невозможно поднять ногу ...и работать, работать, работать... Целый месяц! Потому что институт обязан помочь государству в лице совхозов, так как эти совхозы будут зимой кормить город и институт. А мы должны помочь в этом деле своему институту, поскольку он решил принять нас в свои ряды.

Через месяц сдружившиеся, уставшие, но окрепшие, повеселевшие и, что самое главное, соскучившиеся по учебе, мы прибыли в Томск. Ввалились в общежитие, а там ещё ничего не готово нас принять: в окнах много рам с разбитыми стеклами, отопление отключено, горячую воду ещё не пустили после летнего ремонта теплотрасс.

Студсовет распределил нас по комнатам, но матрасы, одеяла, постельное бельё получить не у кого, так как сейчас суббота вечер, а комендант и кастелянша будут работать только в понедельник с утра, а через день первое занятие.

В связи с сельхоз работами у первокурсников «Первое сентября» традиционно происходило первого октября.

Итак, первое октября, первое занятие – лекция по начертательной геометрии.

Сходив в баню и отмыв месячную грязь с тела, найдя в чемоданах с вещами ещё сложенными мамами что-то чистое и не очень мятое, сплошным нескончаемым потоком шириной во всю улицу мы, первокурсники, дружно двинулись на занятия.

Откуда мы все узнали об этой лекции, какой учебный корпус и номер аудитории, даже не берусь представить, так, как только там нам рассказали где искать расписание, что такое четная и нечетная неделя, с какого времени начинаются занятия... Думаю, что собрали через старост.

В начале семидесятых годов в Томске ещё существовала трамвайная линия, которая соединяла площадь Южную с Центром

города. И проходил маршрут так, что пересекал улицу Усова, по которой по утрам, в одно и то же время огромная масса студентов бежала на занятия. В этом месте сконцентрировано располагается много учебных корпусов института, и поток студентов шел непрерывно в течении нескольких десятков минут. Бедные пассажиры были вынуждены всё это время отсиживаться в стоящем трамвае и ждать завершения этого потока, потому что традиционно никто и не думал пропускать идущий транспорт.

Начало студенческой жизни это, по большому счёту, испытание на прочность и зрелость. Так, кто, поступив в институт, сразу начинал упиваться личной свободой и бесконтрольностью со стороны родителей или просто взрослых – не дотягивали до первой сессии.

Беда, так же, зачастую, подстерегала и школьных отличников. Они «по инерции» заданной ещё родителями в школе учились «на отлично» первый семестр, во втором у них появлялись четверки, в третьем – «уды», а по окончании второго курса многие отсеивались. Причиной при этом было отсутствие «направляющего пинка» со стороны родителей.

Очень живучими оказывались студенты из числа школьных троечников, но тех, которые в школе могли запросто наряду с пятёрками получить трояк.

Эти ребята вполне усваивали школьный материал, но помимо учебы у них была масса всевозможных увлечений. Они посещали авиамодельные, автомодельные, кораблестроительные, радиотехнические кружки, причем, все одновременно! Им было всё интересно!

Они же всегда посещали спортивные секции и тоже по несколько одновременно.

Учить уроки на «отлично» им просто не хватало времени, зато они обладали очень широким кругозором, и они же постоянно

отстаивали честь своей школы на предметных олимпиадах и спортивных соревнованиях.

Проживая свою жизнь в постоянном цейтноте, эти «троечники» выработали своеобразный иммунитет к учебе, обладая способностью по нескольким фразам уловить суть предмета и, благодаря своему широкому кругозору, наговорить ответ на любой вопрос любого предмета. Такая способность им очень пригодилась и для самостоятельного проживания, и для скорейшего приспособления к условиям обучения в институте. Умение быстро ориентироваться в любых предметах им помогло легче усваивать материал, зачастую сразу при прослушивании лекции.

Большинство таких «троечников» доучились до получения диплома, а, начиная где-то с третьего курса, они, вообще, выдвигались на передовые позиции в учебе.

И все эти свои способности к выживанию в любых, самых трудных условиях, нередко приходилось демонстрировать при сдаче сессии.

* * *

Этот день предстоял не из лёгких!

В этот день мы сдавали экзамен по высшей математике. Конечно, это не Госэкзамен, но нам от этого не легче, потому что читали нам этот курс три семестра и в каждом сдавались экзамены. Но на этом экзамене заканчивалось изучение предмета. А посему в билеты включались вопросы с самой первой темы и до последней лекции.

За три семестра пройдено столько тем, столько законов и теорем изучено, что в голове они точно все перепутались. И, если решить любую задачу особой проблемы не представляло, то ответить теоретический вопрос сложно!

В данной ситуации каждый сам оценивает свои возможности. И, поэтому кто-то делает шпаргалки, а кто-то несёт с собой даже учебник в надежде что-то оттуда почерпнуть на экзамене.

Калдыров решил сделать шпаргалки по наиболее сложным вопросам в виде готового ответа, написанном на целом тетрадном листке.

Он пришил внутри пиджака носовой платок в виде кармана, листки с ответами пронумеровал, сделал на маленьком клочке бумаги каталог к своим шпаргалкам и так, во все оружие, прибыл на экзамен.

В аудиторию мы зашли с ним вместе.

Аудитория оказалась большой, в таких, обычно, мы экзамены не сдавали. Обычно это происходило камерно. А тут аудитория человек на сто и мало того, с нами в другом конце этой же аудитории тоже экзамен по математике сдавала ещё одна группа, даже не нашего факультета.

Экзаменаторы сидят в разных концах аудитории и своими взглядами «простреливают» её насквозь!

Мы с Николаем сидим за одной партой, готовимся к сдаче. Мне помощь его бумажек не потребовалась. Слава Богу! Сижу, пишу на листке ответы на теоретические вопросы, решаю выданные задачи...

Со стороны идет шёпотом просьба к Николаю помочь с ответом на теоретический вопрос. Тот глянул в свой каталог и без труда достал и аккуратно передал листок с ответом.

Сзади та же просьба...

Он смотрит в каталог, достает листок с ответом и вновь передает вопрошавшему...

Звучит новая просьба.

Коля вначале смотрит какой ему вопрос достался, чтобы не отдать ответ на свой вопрос, глядит в каталог, немного по соображав, он достаёт из кармана совершенно не то, что его просили.

Несколько растерявшись, он вновь лезет в карман, отсчитывает, как ему кажется, правильное количество листков и вновь достает ответ на совершенно другой вопрос. Вопрошающий его торопит, а Николай в растерянности! Он понял, что, выдернув правильно два первых листка, он нарушил порядок нумерации и как ему помочь товарищу, а, главное, где искать ответ на свой вопрос он не знает?!

В таком запале он вытаскивает один листок за другим, но не может найти необходимые.

На парте около него скапливается недопустимо большое количество исписанных листков. Они могут в любой момент привлечь внимание экзаменаторов.

Николай пытается прятать листки, но аккуратно их сложить не представляется возможным, поэтому он запихивает их скомканными в карманы пиджака. А сколько можно спрятать в карман скомканных тетрадных листков, не привлекая внимания к виду этих самых карманов? Ну два, ну три от силы! Всё! Если больше, то карманы будут сильно выделяться и привлекать внимание заинтересованных лиц.

Николай стал подсовывать мне ненужные листки, я тоже их стал прятать в карманы брюк, где листки под полами пиджака почти не видно, поэтому я набрал этих листков значительное количество.

По ходу этой сложной операции Коле удалось – таки найти ответы на свой вопрос и на тот, который от него ждали. В этот момент я понял, что нас спасло от пристального внимания экзаменаторов.

Дело в том, что сидящей параллельно мне на другом ряду Остроносоев Слава обратил на себя внимания экзаменатора соседней группы. Та увидела, что Слава пытается списать. Уверенной походкой она пошла к Славе, увлекая за собой и нашу преподавательницу и потребовала отдать то, с чего он списывает: лекции или учебник.

Слава, с лицом наивного трехлетнего ребенка, очень удивлен такому обвинению. Экзаменаторам на глаза, на самом деле, ничего не попало. Они вынуждены были отойти от обвиняемого...

Но стоило им только отвернуться от Славы... и что я вижу!? На коленях у него лежит конспект лекций, открытый на необходимой странице, и он списывает!

Не доходя до своих столов, экзаменаторы резко повернулись назад и почти бегом устремились к их объекту внимания, но их вновь ждало разочарование. Конспекта они не увидели. Тогда они заглянули в парту, за батарею отопления...ни чего!

Только направились они к своим рабочим столам, а у студента на коленях вновь конспект и он, как ни в чем не бывало, продолжает списывать!

Вернувшись тут же назад, преподаватели устроили настоящий обыск: вновь заглянули в парту, осмотрели все предметы вокруг, предложили снять пиджак – Слава соглашается, снимает, нет ничего! Последнее на что пошли поисковики – заставили экзаменуемого подняться с парты. Тот спокойно встал и вместе со всеми устремил свой недоуменный наивный взгляд на то место скамьи, где он только что сидел – пусто!

Махнув рукой на свои неудачные попытки отловить списывающего, экзаменаторы придумали герою другую экзекуцию. Когда подошла его очередь сдавать экзамен, они посадили его на стул между собой и начали заваливать задачами.

Теория им на дух не нужна была, ведь без знания её решить задачи невозможно!

Но они заблуждались очень сильно. У Остроносова был просто гениальный дар к точным наукам. Он решал любые задачи из любой области науки, совершенно не зная теории. Причем, решая задачи по сопротивлению материалов он, не зная теории и, соответственно, не зная названия коэффициентов прочности или пластичности материалов, вводил их при решении задач просто как поправочные, которых, возможно нет, но которые обязательно должны быть учтены, иначе задача решения не имеет...

Примерно таким образом он сидел на экзамене по математике между двумя преподавателями и решал то, что они ему дадут.

А получалось у Славы примерно так: две – три задачи решит, на следующей ошибется. Решив, что его подловили, экзаменаторы тут же дают ему другие задачи на эту же тему, а Слава, не моргнув глазом, легко их решает. Тогда дают задачи из другой темы. Происходит, примерно, то же самое. И так он сдавал экзамен четыре часа без перерыва.

Удостоверившись, что этот человек на самом деле самостоятельно решает задачи, общим мнением экзаменаторы выставили Остроносову оценку «хорошо».

Дождавшись героя у двери аудитории, мы дружно пошли домой через магазин, чтобы отметить этот удачный день.

Там за рюмкой чаю я ненароком поинтересовался у Остроносова, куда же он всё-таки девал конспект, ведь я его созерцал собственными глазами и неоднократно. На это Слава буднично ответил:

-Ни куда я не девал, он всё время был со мной.

-Позволь! Но ведь тебя обыскивали, но не нашли, я же видел!

Когда меня обыскивали, то конспект я положил на лавку и сел на него.

Это вызвало весёлый смех у всех, кроме меня.

-Славик! Но ведь тебя вначале заставили снять пиджак, а потом и вовсе подняться с лавки, а там конспекта не было, я точно видел!

- Да был он там! Просто, когда мне сказали подняться, я конспект прижал к заднице и со всеми вместе повернулся лицом к лавке. На лавке на самом деле конспекта не оказалось, но он был постоянно при мне!

Такую находчивость и сообразительность мы отметили отдельно, выпив по стакану «Рубина

* * *

Рассказать, как Слава сдавал математику и при этом не рассказать, каким образом он сдавал экзамен по сопротивлению материалов было бы несправедливо!

Но начнем с нашего преподавателя.

Геннадий Адольфович Дощинский. Человек, который прекрасно знал то, о чем он рассказывал. Иначе и быть не может. Поскольку он всё доносил до студентов исключительно доходчиво, и, казалось, что проще предмета быть не может, а когда самостоятельно начинали решать задачи, тут и понимали, что в его руках и в наших руках сопромат – совершенно разные вещи!

Был очень рассеян, никогда не пользовался у доски тряпкой, чтобы стереть записи на учебной доске. Ему вполне хватало рукава собственного пиджака. Зачастую появлялся перед аудиторией с не застегнутыми брюками и в этот момент парни спешили к нему на помощь, подсказывали об оплошности.

Как – то весной он вышел из учебного корпуса, когда на площади перед корпусом перекуривали десятки студентов, наслаждаясь первым, ещё случайным, теплым днём...

Небо голубое, чистое, солнце полыхает во всю свою мощь, отдохнув за длинную зиму, птички поют, радуясь такому солнечному дню, снег тает прямо на глазах! Настроение у человека соответствующее! Он остановился, засмотревшись этой красотой. В расстёгнутом пальто, без головного убора, шарф своей короткой стороной висел на шее, не покрывая её, а второй тянулся по ступенькам корпуса и, поскольку он оказался под ногами у хозяина, то хозяин не преминул на него наступить.

Постояв в такой позе некоторое время Геннадий Адольфович полез рукой во внутренний карман пальто... Лез всё глубже и глубже пока не достиг цели.

Что-то ухватив, он начал это извлекать из кармана. И каково же было наше удивление, когда он извлёк оттуда свою шляпу! Надев её в совершенно помятом виде на голову, не сделав даже попытки расправить поля шляпы или сориентировать правильно шляпу на голове, он шагнул вперёд, стянул с шеи шарф и пошел намеченным маршрутом.

Мы всё это видевшие, тут же кинулись за ним, чтобы вернуть потерянный шарфик. Это обстоятельство его не смутило. Приняв свой шарф с благодарностью, он обмотал его себе вокруг шеи и пошел дальше, наслаждаясь весной.

Его любовь к студентам и добрые чувства особо проявлялись на экзаменах. А устраивал он экзамены следующим образом.

Всю группу запускал в аудиторию, не раздеваясь, раздавал билеты, которые представляли из себя пару рукописных листков, на одном из них была задача, на другом теоретические вопросы.

Причем написаны задания были шариковой ручкой, а она продавливала листок бумаги так, что с обратной стороны было

видно лицевое заполнение. И если текст прочесть было сложно, то эскиз к задаче просматривался очень отчетливо!

Затем собирал зачетные книжки, заполнял экзаменационную ведомость и покидал аудиторию на три часа.

В это время можно было пользоваться всем, чем угодно: лекциями, учебниками, справочниками... не важно. При беседе со студентом он всё равно безошибочно определял уровень знаний каждого.

Если погода в день экзамена была хорошая, то преподаватель с удовольствием гулял три часа по улицам, а если погода не позволяла гулять, то он уходил куда-нибудь на кафедру или садился в соседней аудитории и три часа сам с собой играл в шахматы.

По истечении этого времени он возвращался к месту сдачи экзамена, около двери долго кряхтел, шаркал ногами, прежде чем открыть дверь. Но и это ещё не всё.

Он аккуратно, чтобы не напугать, стучался в дверь, а открыв её, поворачивался спиной вперёд и так входил, снимал пальто, подходил к столу и только здесь он поворачивался, при этом низко опустив голову.

И только уместившись на стуле, он приглашал первого отвечать экзамен к себе за стол.

Ещё одно приятное всем студентам чудачество заключалось в том, что через семестр, на втором экзамене он никогда не ставил оценку ниже той, которую получил студент на первом экзамене. Выше мог, а ниже никогда!

И здесь снова отличился Остроносков Слава!

При раздаче задач он увидел эскиз той, которую не мог решить ни один из сдававших перед нашей группой студентов.

Вытащил, видя эскиз к задаче просто так, из «спортивного интереса». Ну а в «довесок» ему по теории выпал вопрос из самой сложной темы курса.

Трудно вспомнить конкретно, но там был какой-то сложный изгиб с поворотом и срезающим моментом одновременно. Короче говоря, горящих желанием отвечать этот вопрос нашлось бы не больше, чем решать ту задачу, которую Славик сам себе вытянул. Когда Доцинский читал нам эту тему, то он затратил полноценные две лекции, то есть четыре учебных часа. Всё это время к поставленной задаче он выводил расчетную формулу. Прервавшись на окончании одной лекции, он продолжил и закончил вывод на другой в конце занятий. Но закончил с очень недоуменным видом...

Простояв в глубокой задумчивости несколько минут он нам объявил, что, в принципе, всё решение правильно, но он где-то попутал знаки. Поэтому там, где должен получиться «плюс» у него получился «минус».

- Ну, ничего страшного! Будете готовиться к экзаменам – сами разберётесь!

Ага! Как бы не так! Кто бы это, интересно знать, стал бы разбираться и искать ошибку у преподавателя, кому это нужно?

Естественно, все решили спустить на русский авось. Всё – таки тема одна, а билетов много!

И вот именно этот вопрос выудил себе Слава.

Почти сразу после того, как преподаватель покинул нас на три часа он сказал, что задача ерундовая и он её уже решил. А что за теоретический вопрос он, конечно, не знал.

Повернувшись ко мне, он показывает вопрос и спрашивает:

- Что это такое, о чем, вообще, здесь говорится?

Глянув на вопрос билета, я ему ответил, что, в принципе, я в курсе, но вывести формулу не смогу. И напомнил всю историю вывода этой формулы в течении двух лекций.

- Понял, ответил он. А исходные данные ты мне дать можешь?

- Могу!

- А конечный результат?

- Могу! Смотри! Только имей в виду, что он где-то знак потерял и относительно лекции он должен быть

противоположным. Бери лекции, пользуйся!

- Да не надо, я сам!

И сел за вычисления.

К возвращению экзаменатора в аудиторию он уже сидел готовый к ответу по всем вопросам и первым отправился отвечать. Молча просмотрев решение задачи, Дощинский удовлетворенно кивнул головой и отложил листок в сторону.

- Давайте, показывайте свои знания теории!

Славик протянул ему исписанный листок с выведенной формулой.

Экзаменатор недоуменно изучал несколько минут листок и сказал:

- Ни чего у Вас не понимаю! Что это такое?

И Слава «вдарился» в объяснение...

- Дело в том, что я не знал этой темы, спросил у ребят, они мне сказали какие исходные данные, и какой результат, но когда Вы выводили эту формулу, то где-то потеряли знак. Поэтому я решил всё в обратном направлении. От конечного результата к исходным данным.

- Но я не использую таких обозначений! Где Вы их взяли? В лекции тоже такие же обозначения как в учебнике.

- А я не читал ни лекции, ни учебник.

- Как на читал!? Хорошо! Что означает у Вас эта закорючка?

- А это когда на материал воздействует какая-нибудь сила, то он вначале сопротивляется, потом гнется. Так вот это поправка на это сопротивление.

- Это же коэффициент пластичности!

- Д-а-а? А я не знал!

- А это что за греческая буква?

- Это «кси», она тоже вносит поправку в случае, если воздействовать на материал, то тот вначале сопротивляется, а потом ломается. Вот это поправка «кси» и означает.

- Но это коэффициент прочности! И у него совсем другое обозначение!

- Д-а-а! А я не знал! Я же говорю, что лекции и учебник не читал!

- Ну ведь Вы правильно вывели формулу. Хоть и наизнанку! Откуда же Вы взяли эти знания, если не читали?

- Не знаю! Просто думал, что так будет правильно!

- Никогда ещё такого не видел! – сказал экзаменатор, и отпустил Славу, поставив ему пятёрку!

* * *

Заканчивается обучение на самом трудном первом курсе. Ещё экзамены не начались, а идет только зачетная неделя, за которую необходимо сдать все зачеты и получить допуск к экзаменам. За семестр у всех накопились не сданные работы по техническому черчению, начертательной геометрии и техническому рисованию. У кого-то больше, у кого-то меньше, но все явились в назначенное для сдачи время в одну большую аудиторию.

За двумя столами сидят обе преподавательницы, которые вели практические занятия по предметам: Воронкова и Заринкова, а вокруг них несчетное количество студентов, включая вечерников и заочников.

Схема сдачи такова: подходишь со своими чертежами, они просматривают молча всё, ставя пометки на ошибки и неточности. Ты идешь исправлять! Если всё верно, то работа зачитывается и сдаешь следующую. Времени у преподавателей, чтобы поднять голову и пообщаться со студентом нет, поэтому они видят только чертежи.

Студентам дневного обучения в этом плане легче. Всю теорию они прослушали, почитали в учебниках, посещали практические занятия и там что-то почерпнули для себя, а то и сдали работы.

Вечерники и заочники такой возможности не имели, поэтому сдачу работ можно правильнее назвать «спихиванием».

У женщин-преподавателей нервы уже взвинчены до предела и сами они уже раскалены так, что если выключить свет, то обе будут светиться в темноте красным светом.

И тут раздаётся над аудиторией зычный голос одной из принимающих:

- Да я уже видела этот чертеж, только-что! Тут куча ошибок, я же Вам их отметила! Идите, исправляйте!

- Но я ведь уже исправил, где Вы пометили!

- Так там ещё куча ошибок! Смотрите внимательно, а лучше перечертите чертеж полностью!

- Как это «перечертите»? Мне сдать надо чертеж.

- Так здесь же масса ошибок!

- Где ошибки, ну где, скажите!

- Пожалуйста! Вот ошибка: неверно подписан размер, неверный знак обработки поверхности – тоже ошибка, не выдержана толщина линий!

- Толщина линий!?! Так это же х – ня!

- Да! Х – ня, и это х – ня и это тоже х – ня!.. А!? Что Вы сказали! Вон отсюда!

После такого диалога заочника с преподавательницей мы все аж под парты попрятались от страха. Но всё что ни происходит, всё нам на руку!

Обе женщины первой очередью приняли всех безоговорочно «дневников» и остались разбираться с оставшимися вечерниками и заочниками.

* * *

В принципе учеба заладилась во всех отношениях, включая отношения с преподавателями. Исключением являлись отношения с преподавательницей немецкого языка, которая с удовольствием занималась со всеми студентами, кроме студентов МСФ. Она считала, что именно здесь собираются самые тупые в изучении иностранных языков студенты и при этом высказывала неоднократно эту свою «мудрую» мысль нам вслух.

Надо сказать, что её старания даром не прошли, и мы ей стали отвечать взаимностью, которая на последнем курсе обучения языку вылилась во взаимную неприязнь. Правда, к этому времени занятия иностранным языком по расписанию стали происходить один раз в две недели, но это не снимало необходимости пройти весь материал семестра.

И тут по учебному плану у нас должна была пройти контрольная работа на автоматах. Автоматы – это такие предшественники компьютеров, в которые закладывались вопросы по предмету и представлялось несколько ответов.

Нужно было из двадцати пяти вопросов ошибиться не более двух раз, причем не подряд, иначе автомат выводил окончательную оценку «неудовлетворительно» и возникала необходимость пересдачи до момента получения положительной оценки. С чувством тошноты в животе мы явились на контрольную работу, и, о чудо! – нашего преподавателя нет. А без неё нас никто к автоматам не допустил. Мы так и не узнали, почему же её не было? Возможно спутала расписание, возможно забыла о назначенной контрольной, возможно приболела, но экзекуция нас миновала...

А следующая встреча должна произойти только через две недели!

За это время никто даже не подумал сходить на кафедру иностранных языков и встретиться с ней.

Подошел очередной день занятий. Время приближалось к паре иностранного языка, и у нас начался диспут на тему: «Куда пойти учиться?» Одна часть думала, что надо идти вновь на контрольную на автоматах, а это совершенно другой учебный корпус, довольно далеко находящейся, другая часть, что надо идти в лингвистический кабинет, где мы занимались изучением языка.

Победило второе мнение, но этого не знала наша преподавательница, которая по - видимому, нас ждала на контрольную. Так прошло ещё две недели и вот, пропустив месяц занятий, мы всё-таки встретились со своей преподавательницей.

Мы сидели за столами с ослабевшими коленями. Кто же знает, чем она на нас может «отыграться»?

Но случилось великое чудо! За это время её просто подменили.

Заходит она совершенно спокойная, здоровается с нами, берёт в руки учебник немецкого языка и отлистывает в нем, примерно, половину страниц...

- Вот столько материала мы должны были с вами изучить за то время, пока вы не появлялись на занятия!

У нас просто похолодело в кишках. Ну, думаем, сейчас всё это задаст до следующего занятия, а там устроит казнь.

А она спокойно откладывает учебник в сторону и говорит:

- Пусть же всё это остается на вашей совести тяжелым камнем! А мы двигаемся дальше!

В семидесятые годы в томском городском транспорте частенько можно было прочесть лозунг: «Совесть пассажира – лучший контролёр!» А студенты его переиначили и говорили: «Советь контролёра – лучший пассажир!»

Вот по такой перевернутой фразе у нас всё срослось с иностранным языком.

Уж какой тяжести камень лег нам на совесть, неизвестно, только свалился с неё ещё более тяжелый!

Итожа своё вступительное слово, она сказала, что Государственный выпускной экзамен по иностранному языку, который нам предстоял уже через пару недель, скорее всего наша группа не сдаст!

И пришел день расплаты.

В отличие от всех остальных предметов, по которым можно хоть что-то узнать даже в последнюю ночь перед экзаменом и надеяться на чудо, что тебе именно это и попадется, иностранный язык надо учить и совершенствовать знания постоянно. Поэтому его либо знаешь, либо не знаешь! Но делать то нечего, сдавать необходимо.

На экзамен шли как на праздник: в отглаженных костюмах, белых рубашках, в галстуках. Шпаргалок никто не делал. Смысл – то в них какой?

Ведь в шпаргалку вписывают обычно то, что плохо знают или понимают и это надеются списать. А нам что, весь учебник переписывать или немецко-русский словарь?

Кстати, словарем на экзамене пользоваться разрешалось, только времени на подготовку ответа давалось всего двадцать минут, так что словарь тоже сильно не полистаешь!

Приятной неожиданностью для нас стало то, что Государственный экзамен не имел права принимать тот же преподаватель, который вел занятия.

Нас усадили в аудитории, собрали зачетные книжки на стол и раздали задания для подготовки ответа. Это было три задания: перевод текста с немецкого на русский язык, пересказ незнакомого текста и беседа на заданную тему.

Моя зачетка оказалась третьей по счету сразу следом за самыми успешными нашими ребятами в вопросе знания языка.

Начинаю переводить выданный мне текст.

Первое предложение: просто русский текст, написанный латиницей, второе предложение такое же! Я довольный потираю руки и тут выхожу на третье предложение. Читаю его, вдумываюсь в смысл... Всё-таки кое-какие слова знаю. Но что это за напасть? Я текст читаю, а предложение не кончается. Кое как найдя через четыре абзаца окончание предложения я полностью потерял его смысл. Всё-таки грамматика немецкого языка сложна и самое в ней неприятное, что предлог слова может находиться в самом начале сложного предложения, а окончание в совершенно непредсказуемом месте, включая самый последний слог предложения! Здесь же предложение на столько сложносочиненное, что его как будто специально так сложно сочиняли...

Позаглядывая в словарь, перечитав несколько раз предложение, я

сумел какой-никакой смысл у переведенного найти и составить предложение, наиболее меня устроившее.

В это время пошел отвечать первым Глинкин Николай. Я прекрасно понимаю, что это не более пяти минут, далее по очереди Калдыров и следующим должен идти я. То есть я в цейтноте!

А текста ещё переводить треть! А ещё тема для собеседования и пересказ текста, который я даже ещё не читал.

Я порылся в карманах и там нашел самое необходимое для меня на данный момент: ластик и обрезок карандаша.

Быстренько стерев галочку, поставленную преподавателем, указывающую объем переводимого текста, я поставил новую галочку в том месте, до которого текст перевел. В принципе, объем перевода был достаточно большой, и экзаменатор могла не обратить на это «мелочь» внимания.

Оставалось рисковать, так как дальше тянуть было нельзя!

Прочитав тему для собеседования, понял, что Господь Бог какой-то студенческий существует, потому что досталась тема, на которую все изучающие немецкий язык, беседовали ещё обучаясь в школе – «Моя семья». Значит на неё время можно не тратить, по ходу беседы что-нибудь насочиняю!

Последним заданием было: пересказ незнакомого текста.

Да! Но я даже представить себе не мог, что тест может быть на столько незнакомым!

Прочтя его в первый раз, я не нашел в нём ни одного знакомого слова! Потом уже стало понятно, что это от неожиданности.

После того, как этот же текст я прочитал раза три – стал улавливать общее содержание! Но пересказать!? Собственными словами!? Это было выше моих сил!!!

И в этот момент пришло гениальное решение: надо этот текст прочитать максимальное количество раз, чтобы читать не запинаясь, а там уж что будет – то будет! Так что этот злополучный текст я успел прочесть раз пятнадцать и тут подошла моя очередь сдавать экзамен.

Я уверенной походкой подошел к столу экзаменатора, который стоял вплотную к стене, сел на стул и, выполняя требования экзаменатора, неуверенной рукой показал «тот объем текста», который мне нужно было перевести. Она спокойно взяла мой листок с записанным переводом, прочла его и отложила в сторону.

Поставила у себя в листке какую-то, только ей понятную закорючку и предложила мне переходить ко второму вопросу.

Тут я по заданной теме для собеседования поливал как соловей весной! Так уверенно и бойко рассказал набором самых простых слов о моих родителях, брате, сестре, где кто проживает и чем занимается, что у экзаменатора не возникло ни одного вопроса ко мне. В общем, собеседование превратилось в монолог, который полностью, как я понял, удовлетворил слушательницу. А я получил в записях о себе очередную какую-то закорючку, точно такую же по виду, что и первая.

Оставался последний, теперь самый страшный момент для сдачи экзамена – пересказ текста, который я совершенно не помнил.

И в этот момент приходит в голову очередная идея!

Положив листок с текстом таким образом, чтобы экзаменатор могла свободно его видеть и читать, но при этом не загоразивала листок мне, откинув голову за плечи преподавателя я уперся глазами в текст и начал бегло его читать!

Но в голову закралась одна предательская мысль, что слишком уж я уверенно и без запинок его читаю!

Всё это со стороны должно выглядеть не слишком правдоподобно! Мне просто необходимо где-то сделать заминку!

И я её сделал!

Поскольку текста я не помнил, то выбирать особо не приходилось. Где запнулся, там запнулся!

Сижу с задумчивым видом, тру себе бестолковый лоб, и делаю вид, что пытаюсь вспомнить текст, чем очень удивил принимающую экзамен женщину.

Она посмотрела на меня над своими очками и спросила:

- Что же Вы замолчали? Так хорошо пересказывали! Забыли, что ли текст?

- Да вот что - то сбился и потерял мысль, умно ответил я.

- Так посмотреть для напоминания не возбраняется!

Просмотрите, где Вы запнулись!

Я посмотрел...

Хуже места для этой сцены придумать нельзя было, так как там не сбился бы даже пятиклассник! Но уже ничего не исправишь! Да и смотреть-то, оказывается, не возбраняется!!!

Я пробежал глазами текст до конца статьи и уже без единой запинки, добросовестно дочитал его до конца!

Поставив в собственных записях обо мне ещё какую-то пометку, похожую на две первых, экзаменатор меня отпустила и перешла к следующему.

Так один за другим мы продвигались по Госэкзамену и все думали только об одном – чтобы не пришла с проверкой наш

ведущий преподаватель, а то ведь она нам обещала на экзамене «весёлой жизни».

Часам к трем вся группа «отстрелялась», но результаты Госэкзамена оглашают только после завершения экзамена, поэтому все были в неведении.

И, наконец, наступил торжественный момент.

Нас завели в аудиторию для оглашения результатов. На ватных ногах мы вошли, расселись и стали ждать своей судьбы!

Раскрыв свои записи, экзаменатор огласила текст примерно следующего содержания.

- Обычно мало кто из преподавателей рвется принимать экзамен у студентов МСФ, потому что вы, как правило, мало времени уделяете изучению языка. Но ваша группа явила из себя удивительное исключение!

- Неудовлетворительных оценок нет!

По аудитории пронесся вздох облегчения.

- Троек всего три. Называет фамилии. Я своей не слышу.

Ну, значит, всё здорово! Четверка в кармане и можно, вполне, побороться за стипендию!

- Но самые выдающиеся знания в области изучения языка показали три человека. Называет двоих наших, действительно сильных парня: Глинкин и Калдыров и третьим оказываюсь я!

Пока не увидел оценку в зачетной книжке, я поверить не мог, а получив зачетку на руки я, что называется, подорвался бегом из корпуса.

Бегу по коридору и вылетаю на нашу преподавательницу, обучавшую нас четыре года.

Она меня бегущего спрашивает:

- Борисенко! Вы экзамен сдали?
- Сдал! – отвечаю я, не останавливаясь.
- Как сдали, что получили?
- Да сдал я, крикнул убегая и махнул рукой! А сам думаю:
 - Чем черт не шутит? Остановит, узнает, что сдал на «отлично», пойдет перепроверять... а мне это надо?

Глава 2

Путешествие в романтику.

Интересно узнать! Кто – ни будь, когда – либо задумывался над тем, насколько учебные программы одного ВУЗа могут отличаться от таких же программ другого. Или одинаково ли загружены студенты разных специальностей на одном и том же факультете?

Наш институт очень заботился о качестве своих студентов – будущих руководителей производства и был горд тем, что не только учебное время студентов было очень напряженно нагружено, но даже лето их студентами используется на благо учебного процесса, потому что летом мы проходили производственную практику.

Нет, нет! Никто из нас, студентов, по этому поводу не роптал! Все прекрасно знали, что, благодаря, в том числе, занятым производственной практикой летних месяцев, наши выпускники были востребованы на самых ведущих предприятиях огромного Советского Союза. Плоды, как говорится, были на лицо!

Мне всё это припомнилось, когда моя дочь поступила учиться в очень престижный университет, но на специальность, которой раньше не было. Их курс был первым. Так что программа обучения отработывалась и выстраивалась на них. А учились они, примерно, весь семестр по одной - две пары в день. Три пары занятий было большой редкостью. И надо сказать, что мне технарю по образованию, читать её учебники сходило на уровне художественной литературы! Я зачитывался учебниками по психотипам людей, языку жестов и поз, так называемыми «законами подлости».

Нет, конечно, там были учебники, которые без специальных знаний было не понять, но согласитесь, что изучать психологию людей имея при этом большой жизненный и производственный опыт и интереснее, и проще, чем первокурснику.

В связи с этим я вспомнил, как мы пришли на первый курс специальности, которая существовала с рождения факультета, и возраст её уже перевалил далеко за семьдесят лет!

Представляете, как за эти годы отработалась и отшлифовалась программа нашего обучения!?

Для вхождения в режим учебного процесса было выделено время в объеме первого часа вступительной лекции по начертательной геометрии.

На встречу с начинающими студентами пришел весь деканат и заведующие наших профилирующих кафедр.

Каждый из выступивших преподавателей смысл выступления сводил к тому, что нас ожидает, если мы «запустим» его предмет. Пламенные, обнадеживающие выступления подытожил декан, который сказал коротко:

- Кто будет лоботрясничать – всех выгоню! Обещаю, что к завершению учебы вас останется примерно половина. В какой половине вам находиться в конечном итоге решать вам самим!

После всех этих напутствий наша жизнь на первом курсе выглядела следующим образом: учеба по расписанию, учеба в библиотеке, учеба в комнате в общежитии.

Между этими учебными минутами по двадцать на посещение столовой два-три раза в день. Экономия времени за счет сна. Да и сам сон представлял необычное зрелище.

В нашем расписании одновременно присутствовали такие предметы как техническое черчение, техническое рисование, начертательная геометрия, сопротивление материалов, теоретическая механика. Они подразумевали собой работу карандашом по чертежной бумаге. Мы все, выполняя напутствие старших товарищей, никогда не расставались с отточенным карандашом и ластиком. Потеря одной из этих вещей

равнялась катастрофе вселенского масштаба! Поэтому у каждого из нас карандаш и резинка были привязаны тонким шнуром и висели на шее типа ладанки у верующего.

Так мы ходили на занятия, так мы ходили в столовую, туалет, душ, так мы спали. А над кроватью каждого из нас на шнуровых веревках, прикрепленных к стене, были подвешаны чертежные доски. Все разложенные на этих досках конспекты и чертежи каждый раз убирать времени не хватало, поэтому спали прямо под чертежными досками, нависшими над кроватями, как солдаты в блиндаже, с повешенными на шее карандашами и резинками.

И если вы думаете, что с окончанием первого курса всё изменилось и мы расстались раз и навсегда с карандашом и резинкой, то глубоко заблуждаетесь.

Первый курс это было только начало, потому что далее по программе обучения у нас шли каждый семестр курсовые работы по основным предметам и не всегда по одной курсовой.

Эти работы представляли из себя расчетную часть в объеме пятьдесят-шестьдесят листов и альбом чертежей состоящий из пяти листов полного формата ватмана.

Отбыв три – четыре пары лекций и семинаров, и, подготовившись к занятиям на завтра, мы садились за курсовые.

Лучше всего они шли по ночам, когда общага успокаивалась, часть ребят ложилась спать, а те, кто корпел над курсовыми, считал неудобным ночью шарахаться по соседним комнатам.

Такой загрузкой мы отличались не только от студентов других факультетов, но и от студентов других специальностей нашего факультета.

Среди нас любимым анекдотом в эту пору был анекдот про женатого студента – технолога, который сказал жене, что пошел к

любовнице, любовнице сказал, что пошел к жене, а сам заперся в рабочей комнате и чертить, чертить, чертить...

Но не нам первым и не нам последним втягиваться в эту программу.

Постепенно втянулись и мы в такой ритм, стало появляться немного свободного времени по вечерам. Это время, примерно после десяти вечера, мы решили посвятить изучению города, в котором имели честь учиться.

Делали очень просто: шли на улицу и, подходя к остановке транспорта, садились в первый попавшейся автобус, троллейбус, трамвай. Ехали, пока не надоест или до конечной остановки, а потом возвращались назад пешком. Надо сказать, что это дало свои плоды. К окончанию первого курса мы не только освоились в институте, но и так же успешно освоились в городе.

А, изучая историю своего института, я узнал, что у томских студентов уже очень большой, многолетний опыт работы в студенческих строительных отрядах. К этому времени студенты Томска уже отработали 14 летних семестров на стройках страны. Участвовали в строительстве города Гагарина, заложили новый нефтеград на севере области, освоили со всей страной Целину... Много хороших и нужных дел свершили ребята в «робах» с надписями на спине, с гитарами на перевес, с юношеским задором и блеском в глазах.

Работа до изнеможения, дружба и взаимовыручка, без которых не пойдет ни какая работа, песни у костра по вечерам!

Романтика!!!

Она меня тоже увлекла. Осталось выяснить, где и как можно попасть в ССО-Студенческий Строительный Отряд?

Вижу – объявление: «Производится запись желающих..., дата» Оно!

Когда пришел записываться, неожиданно для себя обнаружил, что из нашей учебной группы я пришел один. Это меня удивило, несколько разочаровало, но не остановило. Я подал заявление и стал ждать дня отбора.

За это время выяснил, что наш учебный процесс прописан таким образом, что, начиная со второго курса каждое лето мы не будем иметь каникул на отдых. Это летнее время у нас будет занято производственными практиками. Каждый год разная: ознакомительная, производственная, технологическая, преддипломная. Одно лето, когда можно отдохнуть – это лето после первого курса. Но оно же единственное лето, когда можно оказаться в строительном отряде, больше такой возможности не представится.

Выбор я сделал в пользу романтики.

Нас долго и нудно готовили, чему-то обучая, скорее всего техники безопасности, ну кому это интересно? Но главная подготовка – сдать сессию!

Вот и последнее препятствие в виде сессии успешно преодолено! Теперь только романтика на всё лето!

В последних числах июня нас всех в количестве пятидесяти человек посадили на теплоход «Патрис Лумумба» (и откуда в центре Сибири могло взяться такое экзотическое имя для корабля?) и мы двинулись вниз по течению Томи, вошли в русло Оби... и там все ахнули!..

Уже много позже мне довелось в конце июня лететь на самолете на север Томской области и всё, что нас привело в восторженный ужас, увидеть с высоты полёта самолёта.

Оказывается, в эту пору тайга из себя представляет океан, в котором изредка встречаются острова суши, и, по дну которого повсеместно растут деревья. Этот океан не имеет ни каких границ

вообще! Столько воды! И вся эта вода представляет реки и озера, вышедшие из берегов, и самое большое в Мире Васюганское болото, которое тоже далеко вышло из берегов, и вся излишняя вода слилась вместе.

Где заканчивается одно и начинается другое сам Бог не разберёт!

Поэтому, когда летишь на самолёте, то становится страшно от того, что садиться самолёту не куда, суша отсутствует!

Как вдруг при подлёте к месту назначения ты видишь сверху небольшой участок намытой суши с коротенькой полоской дороги. На ней стоят какие-то строения, а дорога никуда не ведет. Потом эти строения превращаются в здания аэропорта, а короткая дорога, становится посадочной полосой для твоего самолёта. И ты молишься, чтобы пилот не промахнулся мимо этой ниточки посадочной полосы.

А мы, стройотрядовцы, шли по воде.

Как только теплоход вышел из русла Томи и вошел в Обь, мы оказались не в речном плавании, а в океаническом. Фарватер теплохода проходил так, что ни слева, ни справа берегов реки видно не было, крепкий вечерний ветер раскачивал наш теплоход как неизвестное плавучее строение. Казалось, что мы в самом деле в открытом океане, а наш «Патрис Лумумба», трехпалубная речная громадина, стоявшая у причала речвокзала Томска, оказался малюсенькой щепочкой, брошенной на поругание волнам бескрайней воды.

Наши места согласно билетам, располагались в трюме. Там было достаточно уютно, просторно, тепло, но впечатление, полученное от разлившейся реки, было сильнее желания согреться. Мы высыпали на палубу, и даже ни у кого не возникло желания спуститься вниз, зато желание под эту неопишемую красоту петь

походные песни стало неудержимым. И мы запели!

Это были, конечно, очень популярные песни, но для нас неизвестного автора.

Понимаешь! Это странно, очень странно,

Но такой уж я законченный чужак.

Я гоняюсь за туманом, за туманом,

И с собою мне не справится ни как.

Люди посланы делами, люди едут за деньгами,

Убегают от обиды и тоски...

А я еду, а я еду за туманом,

За туманом и за запахом тайги...

Следом пошла другая песня, не хуже первой.

А ты твердишь, что б остался я,

Чтоб опять не скитался я,

Чтоб восходы с закатами

Наблюдал из окна.

А мне б дороги далёкие

И маршруты не легкие,

Да и песня в дороге мне

Словно воздух нужна...

А чтобы жить километрами,

А не квадратными метрами,

Холод, дождь, мошкара, жара

Не такой уж пустяк,

И что б устать от усталости,
А не от собственной старости.
И не жизнь в кабаках – рукав
Прожигать у костра...

Развесёлый, общительный, талантливый и бесконечно музыкально одаренный Витя Диль быстренько сбегал за своим неразлучным спутником – баяном. Он слёту подстраивался под любого поющего или играющего и тут же начинал подыгрывать совершенно незнакомую ему ранее мелодию! А уж что касается известных всем песен, то он составлял дуэт любому музыкальному инструменту, ну, а с гитарой ему неоднократно приходилось нам аккомпанировать.

Под звон гитары Олега Кислицкого и мелодичное звучание Витино аккордеона мы дружно спели разбитную песню про бездомного бродягу:

Всё перекаты, да перекаты!

Послать бы вас по адресу...

На это место уж нету карты,

Плывём вперёд по абрису.

А где-то бабы живут на свете,

Друзья сидят за водкой.

Владеют камни, владеет ветер

Моей дырявой лодкою...

Следом за этой песней запели под очень лиричное сопровождение одного баяна.

Ну что, мой друг свистишь?

Мешает жить Париж?

Ты посмотри,
Вокруг тебя тайга

Подбрось-ка, дров в огонь.

Послушай, дорогой!

Он там,

А ты у черта на рогах!..

Так под гитару и баян мы всю ночь просидели на палубе, правда ночи июньские в Сибири не более трех часов, а затем начинается рассвет, зрелище восхитительное!

Проплыв часов двенадцать теплоход начал куда-то медленно сворачивать, явно желая пристать к берегу, которого не было и в помине.

Минут через пятнадцать движения поперёк течения стал вырисовываться высокий берег. Ещё минут через тридцать – сорок мы пристали к дебаркадеру. Это была пристань города Колпашево.

Здесь, на окраине города с местным названием «Пески» расположилось стойбище нашего отряда в здании какого – то клуба.

День прибытия использовали на собственное благоустройство: устроили спальные места, штаб, кухню, сколотили столы для приёма пищи, получили рабочий инвентарь и наряд на работу с завтрашнего дня.

И работа началась!..

Нам выдали задание прокопать канаву и уложить в неё кабель связи. Канавка должна пройти через весь городок от речвокзала до подстанции связи. В руках у нас были только лопаты. Любой другой инструмент нам запрещали брать в руки. Ни ломы, ни кирки, ни топоры...

Крайне нас это удивляло и возмущало.

Ещё бы!

Вы, когда ни будь пробовали выкопать лопатой канаву. Да что там канаву, просто ямку в вечной мерзлоте... А здесь, нам всем на удивление, грунт был таким: сверху примерно на штык лопаты был песок, чистый такой, как будто его специально промыли, он даже не пылит, когда его просеиваешь, глубже – торф! Так этот самый торф к концу июня даже не оттаял. Мало того, он был настолько замёрзший, что ноги в резиновых сапогах, положенных по технике безопасности, не выдерживали, и приходилось каждые полчаса выбираться из канавы, разуваться и лежать, задравши к солнцу ноги, чтобы отогреть их. Правда такое наблюдалось не везде, а ведь в Колпашево росли деревья, люди выращивали огороды... Как потом показала практика: там, где солнце прогревало землю этого не наблюдалось, а там, где преимущественное время территория находилась в тени зданий, заборов, тех же деревьев, там сталкивались с замёрзшим торфом. И как-то странно проложили для нас трассу под кабель, основная часть канавы проходила по затененной стороне.

Мы в своих трудах продвигались не быстро, сантиметрами вгрызаясь в мерзлоту. Работа тяжелая, ноги мёрзнут, а при этом лето стоит с тридцатиградусной жарой!

Работать в робе жарко, поэтому через пару дней мы не стали надевать робу поутру, когда нас вывозили на объект. Прошло ещё немного дней, и мы стали выезжать с нашего стана даже без рубашек. Тело к этому времени уже как следует загорело под солнцем и «задубилось» до того, что назойливый гнус тело не прокусывал, но вот уши... Уши приходилось прятать. Иначе мошкара работать не даст, будешь постоянно смахивать гнус с ушей, а к концу рабочего дня своим смахиванием сотрёшь уши до крови.

На нас с огромной человеческой печалью смотрели местные тётечки.

Сердобольные русские женщины даже представить себе не могли, что эти, фактически дети, добровольно захотели поработать летом и искали себе именно такую трудную работу. Поэтому все хозяйки дворов, мимо которых проходила наша канава, постоянно над нами причитали:

- Да кто это детей посмел заставить так трудно работать!
Изверг!

А затем, обращаясь к нам:

- Детки! Зайдите во двор, я вам молочка налью и огурчиков с огорода принесу!

И несли нам молоко трехлитровыми банками, огурцы, помидоры ведрами, буханки хлеба и соль в обязательном порядке! При этом продолжая причитать:

- У меня самой сын или внук учится в Томске. Может и его кто покормит!

Но оказалось, что не всё население нас любит и привечает. Пройдя больше половины канавы мы зашли с работами на территорию, расположенную за аэродромом, он в Колпашево находился, практически, в центре города. Здесь сама атмосфера была не такой, люди по улицам не ходили. Дети играли только в своих дворах. Никто из взрослых к нам не подходил, женщины не стремились нас чем-нибудь угостить, даже не позволяли набрать питьевой воды из колодца или водопровода.

В один из дней подходит к нам карапуз и уверенным голосом спрашивает:

- Что это вы здесь делаете? Зачем канаву вырыли?

Мы отвечаем:

- Мальчик! Мы прокладывает кабель связи, чтобы у твоего папки дома был телефон.

Пацан убежал, но очень скоро вернулся и вполне авторитетно нам заявил:

- Папка сказал, что ему телефон не нужен, убирайтесь с нашей улицы на ...!

В последствии на наш этот рассказ один местный парень нам пояснил, что в этом районе города проживают потомки ссыльных немцев Поволжья и прибалтийцев, у которых не прошли обиды на Советскую власть. Люди они все, как правило, обособленные, необщительные и мрачные. Дружбы и даже знакомств ни с кем они не водят.

А мы после этого случая этот славный «портовый» городок стали называть не иначе как «Рио де –Колпашево».

Вот такой боевой вид мы имели: обнаженный торс, резиновые сапоги, рабочие штаны и обмотанная какой-нибудь косынкой голова. Но это всё неприятно закончилось в один день!

Утром как обычно мы вышли на объект в своей обычной «униформе». Привычная жара с утра продолжалась до обеда. А в обеденное время над нами образовалось малюсенькое, совсем неприметное облачко, с которого на наши головы начал капать огромными холодными каплями совсем не летний дождь, и он буквально за минуты превратился в холодный ливень. А следом за ливнем на наши головы повалил снег!!! Малюсенькое, почти незаметное облачко в один момент разрослось до невообразимых размеров, затянув собой всё небо. Сразу на глазах потемнело, температура упала до десяти градусов. Когда за нами пришел транспорт, чтобы отвезти на обед, то застал такую картину: мы все промокшие, замерзшие, по пояс голые стоим с шапками снега на голове...

Случилось это пятнадцатого июля!

На следующий день потеплело, но дальше, до самого окончания нашей работы теплее пятнадцати градусов температура не поднималась. Это на улице, а у нас в отряде на следующий день у большинства бойцов отряда температура подскочила, а за одно появился насморк – простуда вполне заслуженная!

За то среди «сопливых» бойцов появилась присказка следующего содержания: «Знаю я три города – матери: Одесса – мама, Москва – мать и Колпашево ... твою мать!»

Болезнь некогда. Продолжаем копать канавы одними лопатами и нас переполняет возмущение:

- Так что же нас ничем больше не снабдили, возмущались мы.

В ответ родился экспромт: «Это раньше работали вручную, а теперь лопатой!»

Но шутки шутками, а с ломом и кирками мы значительно быстрее бы продвигались! Хотя, если честно, то вряд ли это продвижение заметно ускорилось бы.

Дело в том, что любой лом о замерзший торф стучается как о ватную подушку. Ну, пробьет он в вате небольшое углубление, а куска грунта даже не отколет. Единственное, чем лом может помочь – это выковыривать не перегнившие корни или ветки.

В «тихую» мы лом себе раздобыли. Роем себе по городу канаву, роем и неожиданно что-то мешает, поперёк лежит толстая коряга, не позволяет в этом месте углубиться. Мы подвели под корягу лом, стали её вытягивать вверх. Немного поддается. Подложили под лом кирпичи, вчетвером за другой конец лома взялись и от всей души уперлись... Ну прямо как в сказке про репку! Тянем – потянем ломом, и вдруг рывок и из канавы торчат какие – то провода, толстенный пучок, штук на пятьдесят проводов...

Вот незадача, какой – то кабель порвали!

Оперативности связистов оставалось только удивляться. Мы ещё и не поняли толком, что произошло, а вокруг нас уже собралось несколько человек гражданских связистов, прибывших на своей летучке, глава местной милиции расставил вокруг оцепление, чтобы никто посторонний не смел к порванному кабелю приблизиться, и куча военных разных чинов и званий.

Из нас никто даже подумать не мог, что в этом Богом забытом городке, стоящем в центре Сибирской тайги, может оказаться столько военных, да ещё в звании полковника. После короткой разборки нас, студентов, оттерли от места аварии, поставили связистов чинить кабель, причем военных связистов, накрыв место аварии палаткой и установив на время ремонта военизированную охрану. А отремонтировать кабель - это каждый проводок спаять и заизолировать, а потом всё место спаять в защитную муфту. Работы понаделали...

Вечером, на заседании штаба, нашему бригадиру сказали, что в Колпашево расположена воинская часть, которая занимается сопровождением космических кораблей и спутников во время полета, а тот кабель, который мы так ловко порвали, оказался кабелем связи с центром управления полетами, находящемся под Москвой. Именно по этой причине нам было поручено копать канавы вручную, а тяжелый колющий и рубящий инструмент применять запрещалось.

Каким образом эту аварию нам простили, остается только гадать. Возможно, в это время никого в космосе не было, всё – таки это было только начало семидесятых годов, а кабель отремонтировали очень оперативно. Только нашу бригаду, от греха подальше, отправили в соседний поселок Тогур, где располагался огромный лесозавод, а людей не хватало. Мы прибыли на помощь лесовикам.

Наша бригада в количестве двенадцати бойцов строительного отряда «Механик» поселилась вместе с такими же студентами, только лесотехнического техникума. Те, можно сказать, работали по специальности, но их работа всё же больше походила на производственную практику. Они работали очень близко к своим будущим специальностям, а вот нам пришлось всё осваивать в новинку.

Сам поселок Тогур представлял из себя старинное село, довольно большое со школами, клубом, стадионом, кафе и действующей церковью. Осмотрев в течении часа все основные достопримечательности нового для всех нас населенного пункта, мы пришли на своё, временное место работы для оформления. Процедура не затруднительная, тут же мастер нас разделил на три группы и сказал, что завод работает в три смены, поэтому мы тоже будем работать в три смены на сортировочном столе.

Первая наша четверка заступила на работу в этот же самый день с четырёх часов дня до полуночи, её должна сменить вторая четверка, которая будет работать до восьми утра, ну а за ней третья четверка. И так по кругу пока голова не закружится.

Я попал в число тех, кто заступал сразу.

Знакомство с сортировочным столом мне не понравилось.

Работа заключалась в том, что большая распиловочная машина пластала крупные брёвна на доски, эти доски из - под пилы машины сыпались градом на транспортёр, который вытаскивал доски уже на сортировку. Странно, но на сортировке работали одни только бабы. Извините, но после вступительной речи бригадирши, назвать её женщиной просто не поворачивался язык. Так вот она, в своей пламенной речи нам пояснила, что с транспортера, нужно весь лес разобрать по сортам и сложить у сортировки на земле в стопки. Последнее по расположению на сортстоле рабочее место ответственно за сбор не сортамента, а проще говоря обзола,

горбыля, коротышей и прочего деревянного мусора. Его тоже необходимо собирать в стопки, так как вывозит всю продукцию лесовоз. При этом бригадирша предупредила, что первый раз создадим завал, они нам помогут его разобрать, а потом хоть умирайте, но завала чтобы не было! При завале остановят транспортер, а от этого зависит их зарплата. Это я рассказывал так долго, а она умудрилась свои «мысли» вогнуть в два – три очень выразительных и емких слова, чередуя их местами.

Как делается сортировка и укладка леса, одна из работниц показала и ушла собирать хорошие доски, а мы начали с того, что сразу создали завал.

И как это тётки так ловко укладывали длиннющие и тяжеленные доски в стопки, которые не разваливались?

У нас стопка развалилась на высоте сантиметров сорок, а собрать её было необходимо метра полтора! Пришлось её всю разбирать и составлять заново. Время потеряли, наш конец транспортёра завалило не разобранными обрезками...

Тётки тут же нам сказали, что о нас думали, встали вместе с нами на разборку, а когда всё разобрали и они пошли по своим рабочим местам, предупредили, что следующий раз нас пустят под распиловочную машину!

Слова возымели магическое воздействие моментально! Мы им как – то сразу поверили и больше такого не допускали уже до конца работы на лесозаводе.

В этом месте не мешало бы сделать не большое отступление от всего повествования и рассказать о тех благах, которые несли с собой студенческие строительные отряды.

Ещё на стадии формирования в состав всех отрядов обязательно включали подростка из числа «трудновоспитуемых». Эти ребята, как правило, из неблагополучных семей. Они имели

приводы в милицию и чаще всего состояли там на учете, постоянно ощущали материальный недостаток в семье. Так эти ребята ехали вместе со студентами, проживали с ними вместе. Одинаково работали всё лето, так что хулиганить им было некогда, а по окончании сезона получали наравне со всеми бойцами отряда студентов. Так ССО занимался воспитательной и благотворительной работой.

Но помимо основной работы, после которой оставались построенные объекты и перевоспитанные оболтусы, студенты вели культурную деятельность среди местного населения, устраивая тематические лекции, концерты художественной самодеятельности и агитбригад. Поэтому студенты всегда были желанными гостями в родной глубинке.

Итак, вернёмся к нашему пребыванию в Тогуре.

В то время, пока первая бригада втягивалась в производственный процесс, две другие бригады, которым всё ещё предстояло пройти по нашему пути, гуляли по поселку.

Для томского Севера Тогур оказался довольно благоустроенным и примечательным. На стене поселкового клуба мы нашли мемориальную доску, в которой значилось, что с такого – то по такое – то время здесь отбывал политическую ссылку пламенный революционер, соратник В.И. Ульянова (Ленина), Я.М. Свердлов. Здесь мы моментально провели аналогию с собой, и мы себя в шутку называли политическими ссыльными, которые отбывают здесь срок наказания, правда совсем за другую провинность. Как не странно, эта новость моментально, без нашего участия, дошла до руководства стройотряда «Бонифас», в чьи пенаты мы прибыли. И она же привлекла к нам особое и пристальное их внимание. Скорее всего, это нам помешало помимо основной работы подрядиться на выполнение ещё одной, как мы предполагали, более денежной.

Дело в том, что, гуляя по поселку, ребята обратили внимание, что у имеющегося храма довольно обшарпанный купол, зашли к настоятелю и предложили отремонтировать и покрасить кровлю.

Наше предложение батюшку заинтересовало, но он сказал, что подобные решения принимает Совет церкви, который распоряжается деньгами, а состоится он в четверг, через день.

Наши парни посидели у батюшки в саду, попили чаю с угощениями и распростились до четверга. А уже в среду к вечеру мы увидели бригаду строителей – армян, которые выполняли облюбованную нами работу.

Мы – то прекрасно понимали, рассказывать, что мы студенты, а соответственно комсомольцы, батюшке нельзя, чтобы не подставить его и самим не подставиться, но нас успешно «засветили», по – видимому, руководство наших соседей.

Кому и что они ещё про нас рассказывали, неизвестно, но только мы недолго проработали на лесозаводе. Дней через десять нас направили в помощь селу.

По соседству с Тогуром находился совхоз «Север» и ему необходимо было помочь с заготовкой сена.

Прямо здесь, на заводской пристани у лесозавода нас усадили на катерок и отправили по реке Кеть в сторону заливных лугов совхоза. Это вниз по течению реки.

Катерок достался очень примечательный. Он не имел пассажирского помещения. В трюме располагалось моторное отделение и небольшая рубка, в которой находился моторист, он же матрос, он же капитан. А нас двенадцать человек разместили на палубе. Но это место трудно сравнить с палубой того же «Патриса Лумумбы». Вся площадь была метров восемь квадратных, а над водой она поднималась всего сантиметров на двадцать. Так что сидя на палубе можно было дотянуться до воды. Но погода была

тихая, теплая, вода текла настолько плавно и неспешно, что уподоблялась маслянистой жидкости, след от нашего катера задерживался на воде после нашего прохода и прорезанная в воде канавка подолгу не затягивалась и, если бы не жуткий гнус над водой, то можно было ощутить себя в Раю.

Поход был не долгим. Ещё засветло, выйдя в Обь, мы прибыли на место.

А место было прекрасно! Луга были на столько обширными, что высоченные деревья, обрамляющие поляну, выглядели маленькими кустиками. Не далеко от берега Оби стоял рубленый небольшой домик, означающий полевой стан. В нем, при всём огромном желании, могло расположиться на ночь всего человек шесть. Этим шесть человек, включая повариху, набиралось из местных, поэтому для нас место для сна было определено в сене.

Мы, городские ребята, дети цивилизации, впервые в жизни ночевали в сене: ложе себе изготовили, наносив свежего сухого сена, утоптали его, затем столько же принесли, чтобы можно было накрыться.

По совету опытных местных ребят ложе устраивали подальше от воды... А где это «подальше?» - если кроме широкой водной глади реки, по берегу, как говорится, одно на другом располагались небольшие озерца, буквально метров по двадцать – двадцать пять в диаметре. И все озерца соединены между собой небольшими ериками. Вода из одного озерца перетекает в другое, потом в третье и так дальше, а где – то из последнего по очереди вода сбегает в реку.

В конце концов, на ночь расположились поближе к домику полевого стана, утихомирились и попытались уснуть, но не тут – то было! Гнус через защиту из сена пробиться не мог, но гудело вокруг так, будто спать расположились на взлетной полосе аэродрома! Да

ещё этот неопиcуемый запах свежего сена, ночного луга, водного тумана...

К утру мы совершенно не выспавшиеся, с шумевшей от запахов, как от выпитого вина, головой, считались отдохнувшими.

Крестьянский подъем летом происходит в пять часов утра. Подражая местным, мы умылись в ерике, там же почистили зубы и готовы были завтракать, но наше внимание привлёк странный моцион, совершаемый трактористом. Он, стоя у берега озерца, что – то тянут из воды.

Подойдя поближе, мы увидели, что он тянет толстенную леску. У его ног уже лежало аккуратно смотанной несколько метров лески, а он всё продолжал её вытягивать из воды, причем с заметным усилием.

И тут из воды выпрыгнуло нечто огромное и с шумом плюхнулось в воду. От неожиданности мы отпрянули от воды. Чем немало повеселили парня.

Это была щука, как потом выяснилось, почти на шесть килограммов. Подведя её леской под самый берег, рыбак подвел под жертву подсак и вынул этого «крокодила» на берег. Мы впервые увидели такой улов собственными глазами!

Дальнейшие действия рыбака нас вообще ввергли в ступор. Он тут же поймал на берегу лягушку, насадил её на крюк (то, что на леске было привязано, язык не поворачивается назвать «крючок») и подбросил её высоко вверх над поверхностью воды. Наживка, плюхнувшись примерно на середине водоема начала погружаться и тем самым приближаясь к берегу. Так продолжалось не очень долго, но в итоге, леска оказалась свисшей вертикально вниз от самого берега. На наш молчаливый вопрос местный ответил:

- Здесь никто не пытался измерить глубину, но для ловли щуки метров двадцати хватает.

Подобные действия аборигены полевого стана производили по три раза в сутки: утром, в обед и вечером. Причём улов почти никогда не отличался от предыдущих, они только каждый раз меняли водоем, чередуя меж собой самые близкие к стану.

На полевом стане не было никакого холодильника, да и откуда ему взяться, если даже на горизонте не было видно ни одной электрической опоры, поэтому сюда и не привозили мяса и скоропортящихся продуктов. Вся местная кухня зиждилась на живущих в озерах щуках. Из отловленных щук повариха готовила супы, борщи, котлеты, жаркое... Короче говоря, всё, на что хватало её фантазии, только никогда не готовила жареную рыбу. И вот однажды мы сумели порадовать нашу повариху, и она приготовила горячо любимую ею жареную!

В один из вечеров, после работы, пока было ещё светло, кто-то один из наших ребят остановился над ериком с недоумённым видом. Долго всматриваясь в мелкую воду, соединяющую меж собой озёра, он сказал:

- Ничего не понимаю! Что это такое?

Все собрались около него и тоже начали рассматривать протекающую воду. А там что-то одинаковой длины, диаметра, шевелящееся, да ещё и определённо сориентировано...

И тут озарение! Да это же щурята, все совершенно одинаковой величины, плотно расположившиеся в ерике как карандаши в коробке.

Взяв в руки по куску лески связанной в виде простого силка, мы надергали из воды огромное количество щурят, чем очень обрадовали и ублажили повариху. Она сама наелась и нас всех накормила настоящей вкуснятиной! А самое интересное, что при этом количество щучьего потомства заметно не убавилось, так как

на место каждому отловленному щурёнку вставал другой плотно – плотно, оставляя картину в первозданном состоянии.

Работа на полевом стане для нас заключалась в том, что заранее скошенное и уже просушенное сено тракторист вязальной машиной собирал в тюки, а мы должны были эти тюки по полю собрать и уложить в стога. Это занятие проще, нежели собирать в стога рассыпанное сено. Вся трудность заключалась в том, что эти тюки необходимо стаскивать к одному месту, а они, надо сказать, не легкие.

Заливные луга полевого стана были огромны, и к месту сбора стогов от полевого стана идти километров четыре – пять. А потом ещё собирать сено... В общем, пока доберёшься пешком, уже сил на работу не остаётся. Потому тракторист, парень молодой, лет восемнадцати, нам предложил:

- Могу вас на тракторе к месту работы подвозить, правда, телеги у меня нет, поэтому кто на тракторе поместится, того подвезу.

Вы, когда – ни будь видели человека, которому предлагают подъехать, вместо того, чтобы идти пешком, а он, по какой – либо причине отказался? Вот и я таковых среди нас не увидел.

Но при этом надо сказать, что кроме тракториста на этой машине должны были уместиться ещё двенадцать человек!

И что вы думаете? Уместились! Четыре человека сидело на крыше кабины. Двое вперёд лицом. Двое назад. Четверо ехали стоя сзади на сцепке трактора. Остальные, включая тракториста, набивались в кабину.

Кто за что держался, чтобы не свалиться – одному Богу известно, но сила привычки притупляет страх.

Если первый раз все ехали верхом на тракторе очень сосредоточившись, и тракторист был предельно аккуратен и

осторожен, то с течением времени, пообедав, и, выдвинувшись, по привычке верхом на тракторе на рабочее место, стали под равномерное тархтение двигателя трактора буквально засыпать, да и тракторист осмелел и ехал по лугам на довольно большой скорости. Так что на одной из дорожных кочек трактор так подбросило, что двое из сидевших на кабине вспорхнуло вниз. К ним присоединился и один из тех, кто ехал на сцепке.

Испуганный тракторист тут же остановился, все бледные от страха спустились на землю к тем, кто там оказался раньше остальных и не по своей воле. Пострадал, на радость всем, только один, да и то не страшно. Тот, который слетел с сцепки. При своём кульбите он сильно ободрался об торчащий болт. Борозда глубокая, но, почти не кровоточащая, пролегла по диагонали от плеча до низа живота. Двое других рассказали, что умудрились проснуться во время своего полета с кабины до тракторных гусениц, при этом сумели оттолкнуться от движущихся трак и отскочить в сторону! И как всегда, когда резко спадает сильное напряжение или страх, то наступает период «ржача».

«...а я вдруг вижу, во сне, что лечу куда –то вниз! Открываю глаза и правда лечу, даже ещё ничего не понял, только вижу, что очень быстро приближается гусеница. Ну, думаю, - кирдык мне! Надо бежать, почему бежать, куда бежать – не знаю, просто так подумал и побежал. Оказалось, вовремя ножками задрюгал. Так прямо по движущейся гусенице пробежался и в сторону прыг! Смотрю – лежу, а трактор едет мимо меня!»

Это своими впечатлениями очень эмоционально делится Диль.

Стрессово – шоковое состояние всех остальных просто мелочь по сравнению с Витиным возбуждением.

В это время все обратили внимание на бледного тракториста, плавными движениями покидающего своё водительское место. Он

ещё не понял, что всё обошлось малым испугом для всех нас, включая его самого. Пришлось sprysнуть его теплой питьевой водой из тех запасов, которые взяли с собой на место сенокоса.

Постепенно порозовев тракторист, очень молодой парень, моложе всех нас, очень высокий, статный, да и просто красивый, вначале стал глупо улыбаться, потом смеяться, а затем на него напал просто истерический смех.

Вот когда стало по-настоящему страшно! Он метался вокруг трактора, похоже, искал раздавленное тело, потом стал бежать в медпункт, до которого, кстати, были немереные километры, затем решил, что ему нужен директор совхоза, чтобы доложить о случившемся...

Два – три человека, которые пытались его остановить и успокоить отлетали от соприкосновения с парнем как камушки от скалы.

И только когда по команде мы все двенадцать человек одновременно навалились на эту природную махину из мышц и сгусток силищи, оказавшуюся в шоковом состоянии, мы сумели его повалить и, придавив всем нашим общим весом к поляне, сумели удержать парня пока он не успокоился.

Быстрый тормоз, применённый к трактористу, практически мгновенно поверг его в глубокий сон. Так он проспал четыре часа. Мы за это время отошли от случившегося, пошарив по окрестностям, нашли бревенчатую волокушу и впредь на работу и обратно ездили на ней, прицепленной к трактору. А тракторист, после глубокого четырехчасового сна, проснулся, посчитав, что уже утро и нам пора ехать на работу (странно, но при этом завтрак он, почему – то решил пропустить, хотя раньше за ним такого не наблюдалось). Мы кое – как сумели его переубедить, объяснив, что сейчас вечер, время возвращаться на стан для ужина. Нехотя он

нам поверил. Так этот рабочий день завершился, но наши приключения, связанные с этим трактористом, ещё не окончились.

Рабочая неделя, на которую нас отправили на помощь селу, завершилась. Мужики нашей работой были довольны, мы сдружились и даже на субботний вечер получили приглашение в посёлке с ними «посидеть», а потом сходить на танцы. Кстати, сказали они, у нас стоит тоже отряд студенток – девчонок, кажется «Синильгой» называется. Строят коровник. Вот в обед придет катер и всех заберёт, в поселке на танцах и познакомитесь. О! «Синильга», это отряд девчонок – политехников химико – технологического факультета. Если доведётся побывать в вашем селе, то обязательно зайдём в гости!

Поработали до обеда, больше ни мы, ни местные не стали, чтобы не опоздать на катер. Мы покидали эти сказочные места навсегда, поэтому собрали все свои вещи, проверили наличие документов, и сели в ожидании...

Катера всё не было, а время шло. Наш знакомый тракторист прикинул в уме что – то нам неизвестное и заявил:

- Похоже, сегодня транспорта не будет! Возможно придет завтра. Поэтому, чтобы не опоздать на танцы, я иду домой пешком. Могу вас прихватить с собой. Но идти пешком по тайге километров пятнадцать, поэтому двигаться буду быстро, кто готов тот может идти со мной, но предупреждаю, что останавливаться на отдых не буду, кто отстанет, того дожидаться тоже не буду. Пусть идет один!

На эти условия мы все согласились, а местные мужики заявили, что им всё одно где отдыхать, здесь даже лучше. И, хотя бутылочки нет, но зато жен тоже нет! Они остаются на стане.

И вот мы идем по тайге! Можно ли с Сибирской тайгой сравнить Амазонию – не знаю, но заросли, переплетенные, где

вьюном, где хмелем были совершенно непролазными как в джунглях. Величественные деревья, поросшие сплошным кустарником смородины, акации, молодой подлесок из берёзы и осины, осока в заболоченных местах выше человеческого роста, стволы борщевика, веха, чертополоха диаметром с руку, которые под нашим весом не то что не ломались, а у нас не хватало сил и веса, чтобы их отогнуть! А ведь там ещё необходимо как – то ориентироваться!

Но местный парень ориентировался в лесу как хозяйка на собственной кухне. Он, с учётом знания направления движения и его мощи, шёл первым, именно шёл, а мы все остальные за ним бежали бегом. В лесу повышенная влажность, тёплый безветренный вечер... В такую погоду вся влага, покидающая организм на совсем его не покидала, а осаждалась на теле, промачивая всю одежду. Запах образовавшегося пота не давал поднятому из травы и кустарника гнусу покидать столь лакомое место и все комары, мошкара, пауты, слепни, оводы кидались на нас как на свою жертву, чтобы напиться от нас вождеденной кровушки. И они не покидали свои заветные места, пока их не сгонишь или не размажешь по телу, потому что над нами висела целая галактика, состоящая из этих ненасытных тварей, и только ждала появления освободившегося места на чьём – либо теле, чтобы впиться в него своими хоботками или челюстями. Но нам было необходимо идти дальше, ведь условия похода помнили все!

Пройдя таким образом километров семь – восемь, мы уперлись в берег водоёма. Наш вожак остановился, почесал затылок и выдавил из себя:

- Я что – то не подумал, что у нас по пути озеро! Это бывшее русло реки, поэтому озеро узкое, но длинное. Мы находимся примерно посередине, а, чтобы его обойти, надо вдоль берега идти километров двенадцать! По ширине оно метров двадцать

пять, но переплывать через него я не полезу. Оно очень глубокое, очень холодное и очень непредсказуемое. Можно напороться на корягу и не выплыть! Что будем делать?

Вот скажите, пожалуйста, что в таком случае ответить? Это местный нам такой вопрос «закатил», а мы – то откуда знаем на него ответ!?

Но ответ пришел сам – собой, точнее приплыл сам – собой! Оказалось, что в этой ситуации у кого – то из нас оказался проворный Ангел – хранитель, или Господь Бог решил выручить из беды всех своих атеистических сыновей.

Короче...

Из – за кустов выплывает мужик на ялике (ни много, ни мало для таёжного озера) – это такая большая лодка! Выплывает и говорит с укором:

- Что это вы здесь расшумелись, рыбачить мешаете!?

Мы ему объясняем, кто мы и откуда здесь взялись, и чего нам бы хотелось, а именно, перебраться на тот берег.

Мужик нам отвечает:

- Значит так, пацаны, я всё понял и вам помогу, но имейте в виду, что я на рыбалке, поэтому кто поместится в лодку – тот переправится. Перевожу одной ходкой. Не поместитесь, будете куковать на берегу, мне некогда, вечерняя зорька начинается...

Мы загрузились в лодку: нас двенадцать студентов, парень – тракторист и хозяин лодки. До воды от верхнего края лодки оставалось не более пяти сантиметров. Благо, что стояло абсолютное безветрие, волн на воде не было совсем. Все сели в лодке как ломы прямо, боялись пошевелиться, последний оттолкнулся от берега, и, не опуская вёсел в воду, мы пошли по инерции к другому берегу. Лодка скользила плавно, но очень

медленно и всё время было опасение, что первоначального импульса не хватит дотянуть до другого берега озера.

Но это был «наш день»! Усилия хватило, лодка уткнулась в берег, мы быстрёхонько покинули ялик, поблагодарив хозяина, отправились дальше, сохраняя первоначальный темп ходьбы.

Идти стало значительно легче. Во – первых, положительно сказалось удачное разрешение таёжной переправы, во – вторых, расстояние до пункта назначения стало значительно меньше – большую часть пути мы всё – таки уже преодолели, ну и, в – третьих, по эту сторону озера лес был значительно реже, воздух был более прохладным и сухим, поэтому гнуса стало меньше. Вечерело, а стало быть, двигаться в быстром темпе становилось не так жарко и значительно легче... Короче, жизнь вновь приобрела краски и вновь становилась прекрасной и удивительной!..

В таком хорошем расположении духа провожатый довел нас до центральной усадьбы совхоза «Север», привел на мехдвор и тут же исчез. На дворе потемки, никого знакомого, где искать руководство, чтобы просить оказания помощи?

В это время на территорию мехдвора забежал парень в студенческой робе. Он оказался бригадиром отряда «Синильга» химико – технологического факультета. Они и в правду в совхозе занимались строительством.

Поговорив с нами, он пригласил нас к себе в отряд. Стояли они не далеко, дошли мы быстро и девчонки из стройотряда встретили нас как близких. Показали душ, и, пока мы приводили себя в порядок, приготовили нам ужин.

За время нашего отдыха этот же бригадир нашел директора совхоза, рассказал ему про нас и директор, чувствуя свою вину (всё – таки это он не прислал за нами катер на луга), быстренько организовал нашу отправку в Тогур. Так что после ужина девчонки

из «Синильги» проводили нас на пристань, и мы под их прощальные взмахи руками и чудную песню, которую они пели как лирический гимн своего отряда, отвалили от берега. Мотор выделенного нам плавсредства работал негромко, поэтому далеко – далеко над рекой слышалось девичье пение:

Росу золотую склевала синица
Над сонным болотом клубится рассвет
Мы снова уходим, и снова Синильга
Берёзовой веточкой машет нам в след.

Куда мы уходим, и кто же нас гонит
Куда же влечёт нас лихая судьба?

Мы встретимся снова в пустынном вагоне

И ты улыбнёшься: «Привет, старина!»

Мы вспомним, как раньше с тобою дружили
Как слали проклятья бродячей судьбе
Мы стали иными, мы стали другими
Но не изменили мы сами себе.

Ребята, ребята! Я буду не в силах
Забуть удивительный этот рассвет.
Ведь только однажды, однажды Синильга
Берёзовой веточкой машет нам в след.

На сей раз нам досталась шаланда метра четыре длиной и около метра шириной. Оснащена она была рубкой с двумя деревянными продольными лавками, лобовым окном с выбитым стеклом, мотором в трюме, штурвалом снаружи.

Какова была грузоподъёмность этого корыта сокрыто великой тайной, но когда капитан, он же моторист, он же матрос, он же рулевой, он же царь и Бог в единственном экземпляре, разговаривающий только матом и, как истинный морской волк хриплым голосом, запустил нас на свою шаланду, то она осела до

невозможного предела. От верхней палубы до воды было с десяток сантиметров! И если на лодке рыбака нам при сильной её осадке необходимо было проплыть всего – то порядка двадцати метров поперёк озера, то здесь предстояло плыть вверх по течению и ещё не мерянные километры! Но капитан судёнышка вёл себя по – деловому.

- Пацаны, ...ь, сели... вашу мать, ..., на лавки поровну и ... ни гу – гу!

- Шевелиться, ...ь, нельзя! Кто будет прыгать, ..., своими руками на ..., за борт, ...ь!

Тут поневоле поверишь! Мы расселись на деревянных лавках по шесть человек в ряд, правда там могло разместиться не более чем по четыре человека, и тронулись в путь.

На берегу уже стояла ночь, а на реке ещё кое - что просматривалось, но нам было не до красот Оби. После столь утомительного пешего путешествия, душа и кормёжки всех начал «рубить» сон, но на чеку был наш капитан! Как только заметил склоняющиеся головы, начал тут же кричать:

- Не спать на ...! Я сказал, ... сидеть ровно, ...б вашу мать! Перевернуться хотите на ...!? ...вашу мать!

После его дикого, хриплого пропитого мата сон отлетел как не бывало.

А дальше, при всём большом желании заснуть, ни чего бы не получилось, так как ночь напозла кромешной тенью на реку, воздух резко остыл, по реке пошёл сильный туман (всё – таки был уже август), который хлопьями залетал в разбитое окно рубки, а весте с туманом туда же попадали тучи гнуса, которого над водой ночью не меньше чем днем в лесу.

С учётом запрета нам двигаться процесс борьбы с гнусом выглядел очень потешно.

Сидишь и терпишь усевшихся на твоё лицо, уши, шею кровососущих, поедающих твою живую плоть тварей, потом ладонями обеих рук медленно, как в замедленном кино, прижимаешь всю эту мерзость к собственному телу и так же медленно размазываешь их, сбрасывая осязаемый кусок мяса. Руки при этом не выходят за пределы площади тела.

И так всё время. Немного погодя от пробирающего холода стало так трясти, что вибрация должна была по децибелам превышать вибрацию работающего двигателя!

В эдакой темноте кроме воды непосредственно у бортов, больше ничего не было видно. Поэтому не удивительно, что в скорости нос нашей шаланды во что – то воткнулся, а все мы двенадцать человек вмялись в стенку рубки до толщины одного человека, освободив пространство в половину рубки. А верхом на нас оказался лежащим наш капитан, хорошо различимый по запаху перегара, хриплому голосу и выражениям...

- ... твою ... напоролись ... на ... мель, чтоб ей ... ! Какого ... лешего лежите?! Мать вашу...! Все живые ... спрашиваю!? Дохлых за борт ..., а то пока дойдем ... завоняют! Ха – ха – ха!

Прямо сажем: черный юмор у нашего капитана!

А может быть и впрямь кого – ни будь раздавили? Ведь на передних сидящих давили не много ни мало по пять человек, наехавших по инерции, а стало – быть пресс оказался дай боже, не считая придурошного капитана, улёгшегося сверху на всех нас!

Но и впрямь всё снова обошлось благополучно, никто не пострадал! Но, что же делать дальше, сколько сидеть на мели?

Капитан даёт команду нам всем.

- Вы сейчас будете равномерно раскачивать катер влево – вправо, а я дам задний ход!

Нет! Ну не слабая так команда! То запрещал пошевелиться, чтобы не опрокинуться, а тут раскачивайте... Да мы же запросто зачерпнём краем воды и осядем ниже застрявшей шаланды!

Но, делать – то всё равно не чего! Ждать, когда придет спасение и кто – то нас сдернет с отмели – не реально. Тем более застряли мы на впадении Кети в Обь, а в таких местах несёт громадное количество песка и ила. Нас может в считанные минуты так заилить, что спасателю нас не сдернуть потом!

По команде мы начали раскачиваться влево – вправо. Лёгонький катерок слушался безропотно наших телодвижений, а включённый на полную тягу задним ходом двигатель быстренько сделал своё дело. С мели мы снялись и пошли ровным ходом уже по Кети до Тогура. Хо́да нам оставалось около часа.

И вот мы на берегу, очень близко к цивилизации. Но до неё ещё двенадцать километров по асфальту.

Время на часах пять утра. Первый автобус в посёлок Тогур, куда мы прибыли, из Колпашева отходит в семь часов, но это в будние дни, а сегодня воскресенье и когда будет автобус мы не знаем.

Начнём считать. Даже если он пойдёт по обычному графику, то в семь он выйдет из Колпашево, тридцать минут на дорогу сюда, тридцать минут обратно, да ещё отстаиваться на стоянке обязательно будет, получается, где – то в половине девятого мы окажемся в городе, потом по городу добираться до Песков ещё минут тридцать. Итого часикам к девяти, раньше не получится оказаться в «стойбище». А если пешком, то двенадцать километров, мы запросто пройдем меньше чем за три часа и дома окажемся раньше, даже на завтрак успеем!

Сказано – сделано! Мы двинулись вновь пешим порядком, но теперь уже по ровной асфальтированной дороге, по утренней

прохладе, и с утреннем же отсутствием гнуса, который к началу жаркого дня прячется в траву и кусты.

Что значит молодость! После такого не лёгкого похода, длившегося всю ночь, сейчас бы упал на диван и неделю не вставал, а тут ноги несли ещё быстрее прежнего.

Похоже всё нутро ощущало окончание злоключений и приближение стоянки и отдыха в нашем строительном отряде. Так мы ещё и по сторонам что – то успевали увидеть.

Мы шли по дороге, а по её обе стороны располагались поля самого северного в нашей стране опытного садового селекционного хозяйства. Ровными, длинными рядами стояли кусты синие от созревающей жимолости, а следом, уходящие в даль гряды клубники. Вот ведь было время, в которое довелось пожить! Обширные ягодные поля стоят себе без забора, без охраны, без следящих систем и никто на них не покушается!

Отвлекаясь на эти красоты, путь завершили незаметно.

Вот мы уже в городе! Не забыл глянуть на часы. Мы дошли до места за два с половиной часа! На этой окраине города остановка, с которой идет автобус через весь город на другой его конец, куда мы и стремимся попасть, начиная с обеда вчерашнего дня.

А вот и транспорт! На автобусе через тридцать минут мы уже были в своём лагере и, вообще, успели к началу завтрака.

За едой мы узнаём новость!

Оказывается, наши работодатели выдали отряду аванс за выполненную работу, и штаб вчера вечером предложил всему отряду на выбор следующие варианты: либо заканчиваете работу, получаете аванс и едите отдыхать, либо желающие заработать больше остаются. Берут ещё один объект и пока не закончат – работают. При этом, может быть даже придётся несколько опоздать на занятия, ну а каникулами уж точно надо жертвовать!

Второй вариант меня не устраивал. Поэтому, закончив завтрак, я пошел в штаб, доложил о своём прибытии и принятом решении. Получив аванс в размере ста рублей, и быстро собрав вещи, поехал в аэропорт.

На выходе из автобуса меня встретило объявление по аэропорту:

- Желающие вылететь в Новосибирск рейсом таким – то, в кассе имеется свободный билет!

Он меня дожидался, и я приехал! Да! Это был на самом деле «мой день»! Через два с половиной часа я уже приземлился в аэропорту Томачёво города Новосибирск и здесь меня продолжал преследовать «мой день», так случилось небывалое для нужного для меня направления полёта.

За все случаи моих поездок предпринимаемых через Новосибирск ни раньше, ни позже в направлении Средняя Азия, Казахстан билетов не было. Нужно было брать заранее билет, заказывать бронь на нужный рейс, ждать неделю и, чаще всего, получить отказ! А тут совершенно безнадежно я подошел к кассе транзитных пассажиров поинтересоваться местами, а мне говорят, что одно место, но только до Караганды на рейс Новосибирск – Караганда – Фрунзе имеется! А мне во Фрунзе и не надо, мне в Караганду и вполне хватит одного места! А если судить по личному весу и отсутствию багажа, то и полбилета меня бы устроили!

Подождав своего рейса часов шесть – семь на приподнятом настроении (ведь билет с местом на вожденный рейс был у меня в кармане), я лечу домой!

Лететь над Казахстаном тоже интересно и красиво! Если над Сибирью под крылом реки, озёра, болота и тайга, тайга, тайга... Зелень, приукрашенная блестящей бриллиантовым блеском воды рек и озер, то казахстанские степи смотрятся как огромное полотно –

нище, разукрашенное разноцветными квадратами распаханых, засеянных, созревающих полей.

Только, к сожалению, мой полёт проходил уже поздним вечером, и в этот раз всей этой прелести увидеть не удалось. Ни чего страшного! Зато я уже в Караганде, а время половина двенадцатого вечера!

До дома осталось доехать на автобусе.

Городок Абай, куда я так стремился, находится южнее Караганды километрах в двадцати пяти и на маршрутном автобусе можно доехать минут за сорок пять. Вот только одно «но»! Маршрутные автобусы заканчивают ходить в 23 часа.

Но на радость, таким как я ночным пассажирам, пустили дежурные автобусы, которые идут не с автовокзала, а прямо из аэропорта по городам – спутникам, которых довольно много вокруг областного центра. Они собирают прибывших с разных ночных рейсов и в три часа отправляются каждый по своему маршруту.

На рассвете, без десяти четыре, я постучался в родительский дом!

Ожидаемая ими радость встречи с сыном превратилась в полнейшую неожиданность. Ну, ни как они не могли рассчитывать, что я в этот день, да ещё ночью, приеду!

После того как все немного успокоились, покормили гостя, легли досыпать.

Я лежал и думал:

Что же за день такой, что родители мечтали, но не ожидали меня увидеть сегодня?

Сегодня завершилось воскресенье... А! Ведь воскресенье был 18-тое августа! Мой день рождения! Вот почему весь день был «моим днём»! И я заснул! Спокойной ночи! Или уже доброе ут...

Глава 3

Сто причин попасть в больницу.

Верно, когда – то сказал М.М. Зощенко:

- Человек не кошка. Ко всему привыкает!

Когда в процессе учёбы тебя каждые полгода ожидает сессия со сдачей от четырёх и до бесконечности экзаменов, то, в конце – концов, к этому привыкаешь и ожидаешь её уже не столь обречённо, как на первом курсе.

Поэтому по ходу учёбы в каждую сессию случалось, что – ни будь не ординарное, но ярче всего врезалась в память первая сессия.

Сдавать приходилось, в основном, общеобразовательные предметы, мало чем отличающиеся от школьных. Только изучались они более углублённо и с несколько иным подходом, чем в школе.

Наша группа сдаёт математику, физику, начертательную геометрию, историю КПСС и приближается последний экзамен, от которого внутри всё замерзает могильным холодом - химия.

Неизвестно почему наш преподаватель решил, что мы знать химию должны лучше выпускника химического факультета, хотя нам читали химию всего один год.

А, возможно, он решил свой недостающий опыт чтения лекций (он только первый год этим занимался) компенсировать более строгим спросом, но только все наши сокурсники, которые сдавали этот предмет до нас, отличились поразительным незнанием химии.

Каждая группа из двадцати пяти человек получала в итоге от восемнадцать до двадцати «неудов», остальные даже ни одной четверки не получили!

В конечном итоге такой «успешной» сдачей экзамена по химии очень заинтересовался наш декан факультета.

И это же надо, как благосклонны оказались учебные Боги, что за несколько дней до нашей сдачи, лично декан пришел на экзамен одной их групп и по ходу экзамена он сделал «корректировку» оценки уровня знаний его студентов!

Когда грянул наш экзамен по этому предмету, мы себя уже чувствовали значительно увереннее и показали результаты вполне приемлемые. Даже не помню: был ли у нас хоть один «завал».

А, поскольку остальные предметы наша группа сдала на вполне приличном уровне, то среди групп первого курса факультета мы оказались самыми успешными.

Физику нам читал преподаватель, который по возрасту от нас ушел не далеко, от силы лет на восемь, но он был уже кандидатом физмат наук, предмет знал и понимал очень хорошо, поэтому и лекции его были очень интересны, нестандартны и просто притягивали к себе студентов. Уж чего – чего, а проблемы с посещаемостью у него, точно не было. Редко кто пропускал его лекции, да и то по уважительным причинам. Но на протяжении всего учебного процесса он нас предупреждал, чтобы физику учили, потому, что списать, никому не удастся!

Как же он заблуждался!

Да! На самом деле он, принимая экзамен, рассаживал всех только за первый ряд парт, при этом предварительно проверял, чтобы в партах не было ни то, что лекций или учебника, но даже чистой бумаги.

В самом деле, парням списать было почти невозможно, хотя нашлись «виртуозы» своего дела и списали прямо перед носом у экзаменатора с его же лекций.

А вот девочки, те, вообще, превратили свои красивые ножки в места для шпаргалок. Даже точнее сказать, для записей.

Все самые привлекательные места были покрыты сплошь и рядом мелкими убористыми записями всего курса физики.

Возможно бедняга – преподаватель и видел, откуда девочки черпают свои ответы на вопросы билета, но назвать это место он просто стеснялся!

В итоге, с начала экзамена он просидел за своим преподавательским столом, не вставая, и дал возможность даже парням списать.

* * *

Очередной кошмар нас ожидал на экзамене по истории КПСС.

Нет, сам предмет был не сложен, да и «первоисточники» мы изучали постоянно, поэтому в трудах классиков марксизма – ленинизма плавали достаточно уверенно.

Сложность была в политических взглядах преподавателя.

Он был «сталинист», а по курсу истории была глава, посвященная разоблачению культа личности И. В. Сталина.

По старой студенческой легенде, тот, кому попадался этот вопрос на экзамене, мог сразу готовиться на переэкзаменовку. Дело в том, что если при ответе, опасаясь задеть чувства преподавателя, ты не будешь в достаточной мере критиковать политику культа личности, то экзаменатор обвинит тебя в политической незрелости, не понимании линии партии на демократизацию нашего общества.

Но, за то, если ты переусердствуешь в критике внутренней политики государства в период середины тридцатых годов и по самый конец пятидесятых, то, значит, ты недопонимаешь деятельность и заслуги партии в деле индустриализации и коллек –

тивизации народного хозяйства, победы над фашизмом, восстановлении послевоенного хозяйства.

Понятно, что при ответе нужно было балансировать на тонюсенькой ниточке, чтобы не «загреметь под фанфары».

Из всех нас этот билет достался мне.

При ответе я дважды нарывался на недовольный комментарий моего ответа. Пришлось рассказать содержание трех работ из изучаемых классиков.

И всё же он сидел в тяжёлом раздумье. Как потом я сам решил: меня спасла отличная оценка, полученная «автоматом» в первом семестре. Думаю, иначе был бы к нему второй заход за положительной оценкой.

* * *

Наверное, нас не обманывают, что климат меняется на планете, в том числе в Томске.

В семидесятые годы мы застали здесь очень короткое, но жаркое лето и очень длинную и очень холодную зиму.

В холодные месяцы становилось холодно везде: на улице, в общежитии, в магазинах, кинотеатрах и учебных корпусах тоже! Даже в старых учебных корпусах, построенных ещё при царе – батюшке, когда никто даже и не думал, что со стройки можно увезти пару – тройку подвод кирпича на свою заимку, а также цемент, песок для раствора и там из «сэкономленных средств» построить себе дворец, в такие дни становилось просто невыносимо холодно. Что уж говорить о новых корпусах, построенных с применением удешевляющих технологий. Они промерзали, а в ветреную погоду ещё и продувались. Шариковые ручки отказывались писать, и, чтобы записывать лекцию, их приходилось постоянно греть своим дыханием. А студенты без накинутого на плечи пальто высидеть не могли и одной пары.

Наш же, основной учебный корпус, где находился деканат факультета, был из числа новых корпусов. Зимой там плюсовую температуру удерживать было не реально! Придя на занятия, мы даже не снимали с себя пальто и шубы (у кого что было) и прямо в таком виде слушали и пытались записать лекции.

Практические занятия проходили в значительно меньших по размеру аудиториях, поэтому в них было теплее и на такие занятия мы сбрасывали с плеч верхнюю одежду и выглядели уже нормальными студентами, правда сильно замерзшими и поэтому откровенно синего цвета.

Вот на таком занятии я обернулся через плечо назад и замер в этом положении от поразившей меня картины.

На фоне синих от холода лиц моих одноклассников выделялось ярко зелёным цветом лицо Саши Шишкина. Он сам, при этом вёл себя совершенно адекватно, решая выданные нам задачи по математике.

С трудом дождавшись перерыва, я подошел к Саше и спрашиваю его:

- Саша! Ты как себя чувствуешь? Не болит ничего? - Нет, говорит он. А в чем дело?

- Пойдем со мной, говорю, и веду его в туалет, где в курительной комнате висит старое, грязное, заплёванное ещё предыдущими поколениями студентов зеркало.

Подошли к месту, откуда видны наши отражения. Я встал рядом с Шишкиным и говорю_

- Смотри! Разницу видишь?

- Да! А в чем дело? Что со мной?

- Ты знаешь, какой цвет получится, если смешать краски желтого и синего цвета?

- Нет!

- Зелёный!

- Ну и что?

- Когда мне было года четыре, и рос я в Казахстане, то там в то время была эпидемия желтухи. Многие болели, особенно дети. Говорили, что это из – за воды. Плохая очистка водопроводной воды была. Так вот во время болезни я был желтый как яичный желток. При этом каких – либо болезненных ощущений у меня не было, но это печень болеет и если не лечить, то быстро атрофируется и потом может оказаться поздно. Так я тебе скажу ещё, что болезнь эта раньше не считалась заразной. А потом обнаружили её заразность.

- Понял! А я, то здесь при чём?

- При том, что все ребята от холода посинели и это видно, и ты тоже посинел, но твой естественно синий цвет смешался с неестественным желтым. Вот и стал зелёным!

- Понял! И что теперь делать?

- Ты после занятий сходи в межвузовскую поликлинику, там тебе точно скажут, что делать.

Занятия окончились, мы все дружно пошли домой в общагу, а Саша, как и договаривались, пошел в поликлинику.

Прошло часа полтора, как он должен был вернуться, но его нет, прошло ещё часа два – всё нет Саши.

А ведь никто, кроме меня не был в курсе, куда он подался после занятий.

Когда время подошло ко сну, а Шишкин так и не объявился, я рассказал всю дневную историю.

Кто - то вспомнил, что в Томске у него проживают какие родствен –

ники. Он их навещал изредка, но, правда, ночевать никогда не оставался.

Дождавшись утра и придя на занятия, мы убедились, что Шишкина нет!

Значит, мы пришли к выводу, что всё – таки я оказался прав: Саша заболел, и после занятий мы его найдём в больнице и проведем.

Оказалось, что это задача не простая! В студенческой поликлинике нам сказали, что такого в стационар студенческой больницы не направляли.

Да и не направили бы, потому что это болезнь заразная, а стационар для инфекционных больных находится в клиниках мединститута по улице Савиных.

Это от студгородка не далеко, но в другую сторону от места, где мы находились, зато совсем рядом с нашими учебными корпусами.

Добравшись до клиник, мы получили просто от ворот поворот. В инфекционном отделении посещения не разрешены, передачи не положены, но зато мы убедились, что наш товарищ находится именно здесь на лечении. Направили его очень своевременно, поэтому скорее всего, через сорок дней он выпишется из больницы, а вот если бы запустили, то больного «упекли» бы на два месяца!

После курса интенсивного лечения кое – что ему разрешили в качестве передачи, но обратно от него мы ничего не получим, таковы правила! А, придя домой, мы обнаружили, что нас дожидается целый медицинский десант.

Вначале эти медики произвели полную дезинфекцию нашей комнаты, потом всех насильно посадили в машину и увезли с собой на проверку.

Слава Богу, наши анализы показали нашу непричастность к Шашиной болезни, а он, после лечения, которое действительно закончилось через сорок дней, вынужден был уйти в академический отпуск.

А за год до этого такая же участь повисла над моей шеей, но решилась благополучно.

А дело было так.

Для занятия физкультурой ещё в самом начале учёбы я записался в секцию футбола. Занятия проходили по расписанию в дни физкультуры, а она у нас была первой парой и проходила на стадионе, расположенном в Лагерном саду, а это самый берег реки Томи.

Что это значит, я поясню.

Если на открытом воздухе занятия проводились до температуры -30, а контрольный термометр находился на кафедре физкультуры в одном из учебных корпусов, расположенных в городе и показывал такую температуру, то на стадионе мороз был градусов на пять ниже, да ещё с реки постоянно тянуло ветерком! Жалея нас тренер иногда в такие дни занятия не проводил, но предупреждал, что когда потеплеет, то все коллективно будем «отрабатывать».

Наступил день «расчёта».

Собрав всех нас, тренер бросил нам футбольный мяч и сказал:

- Вам три часа играть в футбол, и пошел оформлять документацию.

День был тёплый и снег под нашими ногами быстро утоптался и раскатался.

Ведя мяч, я заложил финт, при этом мне под ноги подкатился соперник, попав мне в опорную ногу. Я неловко упал с высоты

своего роста всем телом на вертикально вставшую на площадку мою руку.

Удар оказался сильнейшим!

Рука подломилась в кистевом суставе, и кисть плотно примкнула к предплечью.

Травмированное место прямо на глазах стало приобретать фиолетовый цвет и резко увеличиваться в диаметре, а по всему телу растеклась сильнейшая тошнотворная боль. Ноги ослабели и подкосились.

Приложив к травмированному месту снег, я побрёл к тренеру. Тот, увидев мою руку, дал мне команду идти в больницу. С большим трудом переодевшись, я побрёл в больницу.

Идти нужно было мимо горбольницы с поликлиническим и травматологическим отделениями, инструментального завода, через весь студгородок, потом пройти мимо ещё четырёх предприятий, продвинуться по нескольким улицам и площадям...

В Томске с давних времён существует пять крупных ВУЗов, а сейчас к ним присоединилось ещё множество значительно меньших. И эти все студенты ВУЗов ещё с тех пор приписываются к межвузовской поликлинике, которая располагается в стороне от центра, и очень неудобно относительно транспорта. А особенно неудобно от стадиона, с которого я добирался. Да и ходил этот транспорт через пень в колоду. Дождаться его было просто невозможно. Поэтому не меньше часа я пешком добирался до поликлиники.

Добраться я кое – как добрался, но на этом мои мучения ещё не завершились.

Дело в том, что такое множество студентов создают и столь же длинные очереди в окно регистрации. В этой очереди пришлось отстоять почти два часа на подкашивающихся ногах, а когда

подошла моя очередь я уже не смог объяснить, что со мной случилось. Единственное, что я сумел – это показать травмированную руку и попроситься к какому – ни будь «костоправу».

Нет! Всё - таки все медработники - это отдельная каста людей спокойных, хладнокровных до чужих страданий и мучений.

Глянув совершенно безразлично на мой фиолетовый пузырь на том месте, где у нормальных людей находится рука, девушка в регистратуре сказала:

- Это не к нам!

- Как не к вам? А к кому же?

- В травматологический пункт третьей горбольницы!

- Ёкарный Бабай! Я три часа назад мимо него проходил и проносил свою травмированную руку! Мне что, назад идти?

- Да! Следующий!

Я потащился назад по тем же улицам, площадям, мимо тех же предприятий, студгородка и своего же общежития. Уже в потёмках я добрался до искомого пункта.

Зайдя в травматологический пункт, я обратился при входе:

- Девушка! Мне к кому с этим? – и показал свою руку, приподняв её другой, здоровой рукой.

Такой реакции я совсем не ожидал. Медсестра с громким визгом: «Перело – о – м!!!» - куда – то убежала.

Вместо неё вышел настоящий Доктор Айболит: маленький, сухонький, чистенький, беленький с седенькой, клинышком – бородкой, беленькой шапочке на голове и традиционным фонендоскопом на шее.

-У кого перелом, у тебя?

Кроме меня в отделении никого не было.

- Не знаю! У меня вот что! Я поднял левой рукой пострадавшую правую.

- Ну – ка, покажи!

Он своими сухими, жёсткими и, на удивление, очень сильными пальцами «пробежался» по всей опухоли...

- Нет никакого перелома у тебя, что паникуешь?!

- Я паникую? Это ваша сестричка крик подняла.

- Ну ладно, ладно! Сразу к словам цепляться! Всё нормально у тебя. Сейчас седлаем тебе тугую повязку, а потом, на всякий случай, сделаем рентгеновский снимок.

После наложения повязки руке стало полегче, но опухоль вылезла с её обеих сторон.

На снимке, в самом деле, перелома не оказалось, и я ушел к себе домой.

Ночь ожидала меня бессонная, но с утра начало становиться, в самом деле, легче, но смущало, что кисть руки так и осталась прижатой к предплечью.

То же самое осталось и дней через десять, когда уже окончательно сняли повязку. Так писать лекции и чертить чертежи я мог этой самой рукой, которая выглядела как чертёжная рейс – шина, даже примерно так же мною использовалась.

Левой рукой брал ручку или карандаш, вставлял в пальцы правой руки, у которой ещё и пальцы не двигались и таким образом работал.

Врачи говорили, что надо ходить на процедуры и разрабатывать кисть, но все эти процедуры заменила летняя поездка в студенческий строительный отряд, где нам в первый день выдали

лопаты и мы больше месяца с ней не расставались, чем, лично я, прекрасно разработал свою травмированную кисть.

Было у нас ещё одно приключение, связанное с больницей. А случилось оно неожиданно и непредвиденно.

Было самое начало осеннего семестра третьего курса. Ещё время позволяло не сильно напрягаться и отмечать какие – либо праздники.

Придумав себе подходящий праздник, мы набрали «Иверии» и потащились домой.

По пути Микола заявляет, что он человек интеллигентный (И когда он таковым стал, а мы и не заметили?), поэтому без закуски пить не будет.

Зашли в ближайший по пути магазин, и там вдруг обнаружилось, что всё тот же Микола обожает ливерную колбасу.

- Это же изумительная закуска! Мужики, ну давайте купим её! Мы поддались только на его уговоры. Сами мы никогда бы не купили такой колбасы, у которой вид такой, что её уже кто – то однажды до тебя уже ел!

В комнате, быстренько разлив вино по стаканам, мы приняли первую дозу.

Николай при этом стал аппетитно закусывать.

- Обидно же! Он ест, а мы пьём «натошак».

Но такую колбасу есть, всё – таки, было невмоготу.

Решили колбасу поджарить.

Нагрели сковороду, положили ливер, а он расплзся по всей сковороде, превратившись в бесформенную массу. Вид у неё стал ещё менее съедобный. Но «Иверия» брала своё! Кушать захотелось сильнее прежнего!

- Да чёрт с ней, с этой ливерной колбасой!

Взяли ложки и бесформенной массой стали закусывать. Вот только форму ливер потерял ещё до того, как прогрелся. И в этом была наша роковая ошибка!

Выпив всё вино и подъев всю колбасу, мы улеглись спать.

Просыпаюсь я раньше привычного времени. Что потревожило? Непонятно!..

И тут по животу как острой саблей!

От острой боли я подскочил и бегом в конец длинного коридора, где располагался туалет!

Первое, что я в туалете увидел это знакомые лица моих сожителей.

Все места были ими заняты. Но ребята подошли с пониманием момента и тот, кто пришел первым, решил, что уже может уступить место.

Оказывается, я подскочил последним. Все наши оккупируют дальнейшее помещение коридора с пяти утра с разной частотой!

День занятий сегодня был сорван. Всей комнатой мы остались на излечение, так как далеко отойти от упомянутого помещения мы просто не могли.

Эх! Всё - таки здорово быть молодым!

Даже такую неприятность мы сумели превратить в хохму, кстати, не бесполезную, как оказалось.

Быстренько выяснив, кто с какого времени посещает сие санитарное заведение и с какой периодичностью, мы составили график посещений и каждый раз с удовольствием и «ржачем» ставили новую отметку на графике, когда она ставилась не себе. Соединив все точки для каждого в отдельности мы увидели всю картину, постигшей нас неприятности в виде графика.

Особой интенсивностью роста выделился Колькин график. Если, у всех остальных кривые становились положе, то его кривая возрастала с катастрофической скоростью, и скоро стало понятно, что мы все выздоравливаем от постигшего нас недуга, а вот у Миколы дела только ухудшались!

Мы вызвали скорую помощь, так как к середине дня у него поднялась температура.

Приехавшая бригада врачей прежде всего внимательно выслушала нас о вчерашнем времяпрепровождении и им всё стало понятно, кроме того, что колбасу мы, всё - таки жарили, а эффект отравления на лицо!

Но, рассмотрев внимательно наш график, они пришли к другому заключению. Мы всё же получили пищевое отравление, с которым наши организмы справились (графики уже к этому времени у всех прервались, кроме Николая), а вот Николай поймал инфекцию. Его забрали и по скорой отвезли в межвузовский стационар.

Но этим дело всё равно не закончилось, потому что нас всех остальных, кто контактировал с ним, отправили в больницу, чтобы взять «петлю». Это такой анализ, о котором вспоминать больно!

Чтобы было понятно, поясню. Нам всем пришлось в лаборатории поликлиники сверкать лунным загаром своих задниц. Долго мы потом были Николаю за это «благодарны»!

А всё то время, пока мы в лаборатории демонстрировали все свои достоинства, медики вызвали санитаров с санэпидстанции, и они превратили нашу уютную комнату в выгребную яму, залитую ядом от возможного распространения инфекции, насекомых и грызуном. Все наши тетради, чертежи, постели стали непригодными. И, если постельное бельё кастелянша нам

поменяла, то чертежи она заменить не могла. Пришлось всё перечерчивать!

Пролежал Микола на излечении недели три.

Мы его там не забывали и навещали примерно через день. У него быстро заканчивались папиросы, и мы ему их приносили. Но передавать в больницу папиросы не дозволялось, поэтому мы передали нашему больному длинную верёвку. Он разматывал её и опускал с пятого этажа своей палаты, мы привязывали пачки папирос, и он поднимал их к себе наверх.

Но всё это было уже потом, а первые дни Николаю было лихо! Он «улетал» в обморок, при передвижении по коридору у него не хватало сил, и он падал, и санитары заносили его в палату и укладывали в постель.

Но молодой организм брал своё и в конце – концов всё разрешилось положительно!

Микола выздоровел, выписался из больницы и вернулся в комнату общежития для дальнейшего проживания.

Но обиду на него затаил Виталик, а всё из – за неприятной процедуры анализа, которому нас подвергли по Колькиной «инициативе».

Успокоился он и развеселился только тогда, когда Колька рассказал, что ему перед выпиской пришлось пройти процедуру, которую в просторечии называют «телевизор».

Для подтверждения того, что кишечник работает нормально, врачи в прямую кишку вводят здоровенную трубу с камерой на конце и на экране монитора рассматривают «внутренний мир» человека. Естественно, что на таком обследовании не может не произойти какой – ни будь из ряда вон выходящий случай. И Николай рассказал о парне, которого подвергли такой же процедуре, но, по – видимому, по другому поводу. Пациенту

необходимо было освободить всё внутреннее пространство, поэтому ему предварительно поставили «трёхвёдерною» клизму. Такой экзекуции он ранее не подвергался, поэтому нянечка ему дала пояснение:

- Выйдешь из кабинета, сходи, посиди на стульчаке. После этого зайдёшь к нам снова.

Пациент вышел в коридор... Народу у кабинета клубится множество, но тут он видит: стоит, никем не занятый стул. Выполняя команду нянечки он присел на этот стул... А сидеть уже становится совсем невмоготу! Донышко прямо выдавливает со страшной силой! Парень поднялся и, крепко сжимая ноги, подпер угол косяка входной двери.

Тут из кабинета выходит нянечка и увидела парня.

- Ну что, посидел на стульчаке?

- Посидел!

- Тогда заходи!

Уже в почти закрытую дверь был слышен голос врача:

- Снимай трико и становись вот сюда на колени...

Далее слышно было только душераздирающую ругань врача.

- Ты что же, дурак, не сходил в туалет!? Тебе что было сказано: сходи и посиди!

- Да я не понял. Думал просто время переждать на стуле.

- Нет! Вы слышали? Переждать! Тебе ясно было сказано: «Посидеть на стульчаке!»

- Да я думал она так стул называет!

- Он, видите – ли, думал, мыслитель хренов! А мы теперь из – за тебя на улицу не сможем выйти, обгадил весь кабинет, всю

одежду! Кабинет отмыть ещё можно, а нам то, что прикажешь делать?

- Пошел вон отсюда и всем скажи, что приёма сегодня не будет потому, что ты весь кабинет обосрал!

Представив всё это в ярких картинках, мы насмеялись от души. Ну, и, конечно, любая обида сразу прошла.

Невезения преследовали Николая на протяжении всего семестра. Но он стоически всё переживал. И, вот уже наступила сессия, и впереди первый экзамен, а он пришел домой с высокой температурой, соплями, текущими из носа ручьем и сильной головной болью.

Простуда на лицо!

Ещё не хватало слечь с простудой! И так, из-за дизентерии пришлось ему наверстывать три недели учёбы! Что делать, мужики?

- Микола! А давай мы тебе горчичники поставим. Ты прогреешься и к утру выздоровеешь! Эта идея родилась у меня.

- Давай! А у нас горчичники есть?

- Сейчас посмотрим!

Перерыв все тумбочки в комнате мы, конечно, горчичников не нашли. Но, зато, нашлась горчица в виде порошка, столовая.

Меня всегда поражало то обстоятельство, что в студенческой комнате можно потерять бесследно всё что угодно: учебники, конспекты, зубную пасту, сапожный крем, щётку для обуви, обувной рожок, кружки, тарелки, стаканы... Вся мелочь пропадала бесследно и могла появиться в самом неожиданном месте.

Было такое, что, расстилая перед сном постель, вдруг обнаружил у себя в постели мочалку, которую примерно неделю

назад мы потеряли. Но предыдущей ночью я спал в своей постели и, поверьте, не в обнимку с мочалкой!

Не менее загадочной находкой была находка Виноградовым Борисом среди своих учебников и тетрадей учебника японского языка! Откуда он появился?! Даже предположить невозможно, потому что ни то что в нашем институте, во всём городе в это время не изучали японский язык!

Правда, эта удивительная находка доставила нам не мало весёлых минут при изучении его внутреннего содержания. Русские транскрипции некоторых японских слов очень походили на простой язык общения на стройках отечества.

Точно так же и эта пачка горчичного порошка! Мы, точно, не покупали его и не приносили в комнату. Да и зачем нам горчица, если мы питаемся в столовой, а уж этого добра в готовом виде всегда было на столах вдоволь!

- Микола! А давай тебе из порошка горчичник сделаем. Какая, в принципе, разница, а? Там, ведь такая же горчица, только наклеенная на бумажку, вот и вся разница!

-Но, если горчичник жжёт, то его можно быстро снять, а здесь что будем делать?

В разговор вмешался Батя.

- Здесь я тебе гарантирую, что раньше времени ты не уберёшь. Борисёнок тебя намажет, а потом я тебя замотаю в одеяло и буду держать!

Как не странно, но почему – то именно эти слова, звучащие, как бы с противоположным смыслом, Кольку убедили.

Я развёл пол - литровую банку горчицы. Больной улёгся на своей кровати на живот, и я стал ложкой доставать горчичную

кашицу, чмякать её на голую, тощую спину Миколы и ножом размазывать горчицу по смуглой спине друга.

Тут, надо сказать, ума хватило на то, чтобы не измазать горчицей постель.

Покрытую горчичной массой спину я накрыл газетами, сверху накрыл простынёй и одеялом.

Дальше настал черёд Шкилёва приводить в жизнь свои обещания.

Он, как и обещал, навалился всей массой килограммов девяноста на Кольку и придавил плотно к спине горчицу, а самого больного к кровати.

Что тут началось!!!

Если виновник момента стал жаловаться, что горчица жжёт ещё в процессе намазывания спины, то после выполненного Батей обещания, Колька стал визжать, вырываться, кричать матом на Юрку. А тот спокойно сдерживая больного, подвергнутого нашему иезуитскому лечению, только уточнял у меня:

- Сколько времени надо держать горчичники?

- Ну... минут пятнадцать надо, пожалуй.

Отпустив из своих лап Калдырова ровно через пятнадцать минут и ни секундой раньше, Юрка сказал:

- Всё! Горчичники можно снимать!

Размотав одеяло и сняв простынь под неутихающие маты, добрался до газет, покрывающие горчицу. Газеты за это время стали почти сухие! Под ними, прилипшая к телу нашего больного, была размазана горчица. Её же надо как – то снять!

Это опять было поручено мне, как инициатору такого способа лечения.

Почесав «репу» я подстелил под Кольку ещё газет, взял со стола нож и начал соскребать горчичную коросту со спины друга.

Народу весело!

- Прямо как поросёнка в деревне!

-Микола! Мы тебя на новогодний стол приготовим, будешь с нами за праздничным столом, только в виде холодца!

Убрав всю горчицу, мы увидели, до какой степени мы прогрели больного: он получил настоящие ожоги, как от прикосновения к горячему. Его смуглая спина просто горела красным цветом. Дальше последовал вопрос, после которого мне пришлось убежать от разъяренного Кольки.

- Что же мы не догадались подложить простыню или хотя бы газетку на спину, а уж потом мазать горчицей?

После общего перекура ярость прошла.

А уж на следующий день она, вообще, переросла в благодарность, потому что от былой простуды не осталось и следа. Всю сессию Колька сдал своевременно и с очень хорошими результатами.

Глава 4

Чудеса вокруг женитьбы.

И всё – таки наше поколение не обманули! Нам в нашем детстве обещали, что «уже наше поколение людей будет жить при коммунизме» и нам досталось такое счастье. Жаль, конечно, что оно быстро закончилось и теперь уже вряд ли вернётся! Но эти чудесные годы пришлось аккурат на наши студенческие.

Ах, как мы жили, будучи студентами!

Собралось нас почти две тысячи молодых парней и девушек с разных сторон Советского Союза в один из самых больших и авторитетных ВУЗов страны – Томский политехнический институт.

Только на машиностроительный факультет приняли более трёхсот человек! Разделили нас по группам, по специальностям, сформировали два учебных потока, поселили в одно общежитие!

Первые недели учёбы, кроме стремления втянуться в учёбу, постоянно сопровождались новыми знакомствами с новыми людьми, поиском земляков, «притиранием» друг к другу и формированием микрогрупп, с которыми будет приятно впоследствии проживать в одной комнате всё время учёбы.

При этом никогда не было делений на богатых и бедных, на выходцев из рабочей, крестьянской семьи, или родители находились на интеллигентной работе.

Не было среди нас и понятия «золотая молодёжь». Да если бы кто такой и появился... Не помню по какому случаю Микола «родил» афоризм, который у нас прижился и полностью соответствовал тогдашним отношениям:

- Если вы думаете, что у вас белая кость и в ваших жилах течёт голубая кровь... приезжайте обязательно в Берегаевский острог Тегульдетского уезда Томской губернии и там вам мигом вышибут эту дурь из головы!

Такой афоризм мог родиться только при взгляде на уроженца тех мест Шкилёва Юрия Михайловича. Выглядел он как громадная

устрашающая машина: рост более ста восьмидесяти сантиметров, широкая грудь, такие же плечищи и накаченная до каменного состояния мускулатура. Тяжёлый, угрюмый взгляд из – под лобья, но при этом очень добрый, скромный, застенчивый малый. А когда произошло более близкое знакомство он скромно заявил, что в классе он был самым маленьким и слабым!

Почти все мы были потомками людей, некогда сосланных из Центральных районов России, Кубани, Украины, Прибалтики в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, Дальний Восток или Якутию, но при этом воспитаны своими родителями в чувствах любви и глубокого уважения к Родине – Советскому Союзу.

Всё это выяснилось не сразу, после более близкого знакомства друг с другом, после долгих рассказов о Малой Родине каждого из нас, лежа по ночам в кровати, и, в таких разговорах и воспоминаниях нередко пролетали ночи без сна.

Но такие беседы лучше любого сна. Они нас обогащали знаниями друг о друге, о месте, откуда приехал каждый из нас, а главное, сблизил в тесный дружеский круг, где точно знаешь, что человек тебя никогда не подведёт и всегда выручит в трудную минуту.

Так пошла жизнь весёлая, интересная, в которой всегда было место и учебным трудностям, и взаимопомощи при изучении материала, и любви, и размолвкам, всему, что и составляет понятие жизни.

Проползя на «полусогнутых» первый курс, несколько распрямившись на втором курсе, встали во весь рост на третьем.

Как говорит старая студенческая поговорка: «Сдал сопромат – можешь влюбиться, сдал ТММ (теория машин и механизмов) можешь жениться!»

Как раз к третьему курсу всё это сбывается наяву. Почув - ствовав себя полноценными членами огромного студенческого

братства, на третьем году обучения уже гордо зовёшься «старшекурсником»! Постоянно ощущаешь уважительные взгляды младших и заинтересованные взгляды девушек.

Приспела пора свадебная и в нашей мужской группе.

Первым объявил о своём намерении создать семью Бутенко Володя. Человек очень уважаемый в нашем студенческом коллективе, положительный во всех отношениях: старательно учился, занимался на кафедре станков и резания металлов исследовательской работой и никто из нас не сомневался, что этот человек обязательно добьётся учёной степени. И, надо сказать, что он, в конце – концов, наши надежды оправдал.

Свою готовность в организации предстоящей свадьбы изъявили все абсолютно!

Но нас ожидал холодный душ в виде его уточнения. Девушка его с соседнего общежития химико – технологического факультета. И, хотя по возрасту они были, практически, ровесниками, но по учебному возрасту она нас опережала на год. А это значит, что из её группы уже выдали замуж не одну подружку. То есть девочки имели опыт организации студенческих свадеб, в которых самое главное «выкуп», да и сами они чувствовали над нами превосходство... Выражаясь проще: могли нас неопытных «заклевать», не дать возможности «выкупить» невесту, а потом отдать её жениху в снисходительном виде. Слава о таком выкупе распространится по всему студгородку молниеносно, и все будут знать, что парни с МСФ не смогли выторговать у свах невесту!

С этого момента началась подготовка к свадьбе. Жених со свидетелем были заняты поиском и арендой места проведения застолья, приобретением для жениха костюма, соответствующего мероприятию, наймом фотографа, свадебного эскорта... А все остальные очень серьёзно взялись готовиться к развлекательной

части свадьбы, которую собираются обычно посмотреть всегда всем общежитием.

В ходе подготовки разучили массу песен, частушек, шуток, стихов. Разузнали любимые песни тещи, тестя, свёкра и свекрови, любимое блюдо и любимого актёра свидетельницы...

А самое главное любимую песню и любимые конфеты вахтёрши общежития. Написали целый сценарий предстоящего действия... Потратили на это все вечера за полтора месяца и, в конце – концов, подошли к свадебному дню с настроением как перед решающей битвой.

Как потом оказалось, мудрый Костя Цхай все наши наработки записал в общую тетрадь большого формата, и в ней не осталось пустых страниц!!!

И настал момент!..

Памятуя о том, что нам предстоит ещё каким – то образом проникнуть в общежитие ХТФ, находящееся под неусыпным оком вахтёрши со страшным прозвищем Тигра Львовна, мы выдвинулись в соседнее общежитие за час до регистрации.

То препятствие, которое мы предполагали встретить в лице вахтёра – мы встретили. Она стояла непреступной скалой, не пропуская нас даже на шаг к турникету и ей плевать с Марса зигзагами на нашу свадьбу! Но всё это длилось совсем недолго, ровно до того момента, как зазвучала песня:

Ромашки спрятались, поникли лютики

Когда застыла я от горьких слов...

Зачем вы девочки, красивых любите

Не постоянная у них любовь...

Ледяное сердце Тигры Львовны оттаяло и, как показала последующая практика, навсегда, но только для нас, как она нас в последствии называла: «Наши женихи».

Преодолев первое серьёзное препятствие, мы воодушевились и далее, что называется, не видели перед собой преград. Продвига - лись быстрым темпом по лестнице на шестой этаж, несмотря на то, что на каждом лестничном марше нас ждало какое – либо задание. Мы их лихо выполняли, а если не удавалось, то откупались испол - нением какого – либо номера.

Зрители нас воспринимали «на ура», поэтому если у подружек возникало намерение нас не пропустить, после такого откупа, а лучше получить с этого материальный откуп в виде коробки конфет или бутылки коньяка, то зрители (точнее зрительницы) были на нашей стороне полностью и требовали справедливости от подруг.

На последней лестничной площадке свахи выставили табурет и потребовали на каждый угол положить по «трёшке». Хоть здесь поймать с нас какую –то материальную выгоду.

Ну откуда, спрашивается, у студента со стипендией сорок рублей лишние деньги?

Выручили в очередной раз находчивость и остроумие.

Мы вытащили из кармана жениха его зачётную книжку и, открыв страницу с результатами сессии, положили её на стул:

- Здесь на каждый угол хватит по «пятаку»!

- Как же так, возмущались свахи, вы нам должны были деньги дать за это задание!

Но общий смех пересилил их упрямство, и они согласились со зрителями, что по «пятаку» всё же лучше!

У дверей комнаты невесты нас ожидали не только лучшие подруги невесты, свидетельница, но и мама невесты. Вот только чтобы их

пройти мы знали «ключик», нам его «выдала» невеста:

Стою на полустаночке, запели мы дружными, отрепетированными
голосами,

В цветастом полушалочке,

А мимо пролетают поезда.

А рельсы –то, как водится,

У горизонта сходятся...

Где ж вы, мои весенние года?

Где ж вы, мои весенние года?...

Последний куплет песни мать невесты уже пела вместе с нами.

Последнее задание, которое приготовили коварные свахи – подружки - это необходимо было достать со дна трёхлитровой банки без помощи рук ключ от двери комнаты невесты. Но банка была наполнена не водой и даже не просто молоком, а «молоком от бешеной коровы».

Вы знаете, что это такое? Вы не знаете, что это такое!

Это страшный напиток, который представляет из себя смесь бутылки водки с двумя с половиной литрами молока.

Испив такой гремучей смеси человек становился никаким очень быстро и очень на долго. Причём процесс «возвращения оттуда» происходит очень тяжело...

Ну не могли же мы лишить жениха такого важного в жизни дня! Среди друзей нашелся доброволец, который выполнил и это задание. После чего счастливые жених и невеста поехали на регистрацию во Дворец бракосочетаний, а пострадавшего мы отнесли в общагу и уложили на кровать приходить в себя. Надо сказать, что в себя он пришел значительно позже самого последнего отходившего от свадебного застольного возлияния. И вот Дворец бракосочетаний во всей своей красе! Это был

старинный особняк в два этажа, раскрашенный с хорошим вкусом с массой каменных узоров как снаружи, так изнутри.

После торжественной процедуры регистрации новобрачных и поздравлений со стороны гостей, молодые устраивали катания по городу свадебным эскортом и завершалось всё застольем.

Но сколько событий оказалось связанным со Дворцом бракосочетаний!

В те времена, о которых я повествую, попасть туда для регистрации брака было невероятно сложно.

Все дни, кроме понедельника в нем с двенадцати часов до девятнадцати шла регистрация новобрачных каждые полчаса – новая пара!

И лишь один день недели, понедельник, шел приём заявлений от желающих создать семью, причем только до двенадцати дня. Надо было прийти невероятно рано, занять очередь, дожидаться десяти часов, чтобы узнать, что вначале необходимо было сходить в сберкассу и уплатить налог Государству за предстоящую процедуру.

А принимали такой налог только в центральном отделении, которое находилось в четырёх остановках транспорта от Дворца.

Туда приехал – там очередь из таких же как ты. Поэтому в первый день успевали только оплатить налог, следующий раз через неделю с уже уплаченным налогом, вновь рано утром едешь занимать очередь.

После открытия все неопытные разъезжаются, а пары с уплаченным налогом получают бланки документов для заполнения. При этом запланировать день регистрации заблаговременно было невозможно, так как по закону подавшим заявление полагался месяц на раздумья, а в Томске было столько

желающих, что очередь достигала двух месяцев, а иногда и более. Поэтому новобрачные были рады любому дню, даже вторнику.

Я сам, в своё время, получил днём регистрации четверг – рыбный день во всех заведениях питания Советского Союза. Поэтому для мясных блюд мясо пришлось приобретать отдельно на рынке и сдавать в столовую для приготовления. Но этому предшествовало ещё не одно посещение этого дворца в качестве свидетеля.

Студенческая молва гласила, что свидетелем на свадьбе можешь быть два раза, а третья свадьба должна быть твоя!

Лично я был в этой приятной роли свидетеля семь раз и надо сказать, что все браки стали удачными, на всю жизнь!

За такое количество посещений не только я познакомился с администраторами, регистрирующими брак, которых было две, но и они уже хорошо меня знали. Так что, придя в очередной раз с очередным женихом я слышал от них:

- Ну, а сам – то, когда!?

И, когда настал мой счастливый день и я сам пришел в качестве жениха, то услышал от них:

- Ну, наконец –то и сам!

С этим Дворцом бракосочетаний у нас связана не одна история, но самая смешная произошла с нашим одногруппником Володей Небогиным.

Сам парень был очень неплохой, как, впрочем, все, собравшиеся в нашей группе, но очень рассеянный и с огромными странностями.

Каждое утро он поднимался с постели и, как и все шел умываться: брал мыло в мыльнице, зубную пасту, щетку,

полотенце... Возвращался обратно минут через пятнадцать – двадцать уже налегке. Нес с собой обратно в лучшем случае полотенце, всё остальное он оставлял в умывальной комнате (они у нас были общими), либо на полке, либо на подоконнике, либо на раковине.

Тот, кто поднимался после него и собирался идти умываться не мог ничего выше названного найти. Шел в умывальную комнату с зубной щёткой и полотенцем, а уже оттуда возвращался, неся с собой всё наше добро и зачастую полотенце Небогина.

Так же точно обстояли дела, когда он ходил в душ, правда, из душа он возвращался вообще налегке, даже свои трусы частенько не приносил.

За такие причуды мы про него говорили: «Небогин горшки обжигает!», перефразировав известную поговорку об умелых людях: «Не боги горшки обжигают».

Когда у нас в комнате перегорала лампа, а они чаще всего перегорали от перегрева и лопались на массу мелких осколков, оставляя внутри патрона цоколь, у Володи Небогина наступал триумфальный час! Он, не отключая выключателя, совершенно бесстрашно лез в электрический патрон голыми руками, чтобы вывернуть оставшейся в нем цоколь.

- Ты что делаешь, Володька! Тебя же током убьет!

- Меня не убьёт! У меня папа электрик, отвечал он совершенно убеждённо и совал палец в цоколь.

Короткое замыкание через его палец, отстреливало в щитке автомат, а он, как ни в чем не бывало, продолжал ковыряться, пока не освобождал патрон от остатков предыдущей лампочки.

- Ну, всё готово, а вы переживали!

- Ты знаешь? Всё то же самое мы могли сделать и сами, но меньшей кровью!

Однажды он нам отчубучил такое, что мы своим глазам не поверили.

Трое наших ребят из комнаты занимались фотографией. Занимались на высоком уровне, не уступая профессионалам. Поэтому они всегда на мероприятия, особенно на свадьбы, брали фотоаппараты (а они были плёночные, да ещё черно - белые, других просто не было)

После нескольких совместных съёмок назначали день, когда будем печатать фотографии.

В этом участвовали все, даже те, кто не фотографировал.

Процедура была длинной. Надо было проявить, закрепить плёнки, просушить их, потом затемнить комнату. Настроить фотоувеличитель, подготовить ванночки для фотобумаги для её проявления, промывки, закрепления фотоснимков. Химикатов требовалось много, так как в процессе печатания понижается концентрация, что влияет непосредственно на качество снимков.

Вот под вечер парни приготовили трехлитровую банку проявителя, трехлитровую банку закрепителя и выжидаем время, когда общага уgomониться и меньше народу будут бродить по комнатам, нам не будут мешать...

Сидим за выполнением заданий. В это время со своего любимого волейбола возвращается Володя: разгорячённый, в промокшей от пота футболке, влетел стремительно, схватил со стола первую попавшуюся банку и большими глотками начал пить.

Нас от неожиданности всех «заклинило». Мы не успели ни чего сказать, что это проявитель, как до него дошло, что это не вода... Он поставил эту банку на стол, схватил другую, уже с фиксажем и отпил примерно столько же, совершенно нас ошеломив. Наконец у одного всё – таки вырвалось из перехватившего неожиданностью горла:

- Ты что делаешь! Это ведь закрепитель!

- А то, что было?

- А то был проявитель!

- Тьфу, чёрт, солёный какой!

Взял банку с водой, осторожно попробовал на вкус, прополоскал рот, допил недостающее его организму количество влаги и аккуратно долил в две предыдущие банки до начального уровня.

- Ты что, с ума сошёл? Вначале пьёт что попало, не спросив, а потом раствор портит!

-Ни чего я не порчу! Сколько отпил, столько долил!

После этого мы за него сильно переживали, так как по непроверенной информации раствором фиксажа можно было сильно расстроить кишечник А от проявителя последствия моли быть и того хуже. Но у нашего героя даже кишечник не расстроился!

Так вот в один прекрасный день и с ним случилась эта самая **ЛЮБОВЬ!**

Если все парни друг другу рассказывали: с кем познакомились, с кем встречаются, как имя, где учится, некоторые и знакомили с друзьями, а уж тем более кого собираются брать в жены – в обязательном порядке, то Володя всё держал в секрете, которого в пределах одного общежития просто быть не может. Мы, естественно, все знали кто его девушка, но помалкивали, чтобы не смущать парня.

По прошествии нескольких месяцев их дружбы, возвращается Володя со свидания с очень загадочным видом, быстренько приготовился ко сну и лёг спать, при этом объявил нам, чтобы утром его не будили, так как он на первую пару не пойдёт.

Ну, не пойдёт и не пойдёт! Его личное дело. Мало ли что человеку надо сделать с утра!?

Утром, как и договаривались, его не будим, уходим на занятия...

Первая пара прошла без Небогина, на вторую он тоже не пришел, после третьей, на которой его тоже не было, мы вернулись в общагу, поднимаемся к себе в комнату, а там удрученный Владимир, по – прежнему, лежит в своей постели...

- Что вы меня не разбудили, когда уходили?

- Ты сам сказал, чтобы тебя не трогали, когда будем собираться на занятия.

- Я что – то даже не слышал, когда вы уходили...

- Давно не спишь?

- Да часов с десяти...

- А, что не поднимаешься? Сделал то, что планировал с утра?

- В том то и дело, что не сделал, проспал!

- Ну, и что ты проспал?

- Да мы с Галиной собирались идти подавать заявление в ЗАГС. Я должен был к ней прийти к девяти, а я не пришёл. Тогда она сама пришла ко мне, а я сплю! Она стучалась, еле – еле разбудила... Мужики! Что делать?

- Что делать, что делать? Надо было нам сказать, мы бы тебя растолкали и выпроводили бы к Галине. Теперь не фиг валяться! Поднимайся и иди к ней, извиняйся, посыпай голову пеплом, договаривайся о новой дате подачи заявления.

Несколько дней Галина его «помурыжила», но было понятно, что простит. К воскресенью у них всё уладилось и на утро понедельника сговорились они вновь идти подавать заявление.

Теперь он перед нами не скрытничал, попросил поднять его с постели хоть пинками... От такой радости мы не отказались, а Батя пообещал, что своим «45 – м растоптанным» обязательно его пнёт снизу по сетке. Утром мы его буквально вывалили из кровати на пол ещё до того, как сами пошли завтракать в столовую, удостоверившись, что он пошел умываться, мы, с чистой совестью, пошли на занятия...

Проходит первая пара, начинается вторая – Небогина нет!

Закончилась вторая пара, идет третья! Небогин не объявился! Мы, втихаря, про себя думаем, что он решил отметить такой день, и, вместо того, чтобы идти на занятия, сходил в магазин, взял то, чем празднуют знаменательные даты. Что – то приготовил на закуску...

С такими мыслями торопимся домой (не гоже заставлять ждать именинника), радостные забегаем в комнату и ... у нас – дежавю: Небогин лежит в постели буквально раздавленный и на наши вопросы не отвечает!

Пришлось идти самим к Галине и выяснять за него их отношения.

Оказывается, он всё сделал вовремя: умылся, оделся, зашел за будущей невестой, и они отправились подавать заявление. К этому времени мы его посвятили в секреты Госналога и он шел гордый с уже уплаченным налогом, но только по прибытии на место выяснилось, что свой паспорт с квитанцией об уплате необходимой суммы, он оставил дома!!!

После этого прощать своего избранника Галина совершенно не была настроена. По крайней мере нам на словах она не высказала такого желания. Что делать «лопуху» в такой ситуации? Мы посоветовали ему каждодневно «осаждать» свою подружку, извиняться... Авось смягчится.

Неделя была затрачена не впустую. В воскресенье вечером Володя сказал нам, что Галина начала с ним общаться, будет продолжать в том же духе завтра с утра. Тем более, что у её группы в этот день «военка», парни уходят на занятия на весь день, а у девчонок получается дополнительный выходной.

На занятиях Небогина не было, и мы его уже в третий раз по понедельникам прикрывали как могли во время проверки посещаемости, а по сему мы решили, что у них всё наладилось.

Вернувшись после занятий уже без праздничной эйфории домой, мы застали уже привычную для нас картину:

Небогин лежит на кровати поверх одеяла, обутый, в пальто, убитый горем и тупо смотрит в потолок немигающим взглядом.

Спрашиваем у него: «Что случилось опять?»

Молчит!

- Что? Опять проспал?

- Да лучше бы проспал, взрывается сам герой!

- Я, как только вы ушли, пошел к Галине, снова с ней стали разговаривать, потом я предложил её пойти погулять, и, как не странно, она согласилась. Мы пошли пешком по Вершинке, по Усова, вышли на Ленина и медленно идем к центру...

Всё это время Галя больше молчала, но шла, а я говорил, говорил... И вдруг она как взорвётся!!!

- Ты что, говорит, издеваешься надо мной что ли?! Я думала, что мы идем подавать заявление в ЗАГС, паспорт взяла, дура! А ты меня куда привёл? Кино, что ли смотреть?

- Я поднимаю глаза и вижу, что Дворец бракосочетания давно остался позади, а мы находимся у входа в кинотеатр Горького...

Честно скажу. Каким образом их конфликт уладился, я не помню уже, и кто кого, в конечном итоге привел «к венцу» тоже не в курсе, но могу сказать, что разрешился он в конце концов – счастливо. Семью они создали и живут много лет в мире и согласии.

Возвращаюсь к начатому повествованию.

Вторая свадьба в нашей группе была у моего хорошего друга, земляка, Григорьева Николая.

К кому ещё он мог обратиться за оказанием помощи в качестве свидетеля? Ну, конечно, ко мне! И я не мог ему отказать.

Готовить выкуп было уже проще, чем первый раз. Я говорил, что мудрый Костя сохранил всё, что мы наработывали на свой дебют, поэтому, купив портвейну, мы вечерком всё восстановили в памяти и посчитали себя подготовленными. Но моя роль была мне в новинку. Оказалось, что если раньше поработал на выкупе, а дальше отдыхай на свадьбе, «попивая чаёк с маргарином» и танцуй с красивыми девушками, то свидетель должен вести свадьбу, стараться, чтобы всем было весело, и, при этом никто не перепил лишнего.

А самое главное задать свадебному вечеру правильное направление первым тостом, который, при отсутствии родителей, предстояло произносить мне, как свидетелю.

Нынче всё это воспринимается с большим интересом и недоверием. Ведь есть люди, которые этим зарабатывают себе «хлеб насущный» и зовутся такие люди «аниматоры». Но в советские времена таких людей не было, а если кто – ни будь вздумал бы таким образом зарабатывать себе на пропитание, то он имел явную перспективу быстренько оказаться на казённых харчах.

Вот мы имели возможность таким образом зарабатывать, но конечно, не стали. Это уже после того, как мы провели ни один

задорный, запоминающийся публике выкуп и прославились своим, отменным юмором, хорошими песнями и даже танцами, а пуще всего «скупердяйством». Ни одной свахе не удавалось из нас вытянуть материальный расчет за какой – либо вопрос. И, хотя мы с собой на выкупы набирали целые подматрасники всякой всячины, на всякий пожарный, мы с тем же добром и возвращались, ничего не отдав свахам, а высшим пилотажем было возвращение с прибылью в виде шампанского или водочки.

Слава пришла неожиданно.

Возвращаемся мы после третьей пары домой в общагу на третий этаж. Только успели снять пальто, как влетает возбужденный и воодушевлённый Грицаев Юра и говорит:

- У нас на втором этаже идет выкуп. Ребята с электроэнергетического факультета пытаются нашу невесту выкупить. А там свахи «зубастые», ну вы же знаете наших девчонок! Они просто так не отдадут невесту. Парней уже заклевали совсем, жених в расстройстве... Выкуп НАДО срочно спасти! Поможем парням!

Волшебное слово: «Надо!» прозвучало!

Вместо похода в столовую мы тут же преобразили Грицаева в жениха, сами принарядились подобающим образом и выдвинулись с песнями с третьего этажа на второй, перехватили всё внимание на себя, представили свой вариант жениха и ну его расхваливать, якобы наш жених лучше!

«Кумушки» начали торговлю с нами, а нам только этого и надо было!

Уж выторговать невесту, да ещё и остаться с прибылью, кроме нас никто не умел.

Буквально через десять минут мы своим напором «задавили свах, выкупили себе невесту, получили от свах две бутылки водки... Но

видим, что жених с друзьями смотрят на нас врагами. Тут же в ходе всеобщего шалмана провели презентацию фактического жениха и вручили ему уже выкупленную невесту!

Ребята были ошеломлены нами, но до них быстро дошло, что мы не строили им никакой «подляны», мы им не конкуренты, а напротив, спасли выкуп, помогли побороть наших доморощенных свах и выкупить невесту.

Слух об этом разошелся молниеносно по студгородку и к нам уже пришел парень с соседнего факультета как в фирму по выкупу невест и предложил нам выкупить его невесту, а нам за это по десять рублей на нос и отдельный столик бесплатно на праздничном вечере.

Это была обычная схема, по которой нанимали музыкальный ансамбль на свадьбу. Но они профессионалы, а мы? Мы отказались от этого, но в помощи не отказали.

Тут как раз и пригодилась та заветная общая тетрадь Кости, где было у нас всё записано. Ребятам дали великодушно воспользоваться нашими материалами, разучили с ними песни и на этом расстались друзьями.

Но я отвлёкся.

Мне на свадьбе предстояла работа. За весь вечер я почему – то не переживал, надеялся, что всё пойдёт своим чередом, так как народ пустит по ходу вечера привычные всем игры и развлечения, но первый тост меня сильно тревожил.

Решение пришло верное. Надо заранее сочинить его (желательно в стихах) и записать, а то в суматохе можно забыть.

Мы в это время всем составом комнаты частенько развлекались тем, что играли в буриме или «назначали жертву» и про него все, включая саму жертву, должны были что – то сочинить в рифму. Победителя выявляли общим голосованием. И, хотя в этом деле

больше всех к этому времени преуспел Калдыров и я, победителя - ми становились все. И не из жалости или сострадания к неспособ - ному! Таковых просто не было! Победа давалась тому, кто смешнее напишет. Поэтому были шикарные вещи у Дудина и у Бати, и у Юхина.

Вот про себя я однажды сочинил, подражая Г.Губерману:

Случилось видно на потеху,
Что я, стареющий хохол,
Нашел недавно ключ к успеху,
Вот только двери не нашел!

А самый первый раз, когда «пальцем ткнули» в меня, выбрав жертвой нападок, я про себя сочинил:

Ко мне сегодня Муза приходила.
Зашла, присела, и заговорила:
Неси бумагу, стань поэт ты.
Писать тебе прелестные сонеты!
Ну что ж, я думал, очень мило!
Пока искал бумагу Муза отвалила.

Как – то сочиняли на вольную тему. Мое сочинение на всю жизнь понравилось и запомнилось Миколу. При каждой нашей встрече он с удовольствием его вспоминал:

Дожив до седых волос
Усвоил: ученье – свет,
Кони жуют овёс,
Пива в продаже нет!
Горько, обидно до слёз!
Меркнет в глазах моих свет!

На вечно живой вопрос
Вечно живой ответ:
Пиво в продаже есть?
Пива в продаже нет!

И в данном случае прибегать к чьей – либо помощи не пришлось.
Получилось вполне подходящее поздравительное четверостишие.

Поднимем бокалы за Колю и Люду,
Два сердца друг друга нашли!
Поднимем бокалы, что б радость и счастье
От них никогда не ушли!
Что б мир и согласие в их доме всегда,
До свадьбы златой процветали,
Что б внуки на ней точно так же как мы
Здоровья и счастья желали!

Абсолютно довольный собой я записал это творение на небольшом обрывке тетрадного листка, сложил его и спрятал в карман пиджака.

Всё! Я успокоился! К открытию свадьбы готов во все оружие!

В день регистрации друга я сунул в карман руку, нащупал сложенный лист бумаги и отправился вместе с женихом по уже известной дорожке: выкуп, ЗАГС, фотографирование, катание жениха и невесты со своими свидетелями по городу, прибытие к месту торжества.

Всё шло как ко маслу, молодые довольны. Последний этап перед торжественным вечером заканчивается. Мы после прогулки возвращаемся по городу к месту свадебного банкета и вдруг неожиданность: мы попадаем в дорожную пробку!

Это сейчас никого не удивит пробками на дорогах, и, каждый, кому надо приехать куда – ни будь к определённом

времени, создаёт себе предварительно солидный временной запас.

А раньше транспорта было, как говорится, пересчитать по пальцам одной руки можно. Но днём прошел сильный снегопад, дороги стали скользкими...

Короче, впечатление такое, что все автомобили города собрались на одной улице, и именно по ней можно подъехать к месту празднества.

Опытный таксист извернулся из этой ситуации и через какие – то дворы вывез нас к нужному адресу, так называемой «Пятихатке» но, когда мы подъехали, работники столовой, решив, что уже все на месте, закрыли входные двери и ушли, чтобы не мешать торжественной встрече жениха и невесты приглашенными гостями.

Мы покинули такси, подходим к двери... Видим внутри гостей, выстроившихся в «ручеек» по направлению к двери..., а двери заперты! Мы не можем попасть внутрь. Изнутри нас никто не видит, так как уже вечер, зимний вечер, при котором рано темнеет, свет внутри горит, и мы видим всю картину, но войти не можем. А нас снаружи никто не видит, зато все недоумевают, мол, где они задерживаются?

Нам осталось одно: пройти через центральный вход здания, являющимся входом в общежитие, потому что невеста и свидетельница были одеты вовсе не для зимней погоды. Там вахтёр на нас выкатил глаза размером с блюдечко:

- Откуда вы здесь взялись?

Объяснили ему. Тот говорит, что отсюда можно попасть только на кухню, а вход в зал только с улицы, но, сжавшись над замерзшими невестой и свидетельницей (мы не в счёт, нас с женихом он бы просто не пустил), он открыл двери в помещение общепита.

Мимо плиты, разделочных столов, холодильников, груды моющейся грязной посуды, помойных баков с пищевыми отходами невеста, жених и сопровождающие их лица, торжественно вступили в зал, где наше появление ожидали, совсем, с другой стороны.

Момент торжественной встречи превратился в неуместный фарс, выходя из которого, жених вместо того, чтобы поблагодарить всех присутствующих и пригласить всех к столу, выдавил из себя:

- Ну, что стоите? Пора бы уже выпить за это дело!

Это был второй момент, пускавший торжество под откос. Дальше надо было произнести торжественно первый тост, заблаговременно мною приготовленный, а жених, вроде бы всех уже настроил на то, чтобы уже выпили и закусили.

Ситуацию ещё можно было спасти, так как рассаживанием за столы и сдвиганием стульев, все выпустили слова жениха. Банкет успокоился и все посмотрели на меня.

Я поднялся, извинился, что волнуюсь, поэтому прочитаю поздравление по написанному. Никто против не был. Я полез в карман. Бумажка, сложенная была на месте. Я достал её, развернул и начал читать...

После первой строчки, которую, я надеюсь, никто не разобрал из – за гула, стоящего над столом, я онемел, поскольку там было написано буквально следующее:

«Секс – как сервис!» - крикнул он.

Ну, а крик его, как лай!

Сексуальный он мужик –

Глинкин Николай!

Сексуальная станина,

Сексуальная машина,

Сексуальная доска,
В сексе даже и тоска...

Откуда это взялось? Кто мне это подсунул? Подменили бумажку, чтобы приколоться надо мной!? Так они свадьбу срывают! Да и какие могут быть вопросы: «кто подменил?» И так понятно! Стиль сложения Миколын, написано его рукой! Да я его порву на кусочки, на тряпочки за это! А сейчас – то, что делать?

- Что делать, что делать? Тоже мне Чернышевский нашелся!
Спасать положение надо...

Кое – как промямлив какую – то отсебятину вместо поздравления, я присел на стул, потеряв и аппетит, и желание выпить за молодых. В голове стучала только одна мысль: «Скорее бы танцы начались, я устрою Миколу «козью рожу на вертолёте!»

Вот и танцы! Девочки покушали и скорее стали увлекать своих кавалеров в танцевальный круг.

Самое время идти с разборками.

Зажав ничего на подозревающего Миколу в дальнем углу, я достал из кармана бумажку и подсунул её к носу виновного.

- Что это такое?

- Это бумажка.

- Ты дураком не прикидывайся! Ты что, приколоться решил?

Нашёл время и место...

Свадьбу друга чуть не сорвал! Ты понимаешь, что над своей мазнёй мы можем только сами в своём кругу поржать. А тут толпа народу, половина незнакомых и тут твои стишки идиотские!

- Какие стишки?

Он берёт из моих рук бумажку и начинает читать:

Поднимем бокалы за Колю и Люду...

Я, вообще ничего не понимая, беру бумажку, а она оказалась исписанной с обеих сторон: с одной моё поздравление молодым, с другой эпиграмма на нашего одноклассника, у которого последнее время появилась странность всё сверять на сексуальность.

Я «прокололся» за сегодня в очередной раз. Пришлось извиняться перед Миколой, но он из человеколюбия меня тут же простил, тем более, что теперь у нас в арсенале оказалось неплохое поздравление, которого ни у кого не было и его можно будет не раз использовать в безвыходных ситуациях, и отличная, смешная эпиграмма, которая, кстати, очень понравилась самому её герою.

Глава 5

Посылка – лучший подарок натоцак.

Вам, когда – либо доводилось получать по почте посылки от своих родных?

Если да, то для вас в этом нет ничего удивительного и необычного, а вот если нет, то, оказывается, бывают моменты, когда такое послание от близких очень хочется получить.

Я бы сам так никогда не думал, поскольку за свою жизнь, особенно студенческую, посылки получал и отправлял, и это не доставило лично мне особого удовольствия.

Но вот прошло много лет и моя дочь выросла и стала студенткой университета, часто бывала у своих подружек, проживающих в общежитии. Там не однократно при ней девчонки получали посылки от своих родителей.

Всем, в том числе и моей дочери, было очень интересно вскрывать посылку и извлекать из неё на свет Божий неожиданные предметы.

Это было до такой степени интересно, что она однажды даже пожалела, что в отличие от нас, своих родителей и своих девчонок – подруг она местная жительница, проживает дома с родителями, а не в общежитии и ей никто не присылает посылок с массой всяческих нужных и не очень нужных предметов.

- Это так интересно! Получаешь посылку, которую тебе прислали, а ты не знаешь, что там внутри. Вскрываешь её и достаешь оттуда всякие «шарушки», рассматриваешь их, прикидываешь: зачем это тебе может пригодиться?

- Потом достаёшь какую – ни будь новую одежду, примеряешь её на себя, потом все девчонки примеряют, решают, что с чем носить и кому это больше пошло.

- Потом из посылки вынимается какая – ни будь сладость, не важно. И тут же решают все, что просто необходимо с этой

вкуснятиной попить чаю. А это, считай, только самое начало настоящего веселья.

Выход, конечно, я придумал, и, сговорившись с женой, мы стали прикупать всякую мелочь: оригинальный шампунь, фигурное мыло, водолазку, джинсы и прочее, и прочее.

Не забыли взять любимых конфет, новую книжку по психологии и ещё чего – то много мелкого, но что можно долго рассматривать. Упаковали в виде посылки, подписали наш почтовый адрес, только получателем посылки значилась дочь.

Взрослый человек, студентка третьего курса радовалась, как пятилетний ребёнок!

А мы, все, будучи студентами приезжими, проживающие в общежитии, вовсе не ждали посылок, уже давно приспособившись жить на средства в объёме стипендии, а когда не хватает этих средств, то идти на «калым», то есть на ближайших прирельсовых складах предприятий разгружать в выходной день полученный предприятием груз.

Почему – то железная дорога имела такую манеру: поставлять вагоны с грузом предприятиям в выходные дни, когда собственные грузчики отдыхают, а вагоны необходимо освободить от груза и вернуть железной дороге, иначе неминуем солидный штраф предприятию за простой собственности железной дороги – вагонов. Это, конечно, для начальников материально – технического обеспечения предприятия был бич, но зато для студентов – благодать! Всегда можно было подзаработать.

Но вернёмся к посылкам.

Вдруг в общежитском ящике для писем обнаруживаешь извещение о посылке. Причём эта бумажка никогда не бывала первой.

На ней всегда красовалась надпись: «Повторно», а это означало, что уже не менее недели твоя посылка лежит на почте, и, когда ты

её будешь получать, то имеешь перспективу заплатить ещё за хранение. Сумма не велика, но скудный студенческий кошелёк щипала, а если ещё дольше не получать, то эту посылку могли отправить назад отправителю. Представляете какой был бы переполох в родительском доме: их чадо не получило посылку, значит с ним что – то случилось!!!

И тут же организуется проверочная поездка в Томск, в общежитие с выяснением причин неполучения.

А получить посылку в почтовом отделении №34 было просто героическим поступком!

Я не видел больше ни одного почтового отделения в стране, которое было бы загружено работой как это в семидесятые годы двадцатого века.

Кроме большого жилого массива «нормальных» людей оно ещё обслуживало почти весь студгородок политехнического института.

У дверей отделения собиралась громадная толпа народа ещё задолго до открытия почты. Все эти ожидающие плотно забивали рабочее пространство до такой степени, что разобраться было невозможно, кто к какому оператору стоит.

А сами операторы занимались тем, что принимали корреспонденцию: газеты, журналы письма своих абонентов и распределяли их по адресам, принимали и отправляли переводы, посылки, телеграммы.

Тут же находился телефонный переговорный пункт. Только одних посылок было столько, что ими было забито под потолок специально выделенное под это помещение и посылки там не вмещались, а вылезали на всеобщее обозрение как дрожжевое тесто из кастрюли и расползались по всей территории за стойкой

работниц. Работницы там, за стойкой бегали, суетились, постоянно спотыкаясь о посылочные ящики и громко при этом чертыхаясь!

Как они ориентировались в куче посылок и что – то там находили – для меня до сих пор огромная загадка.

Глядя на всё это столпотворение людей, я всегда искренне жалел местных, ни в чём не повинных жителей, которым на этой же почте было необходимо получать пенсии, получать или отправлять те же самые посылки или переводы, подписываться на периодику, оплачивать коммунальные услуги.

Каждый из студентов попадал на почту не часто, от случая к случаю. Просто нас было огромное множество и придя хоть раз в год, уже создавал там топу. Зато местным жителям посещение было обязательным ежемесячно из – за необходимости, о которой я сказал. Вообще, мы, жители комнаты 314, посылки получали не часто.

Как – то сложилось, что мы всё привозили с собой, возвращаясь с каникул: после летних каникул Виталий с юга Узбекистана вез с собой фрукты и дыни, мы его даже встречали, потому что одному донести этот груз было не реально. Я с Центрального Казахстана вез овощи, в основном помидоры и огурцы, Дудин, как правило варенье.

После зимних каникул Николай из Кемеровской области вез домашнее сало, а Юрка, с востока Томской области полные рюкзаки домашних пельменей.

О! Пельмени домашние, изготовленные по сибирскому рецепту из трёх сортов мяса, включая мясо дичи! Не на продажу, а для «внутреннего употребления»!

Вкуса просто изумительного!

Но самое поразительное в их было – это размер: все как один хоть

в длину, хоть в ширину, хоть в высоту! И даже в варёном виде их величина не превышала размера ногтя на большом пальце руки!

Нас мучил естественный вопрос.

- Юрка! Ты что там, в деревне, все каникулы не понимался из – за стола, чтобы столько пельменей налепить?

- Нет! – говорил он. У нас вся деревня постоянно, как устанавливаются холода так по вечерам лепят дома для себя пельмени.

Один тесто заводит, раскатывает, нарезает формочкой одинаковые кругляшки, а все остальные лепят.

За вечер налепим два – три поддона и в стайку на мороз выносим. А по утрам ссыпаем в мешок. Так за начало зимы несколько мешков пельменей заготавливаем на зиму.

В такой период у нас в комнате бывал «праздник желудка», но, к сожалению, как и все праздники, быстро заканчивался, особенно «праздник пельменного желудка». И наступали повседневные будни со столовской едой.

А тут неожиданность! Посылка!
Пришла Виноградову Борису от мамы.

Его родители давно не жили вместе и когда – то дети, уже будучи не малышами, сами решили, что с мамой будет жить дочка, а с папой сын. Но родители были вполне интеллигентными людьми, поддерживали нормальные человеческие отношения между собой, и брат с сестрой ездили в гости друг к другу, то к отцу, то к матери.

Борис пошел за посылкой.

А мы все в ожидании.

Ну, даже просто интересно, что прислали? Ведь до этого нам давно посылок не было!

Принёс, открывает...

И сразу по комнате распространился знакомый запах копчёного сала!

Достал, развернул. Точно оно!

- Мужики, живём! Есть чем подкрепиться! Хотя постойте, что – то тут ещё имеется!

Он достаёт пакет, в котором лежат рубашка, свитер, носки, но для всего этого пакет слишком тяжёлый!

Оба на!

И на свет появляется литровая банка, наполненная чем – то красным, похоже томатом.

Открывает капроновую крышку и у всех тут же стал выделяться желудочный сок от чесночного аромата.

- Парни! Это же «хреновина», тертый хрен с чесноком и помидорами.

Тут же слетали за хлебом, взяли две буханки, и, порезав их на крупные куски, с этой хреновиной в считанные минуты умяли всё яство.

Съели как хлеб с повидлом, даже ещё вкуснее было!

Вечер прожили не напрасно! Сытые мы неплохо посидели за заданиями и не голодными улеглись спать.

Прошло ещё пару дней. Тот же Борис получает письмо. Пришел в комнату и стал его читать. Вдруг, во время чтения он разразился диким истерическим смехом.

Мы даже напугались: в себе ли он?

Насмеявшись и несколько успокоившись, Борис говорит:
- От мамы письмо получил. Она мне пишет, что отправила посылку,

в которой положила новые носки, рубашку, свитер и очень переживает, в каком виде всё это дошло, потому что во всё это она упаковала банку с хреновиной.

Главное, чтобы банка не разбилась, а то всё перепачкает и надо будет всё выбрасывать, но если банка дошла целой и не разбилась, то имейте в виду, что хреновина очень острая. В ней хрен, перец красный и чеснок.

Если будете готовить себе супчик, то на кастрюлю кладите не больше одной ложки, а то кушать не сможете.

После этих слов нас тоже разобрал искренний, неудержимый смех.

Бедная мама!

Что бы с ней было, если бы она увидела своими глазами, за сколько минут банка её хреновины исчезла в наших желудках!

Надо сказать, что Борис у нас был самым посещаемым своими родителями человек. Однажды его мама приехала к нам в гости, проведать, как поживает сынок, какие у него друзья – сожители.

Посещение это было не только для нас, но и для него, совершенно неожиданным.

Мы ушли на занятия, и ничего не предвещало, ни каких гостей. А возвращаемся после третьей пары и обнаруживаем, что в нашей комнате дверь открыта и в ней кто – то хозяйничает.

Войдя внутрь, мы увидели достаточно молодую, интересную женщину в комнате с нашим номером, но не в нашей комнате!

Дело в том, что мы жили относительно многих других комнат в санитарном порядке, как нам казалось!

Полы мыли регулярно, каждый день, так же регулярно вытирали пыль и убирали со стола. Посуду грязной не держали и не разбрасывали её где попало.

Да и туалетные принадлежности хранились на своих местах.

У каждого был свой небольшой ящик, разделённый пополам на верх и низ (их всего было четыре, поэтому студенты их называли «октантчиками», как деление пространства в математике на четыре октанта).

У каждого в своём октантчике хранились туалетные принадлежности и тетради с конспектами.

Так же четыре щели, называемыми шкафами для одежды, завершали убранство комнаты.

Для увеличения полезной площади хозяйственной части комнаты, между двух шкафов по верху в пространство для хранения чемоданов были уложены доски. Они создавали целую хозяйственную площадку, которая, как и всё выше перечисленное, были завалены вещами, тетрадями, книгами и чертежами.

Из – за такой заваленности, не хочется говорить «захламлённости», потому что мы так не считали, да небольшой площади для проживания одновременно пяти не маленьких парней, комната казалась малюсенькой, тесной, но так жили все.

Так вот комната, привычная для нас, вдруг оказалась неправдоподобно большой: огромное окно во всю стену сияло такой чистотой, что стёкла в раме не замечались.

Шторы, всегда висевшие скрученными в трубочки, и не знавшие стирального порошка, выглядели, как только что из магазина: чистые, отглаженные и даже всегда висевшие нанизанными на проволоку и провисавшие посередине, оказались натянутыми как на гитаре струна!

Полы блестели своей вызывающей чистотой, кровати, которые мы, всегда уходя на занятия, заправляем раз и навсегда установившимся порядком, выглядели тоже необычно.

Над кроватями не висело ни одной чертёжной доски с начатыми чертежами (это нас совершенно не обрадовало), а на кристально чистом столе стояла огромная кастрюля с чем – то удивительно вкусным, и большая чугунная сковородка, накрытая крышкой... А запах от них шёл такой, что мы заметили его ещё на первом этаже общежития.

Нас встретила у порога «хозяйка» этого удивительного царства чистоты и уюта.

- Проходите, детки, раздевайтесь и садитесь за стол. Сейчас будете кушать!

Мы в нерешительности мялись у дверей собственной комнаты, не осмеливаясь пройти дальше, чтобы не нарушить этого видения, пока на передний план не протиснулся Борис.

- Мамка! Ты откуда взялась?

- Вот! К тебе приехала, проведать!

- А как в комнату вошла?

- Да как вошла?! Тут, оказывается, каждый знает, что замок вашей двери открывается вилкой, а сама вилка лежит за опанелкой двери.

- Пока вы были на занятиях, я у вас прибралась немного и постирала ваше постельное бельё. Оно скоро высохнет. Я стирала и сушила в прачечной на первом этаже.

- А теперь за стол и потом можете учиться!

Когда эта женщина всё успела сделать и из чего сготовить такую прорву еды, чтобы накормить пять молодых, здоровых мужских организмов, для меня, наверное, останется загадкой навсегда!

Наварила она для нас большую кастрюлю борща с мясом, такого же размера сковородку котлет и картофельное пюре на

гарнир. Всё было умящено вкуснейшей подливой, а запито компотом, которого тоже оказалось ведерная кастрюля!

Пришло время учёбы!

И тут дело дошло до чертёжных досок, а с ними и чертежей – плода труда ни одной бессонной ночи!

Неуверенно развернули свои чертёжные доски, подвешенные на верёвках над кроватями и стали поглядывать по сторонам, где же все чертежи могут быть?

Не видно!

- Валентина Витальевна! А Вы не знаете, где мои чертежи, обратился Виталик.

- А что у тебя там было нарисовано?

Интересно! Как можно женщине рассказать, что там «нарисовано», когда на лист нанесена развёртка коробки металлорежущего станка?

- Ну, там вот так расположены валы. А на них восемь шестерён. Тут такая стенка станка и в ней конический подшипник...

На половину техническими терминами, на половину на пальцах попытался он объяснить Борькиной маме содержание своего чертежа. Внимательно, без тени смущения или улыбки, выслушав Виталия, она взяла табурет и скрылась за шторками, отделяющими жилое пространство от «октанчиков». Появилась она оттуда очень быстро и уверенно протянула Виталию рулон его чертежей.

После того каждому по очереди она выдала его чертежи в целостности и сохранности, полностью ориентируясь на описание конструкции коробки станка!

Несмотря на то, что мы все были в сильном напряжении от присутствия мамы, но жили мы просто барской жизнью!

Через два дня наша лафа закончилась, и она уехала домой к себе. Трижды приезжал к нам в гости отец Бориса Леонид Дмитриевич. При знакомстве с нами он сказал, что обращаться к нему полным именем не стоит, слишком длинно и официально, а главное, непривычно ему, потому как его уже много лет зову просто «Митрич».

Мужчина уже очень солидных лет, прошедший всю войну, то есть он был старше всех наших родителей, но очень крепкий физически.

Охотник и рыболов. Постоянно добывал мясо диких животных, заготавливал его: солил, вялил по рецептам таёжных народов и привозил нам на съедение. Точно так же он поступал с рыбой, угощая нас форелью, хариусом, омулем, тайменем, осетром, стерлядью.

До этого мы даже не знали названий таких рыб, а уж покушать тем более. Один единственный, для кого такая рыба не в новинку это Батя, выросший в тайге на таких же таёжных реках, где только и сохранилась такая рыба.

Рыба, доложу я вам, царского стола!

Приезжал Митрич к нам из небольшого городка Назарово, Красноярского края, ранним поездом, который прибывал в Томск около шести утра.

Не дожидаясь транспорта, он взваливал на плечи рюкзак со съестными припасами и шел пешком. Благо от вокзала идти было не более получаса.

Так, примерно, в половине седьмого, когда мы мирно досматривали свои последние утренние сны, раздавался ужасный грохот кулаками в дверь, от которого мы повыскакивали с постелей в холодном поту и ничего не соображающие.

А в это время зычный голос раскатывался по длинному коридору сонной общаги:

- Эй, вы, поплавки, поднимайтесь! Митрич приехал!

Первым приходил в себя от этого утреннего моциона Борька:

- Мужики, батя приехал!

Мы спешно заталкиваем вчерашние опустошенные бутылки под кровати, а за дверями продолжает неистовствовать Митрич:

- Эй! Хорошо тару прятать, открывайте! Или у вас девки раздетые спят, ну тогда я подожду в столовой! Конечно, никто посторонний у нас не ночевал, и, мы, как только смогли, быстро открыли дверь.

- Ну, даже не интересно! Ни одной девчонки на целую комнату. Имейте в виду! Если следующий раз не застану у вас девчонок, то я заподозрю недоброе!

Мы пребываем ещё в растерянности, а он доволен произведённым эффектом, покатывается со смеху над нами и говорит:

- Так! Найдите мне раскладушку. Сегодня я ночую у вас.

- А теперь быстренько мыться, чистить зубы и в столовую!

- И я с вами. Нужно покушать чего – ни будь жиденького и горяченького после дороги.

- В столовую идём вместе, а то знаю я вас, поплавков. Утром вместо завтрака одной «курятиной» питаетесь под названием «Прима».

- Как хоть у вас готовят? Есть можно?

- Да у нас со вчерашнего дня новая смена поварих на кухне. Ещё не знаем ни самих, ни как они готовят.

- А сами по себе они как? Из их рук еду принимать не противно, аппетит не пропадает?

- Нет! Вполне приятная женщина лет, пожалуй, сорока – сорока пяти.

Заходим в столовую. Там ещё никого нет, мы первые.

Во главе Митрич.

Сразу, только зайдя в столовую, он уставился оценивающим взглядом в новую повариху и, не снижая громкости голоса, наверное, специально, объявил нам:

- Так! Раскладушку мне не ищите. У вас я сегодня ночевать не буду!

- А где же ты будешь ночевать, Митрич?

- У неё, сказал он, и ткнул указательным пальцем в стоящую за стойкой, милостивую женщину.

После завтрака Митрич с нами не поднялся, оставшись в столовой.

Мы ушли на занятия, а когда вернулись, то большая часть привезенных продуктов лежала на столе, часть их исчезла вместе с Митричем.

Ночевали мы в самом деле без него.

Но мы знали, что он собирается пробыть в Томске три дня.

Всё это время мы его не видели, а вечером третьего дня он пришёл и сказал:

- Три дня прошло, для вас я уехал. Меня не искать.

А потом сыну:

- Я недельку поживу у неё, перед отъездом зайду к тебе и оставлю её адрес. Надя приглашает тебя к себе как постояльца.

Придешь, посмотришь, если понравится, то можешь у неё пожить. Платить не надо, я всё отработаю за оставшиеся дни.

Жить, конечно, Борис там никогда не жил, но в гости ходил часто, подружился с её взрослыми детьми, участвовал в семейных праздниках, и, даже иногда ночевал там.

Вдруг, совершенно неожиданно, так как осенний семестр только ещё начался, то есть из дому мы приехали совсем недавно, приходит посылка Серёже Дудину.

Он, как и Борис родом из Назарово.

Но у Бориса отец был энергетиком и работал на местной ТЭС, а родители Сергея оба работали на молококонсервном заводе. В то время это был крупнейший в Западной Сибири подобный завод.

Некоторое время и сам Сергей там работал, токарем, что стало предметом приколов со стороны Калдырова в адрес Дудина.

- Серёга! А ты до института где работал?

- На молокозаводе, дома.

- А кем?

- Токарем.

- А ты что точил, банки консервные?

После такой дежурной шутки в комнате начиналась возня.

Дудин ловил Кадырова, тот высоченный и очень худой прыгал через спинки кроватей, ища защиту у Шкилёва, который по комплекции был даже больше Дудина.

Иногда, когда Шкилёву хотелось размяться физически, он прикрывал собою Николая и ввязывался в борьбу с Серёгой. В это время две огромные туши мужиков, один из которых занимался классической борьбой и входил в абсолютную категорию, то есть выше ста килограммов, а второй был штангистом, разминался

всегда гирями двадцать четыре и тридцать два килограммов и был сильнейшим тяжелоатлетом в институте на этот период в такой же абсолютной категории, тасовались по комнате, периодически заваливаясь то на одну, то на другую кровать.

Остановить их удавалось только заявлением, что они снова погнули очередную кровать, и надо идти к кастелянше и выклянчивать замену.

Но это бывало далеко не всегда.

Порой Юрка вставал на сторону «обиженного» и они вместе ловили Калдырова, заваливали на кровать, придавив собою его хрупкое тело и, находясь под прессом двух стокилограммовых махин, зачинщику оставалось только визжать, умоляя о пощаде. А эти слоны были совершенно не настроены идти на встречу его увещеваниям, и вытворяли такую процедуру: они закатывали Николая в матрац как рулет и заталкивали под кровать, а потом долго любовались, как тот без посторонней помощи разматывался и выбирался на свободу.

Серёжа Дудин был борец – классик, как я уже сказал. И вся его массивная фигура выдавала в нём борца такого стиля: высокий рост, длинные и очень ловкие руки, и особенно ноги. Ноги были накаченные до такой степени, что брюки он протирал не на заднем месте отполированными лавки старинных парт, а бедрами между ног. Для тренировки ловкости ног он порою вязал узлы на верёвках ногами и развязывал ими же.

А ещё он ногами, лёжа на своей кровати, стоящей у окна под подоконником, менял пластинки в стоящей на подоконнике радиоле. Вес у Сергея был более ста килограммов, которые даже при его не маленьком росте выглядели лишними.

Юра Шкилёв, наш Батя, занимавшейся тяжелой атлетикой, постоянно, во время разминки гирями, приставал к Сергею, чаще всего лежащего в это время на кровати:

- Всё лежишь! Только притворяешься сильным, а сам гирию поднять не сможешь!

- Смогу, позёвая отвечает Сергей.

- А вот спорим, не сможешь!

- Да могу я, что пристал? Что там поднимать – то тридцать два килограмма. Это ты двумя руками тянешь, а я одной левой...

- Ты не понимаешь!

- Это такое упражнение, кстати, очень сложное: двумя руками из – за головы от лопаток над головой поднять гирию.

- Вот смотри как!

И Батя, легко подняв с пола двухпудовую гирию взял её над головой двумя руками, медленно опустил за голову низко, ниже лопаток, а потом, напрягшись, стал вытягивать её в обратную сторону.

Все мышцы, лицо, руки его налились кровью, вены вспучились как реки в разлив.

Пыхтя и прерывая дыхание, Юрка вытянул эту гирию над головой и вновь стал опускать за плечи.

В этот момент, мирно лежащий в своей постели Дудин, подскочил, перехватил свисающую на руках Шкилёва гирию, и, даже не принимая позы тяжелоатлета, лихо зашвырнул железяку себе за голову, опустил её до лопаток и быстро поднял её у себя над головой, тут же вновь опустил гирию и снова поднял над головой, повторил это упражнение ещё раз. Затем миролюбиво положил в руки изумлённого Бати тяжёлый снаряд.

- Так, что – ли надо?

-Так! Только, знаешь. Серёга... У меня – то гирия висит верти - кально вниз, а ты её держал в горизонтальном положении. Я думаю, что так вообще никто не сумеет сделать!

- Да ладно! Я же сумел. Значит, ещё кто - ни будь так же сумеет. Ты – то доволен?

- Да!

- Тогда ещё смотри...

Тут под его горячую руку попался Виноградов Борька.

Дудин сцапал его своими хваталками за ноги чуть выше щиколоток, тут же на вытянутых руках поднял стоящего вертикально и истошно орущего, как потом выяснилось от боли, Виноградова.

Подержав некоторое время, он бережно поставил свой демонстрационный снаряд на пол, а сам прилёг.

- Видел?

- Да!

- Успокоился?

- Да!

- Ну, так больше ко мне не приставай. Я не люблю железом уродоваться, понял?

Батя и в самом деле больше никогда не приставал к Дудину со своим железом, но постоянного выражал огромное уважение к его силище, подаренной природой. А у Виноградова, ощутившего на себе всю эту силищу, ещё долго не сходили синяки у щиколоток в виде Дудинских пальцев.

Вот, вечно лежащего в кровати Дудина, вынудило подняться извещение на посылку.

Не могу сказать. Что он пошел за посылкой нехотя.

Серёжа сразу сказал, что, наверное, ему прислали молоко, а он его очень любил.

Принесённую посылку открывал при всех, ведь это Мы получили посылку!

Да и, вообще, нам было интересно: как это можно переслать по почте молоко. Мы, по своей наивности, даже забыли, что бывает молоко сгущенным.

Увидев банки, тут же встрял Микола со своей дежурной шуткой:

- Серёга! Так они прислали ещё в банках, которые ты вытачивал?

Его прикол остался без внимания, потому что из посылки на белый свет хозяин извлёк полиэтиленовый пакет, битком набитый солидолом, чем нас немало озадачил.

- Серёга! А зачем тебе солидол?

Тот даже не понял вопрос это или шутка, только повторил как заклинание:

- Сгущёнка!

- Что это такое, Серёга?

- Да вы что, в самом деле не знаете? Это же сгущёнка варёная!

А мы на самом деле не знали.

- А как её кушать, да и, вообще, можно ли?

- Как!? А вот как, сказал Дуди. Взял большую ложку и запустил её в пакет с коричневой жирной массой. Потом эту ложку, с высокой расползающейся горкой сверху, целиком отправил себе в рот и сощурился от полученного удовольствия, как кот на яркое солнышко.

Проглотив, он сказал: можно так, вприкуску с чаем, можно на хлеб мазать. Как кому нравится. Понятно, что каждый из нас по такой

полной ложке варёнки отправлять себе в рот не станет. Ни вкуса, ни впечатления, ни сытости не останется.

Побежали за водой, наполнили чайник и поставили его кипятиться, хлеб в тумбочке оказался, а сами стали разбирать дальнейшее содержимое посылки.

Из коробки на стол стали появляться маленькие металлические баночки.

- Ну, ни чего себе, сколько сгущёнки прислали. Я столько лишь в магазине видел.

- Это уже не сгущёнка!

- А что тогда?

- Это варенье домашнее.

- А что же оно как сгущёнка упаковано?

- Это у нас на предприятии тем, кто давно и хорошо работает, в выходные дни разрешается делать свои заготовки в тару завода. Там кто что хочет то и делает: и огурцы, и помидоры, и икру кабачковую. А мои родители всегда варенье на заводе делали, и у нас в погребе оно хранится в таких баночках.

- Так они все одинаковые. Разное варенье упакуешь, а потом не разберёшься.

- Я разберусь. Вот тут стоит маркировка. Под номером «Один» у родителей варенье из малины... И далее он нам сдал все семейные шифры: под каким номером, из каких ягод упаковано варенье, а с другой стороны маркируется год, месяц и число приготовления.

То есть всё, как в заводской продукции.

Последнее, что Сергей извлёк из посылочной коробки, были несколько палок жирной, хорошо копчёной колбасы. На вид она

была очень аппетитная: отлично прокопчённая, её жиром пропиталась полностью пергаментная бумага, в которую она была завернута, по - видимому, для лучшего хранения. Испорченного запаха она не источала.

Такой подарок судьбы мы никогда просто так не пропускали. Колбасу было решено съесть под водку.

Сбросились на парочку бутылочек, выделили гонца, а остальные стали соображать, что ещё можно под это приготовить.

Гонец вернулся быстро и не с пустыми руками.

В комнате, не найдя больше ни чего, кроме парочки килограммов репчатого лука и пачки маргарина, мы почистили и порезали лук, положили его на сковороду с маргарином и обжарили. Ужин готов! Тем более, что у нас имеется копчёная колбаса.

К жареному луку нарезали колбаски, разлили водку по стаканам, выпили и закусили колбасой...

По лицам поползло недоумение.

- Колбаса всё – таки испортилась!?

- Нет! Не испортилась! Запаха порченного продукта нет! Наоборот, она очень неплохо пахнет, только не мясом, а, скорее, конфетами.

- Какими конфетами, удивился хозяин посылки. Дайте – ко я сам понюхаю...

- Слушайте! Очень знакомый запах. Что же это может быть?.. Вроде ванилью пахнет, ещё что –то знакомое.

- А, вспомнил! Печеньем пахнет.

- Мужики! Это же не колбаса. Это торт колбаска. Его мама делает из крошенного печенья с какао, медом, чем – то ещё и

смешивает на растопленном масле. Потом делает небольшие колбаски и в холодильнике они застывают обёрнутыми в кальку.

Снаружи торт очень похож на копчёную колбасу, а когда торт режешь, то у крупных крошек печенья вид становится мелких жиринок, как салями. Даже я сам обманулся.

Водку пришлось допивать под жареный лук с хлебом, ну а чай в этот вечер выдался на славу!

Глава 6

Чем студент ни шутит, пока декан спит.

Что только ни происходит с нашими собратьями по студенческой скамье в процессе учёбы. Точнее не совсем учёбы, а когда накапливались учебные долги.

Бывали и самые печальные случаи. Когда некоторые переодевались не в свою одежду и гуляли в столь несуразном виде по студгородку, или, рассчитывая косинус «f» так трещали арифмометрами на этаже, что этот гул сдвигал «шарики за ролики» в голове.

Таких, приезжие санитары, увозили в далёкий желтый дом и, как правило, оттуда выписавшись, ребята уезжали навсегда домой к родителям. Бывали случаи не менее серьёзные, но не с таким грустным концом.

Один чудик из параллельной группы так упорно работал над проектом, что на несколько суток запирался в рабочей комнате за кульманом. Никого к себе не пускал, кипятил чайник и заваривал себе очень крепкий чай.

Простояв так трое суток без сна, он с нуля до готовности доводил курсовой проект, шел сдавать его, а потом не мог встать на ноги, так как они опухали до величины слоновьих.

Мы не практиковали у себя в комнате подобных экспериментов, хотя договаривались и дружно сидели по ночам за проектом.

С годами приобрели опыт и в подобных бдениях, когда голова перестаёт «варить» мы открывали бутылку водки, заранее припасённую, и выпивали буквально по пятьдесят граммов. Это не давало ощущение хмеля в голове, но при этом включало какой – то здоровый «пофигизм»

Сразу пропадали сомнения в правильности собственных расчётов проекта, и все силы направлялись на нанесение всех полученных данных в виде чертежей на листы. А вся борьба сводилась к борьбе за красоту чертежа и правильности его начертания.

Таким лекарством мы пользовались изредка, но оно помогало значительно продвинуться вперёд в выполнении задания. А вот засидеться всей комнатой за учёбой ночью – это было явлением обыденным.

Однажды на третьем курсе в самый последний день марта мы засиделись за проектом, как всегда всем составом комнаты.

Надо пояснить, что в нашей комнате проживали все ребята из одной группы, поэтому она являлась своеобразной штаб – квартирой для всех остальных одноклассников, да и не только.

Всё, в чём возникала потребность, они находили в нашей комнате: зубная паста, учебник, лекция, одолжить денег, рассказать или послушать новый анекдот, разобраться в непонятном моменте какой - либо задачи, всё находили у нас.

И совершенно не обязательно всё получали именно от нас.

Можно было прийти к нам, а ответ получить от другого товарища, который в это время находился в нашей комнате. Бывали случаи, когда к нам в комнату проникали люди раньше нас самих и там уже нас встречали.

Мы завели «Журнал посещений комнаты №314».

Как только кто – ни будь заходил к нам в гости мы открывали журнал и записывали: кто, во сколько пришёл, записывали за чем приходил...

Были даже записи такого содержания: «Зашёл просто так, потрепаться»!..

Во сколько ушёл, что взял с собой (чаще всего закурить).

В этом месте можно было бы порассуждать о резком повышении уровня ответственности каждого индивидуума перед письменно зафиксированным его действием... Но не будем! Просто эти записи всех так сильно напугали или изумили, что через

два дня ведения такого журнала интенсивность посещений нашей комнаты спала, практически, до нуля.

Но были и такие посещения.

В три часа ночи неожиданно открывается дверь и входит наш преподаватель по «Деталям машин и грузоподъёмным механизмам» Шубович Степан Иванович.

По возрасту он был для нас уже дед.

Он и на самом деле был не молодой, да ещё и сердечник, да ещё и астматик! В непогоду он себя тяжело чувствовал и не мог спать. Поскольку он проживал в доме соседствующим с нашим общежитием, а при этом искренне и самоотверженно любил студентов, то решил использовать своё недомогание на пользу любимцам.

Он пришёл в общагу и пошёл по комнатам, где в это время, в своём большинстве все сидели за проектом.

Заглянул к одним, выяснил, как движутся дела, узнал про сложные моменты. К другим с тем же самым зашёл, потом прошёл к нам, посмотрел чертежи. Задал пару вопросов и говорит:

- Вот что вижу. У вас у всех возникает один и тот же камень преткновения. Давайте бегом по комнатам, зовите всех, кто сидит за проектом, и мы сейчас здесь быстренько проведем консультацию!

Таким известием народ, однозначно, был шокирован, но пришёл. И в самом деле, за столом восседает Шубович и рассказывает, с какими одинаковыми ошибками он столкнулся и как надо правильно делать.

Побеседовав около часу с нами всеми, он вдруг задаёт вопрос:

- А где Юра Лунёв, почему я его не вижу?

Ну кто из собратьев честно скажет, что Юра спит? Все промолчали.

- А где он проживает?

Да что там увиливать.

- Проживает он по соседству в 315 комнате.

- Раз он ко мне не пришел, то я сам его проведу!

И пошёл.

Открывает дверь, а там за чертёжными досками все ребята и только Юра спит.

- Что это с ним? Почему он спит?

- Не знаем!

- Так разбудите его!

Все мнутя на месте, не хотят будить, зная, что можно услышать от сонного, неадекватного Юры.

- Да он, вроде, болеет, неуверенно соврали сожители.

- Тогда я сам разбужу... И начал будить!

Что тут только не прозвучало, пока Юра понял, кто его будит... Матросы с нефтеналивного танкера и сантехники ЖКО... нервно курят в сторонке.

А дед размеренно, спокойно так ему говорит:

- Юрочка, да разве можно так материться, ты же будущий инженер, руководитель производства, да, и, вообще, ты почему спишь, когда все другие ребята работают, проект делают?

- Знаешь? Народная мудрость гласит, что гуртом и тятку бить сподручно. Вместе разберётесь во всех вопросах, а так один останешься, и никто не сможет потом помочь. Давай – давай, родненький, поднимайся, садись за доску со всеми. А то у тебя только пять процентов выполнения проекта, а через неделю уже срок сдачи подойдёт.

До Юры дошло, что это не сон и будит его не сожитель по комнате, а настоящий преподаватель.

- Да я это, как его...простыл, болею...

Так, понятно! Ты вот что! Ты поднимайся, ставь чайник на плиту, а я сбегаю домой, там у моей бабки баночка медка была припрятана. Полечим тебя.

Юра ошалелый подскочил с постели, когда Шубович вышел из комнаты.

- Вы что, в самом деле, разбудить меня не могли, что ли?!

- Да, тебя добудишься! Вон что Шубовичу наговорил, уши заворачивались!

Юра схватил чайник и бегом на кухню ставить его кипятить, у соседей одолжил заварки, разложил чертежи и стал дожидаться Шубовича.

И тот пришёл, несколько огорчённый, но не с пустыми руками.

- Медок я не нашёл. Видать бабка куда – то перепрятала от меня, но я у неё спёр баночку варенья малинового, так что неси чайник, сейчас полечимся и за работу!

Но в тот раз, о котором началось повествование, Шубович нас не посещал, а посетил какой – то застой в мышлении. Требовалась разрядка. Переключение на другой вид деятельности. А на что можно переключиться ночью?

Мы частенько у себя в комнате развлекались тем, что играли в буриме, по договорённости сочиняя друг про друга небылицы и обязательно чтобы в рифму, иной раз на спор записывали целые лекции в рифму.

Это, надо сказать, очень сложно, так как обязательным условием было – не потерять смысла лекции.

Опробовали такую игру ещё на лекции по философии, получилось. Но самый высший пилотаж, просто шедевр выдал Калдыров, когда он сподобился лекцию по теории резания металла записать в стихотворном виде. К огромному сожалению, подобные шедевры не сохранились, и привести текст лекции не представляется возможным.

В подобных наших развлечениях вольно или невольно участвовали многие. К примеру, кто – то приходит в гости в нашу комнату, а у нас договорённость: сегодня мы разговариваем стихами.

Или принимай наши условия или мы тебя не слышим. Изворачивались почти все, и получалось очень весело. А однажды, во время игры в буриме, к нам заглянул Кирьянов Юрий. Зачем он приходил – не важно. А важно то, что его очень заинтересовала наша игра.

- А мы у себя так не играем. А как в неё играть?

Мы рассказали, что на заданные слова надо сочинить четверостишие, и чтобы смысл в нем был обязательно.

- А мне можно попробовать с вами поиграть?

- Да, пожалуйста, Юра! Когда мы тебя к себе не принимали?

- Слушай задание. Четыре слова: дверь, окно, кровать, ветер. Такой мгновенной реакции никто из нас не ожидал. Ещё не замолчал голос задающего, а он нам выдал:

Глядь, в окошко ветер дует,

Дребезжит моё окно!

Дверь скрипит, жена б...ет,

А кровать пуста давно!

Мы от молниеносной реакции были просто в восторге, да и приду-

мал он очень смешно и смыслово, как от него и требовалось. В этот незабываемый день первое место мы единогласно отдали нашему гостю, а Юра попросился постоянно с нами участвовать в подобных наших развлечениях.

Так что с этого дня наш турнир приобрёл статус «открытого». Переняв нашу игру, он предложил у себя в комнате так же развлечься. Но всё испортил Серёжа Дюков, который после долгого размышления выдал четверостишие:

Смотрите сколько народу,
А самый хороший – я,
И если старалась природа,
То только создать меня!

Надо сразу сказать, что его собственное творение впоследствии стало его жизненным кредо.

Вот в таком настрое среди ночи, при оформлении проекта мы решили вначале поиграть в буриме. Но мысль пошла как – то не в ту сторону и когда подошла очередь первого, Калдырова, донести до нас своё творение, то он прочел:

На столбовой дороженьке
У хутора Вершинина
В воскресный день гуляючи
Сошлись шесть мужичков.

Это семя упало на благодатную почву. Тут же, подхватив тему выдал своё Дудин

Технолог – парень умница

Батя добавил: Горняк, видать поддатый

Почти дуэтом, перебивая друг друга, я и Микола:

Термистов двое глупеньких

И сварщик не женатый.

И тут потекло ручьём, перехватывая друг у друга инициативу и едва успевая записывать, мы в пол часа сочинили целую поэму и назвали её «Кому на МФ жить хорошо?»

Далее по тексту следовало:

А с Кирова, шатаясь,

По разным - там делам

Забрёл сюда, качаясь,

Красавчик парень – ХАМ.

Сошлись и заспорили:

«Кому вольготно – весело

Живётся на МФ?»

Сказал технолог – умница

Тот весело живёт

Зачёты, кто, и сессию

Всё вовремя сдаёт!

Горняк сказал: - Лентяю.

Я сам большой лентяй.

И пусть живёт, «пахая»,

Отличник – негодяй.

Общественникам рьяным,

Чего болтать – то с пьяным!

-Термисты возразили,

Как будто и не пили.

А сварщик, вот зануда,
Сказал, что «Преду. Студа»,
А ХАМ, красавчик тихо,
Боясь, что выйдет лихо

Сказал: «А вот и нате!

Тому - кто в деканате!»

Пошёл тут шум и споры
И всякие слова,
Как будто взвод студентов
Рубил в лесу дрова...

Случись, на этот шум

Забрёл с ФТ парнишка,

Видать, что в этот миг

Перехватил он лишка...

Без поклона обращаясь,
Он подходит к мужичкам,
Любопытствует о споре..
Тут очнулся парень – ХАМ.

Нет, друзья, этот не поможет,

Его вид мне сердце гложет!

Но термисты возразили,

Ультиматум предложили.

Коль тебя к нам чёрт занёс,
Разреши – ка наш вопрос:

- Кто у нас на факультете

Лучше всех живет на свете?

А не то мы так подбросим!

И фамилии не спросим!

В голову пришла кручина:

- Где же, где же ты, дружина?

Нет дружины в воскресенье

И друзей в округе нет!

Но нашёл «лысан» решение

И спешит он дать ответ:

Тот студент живёт кайфово

На МФ, да и везде,

Тот, что делает всё плёво,

Не работает ни где!

Он ни «пашет», ни ленится,

На занятия не мчится

И спокойненько живёт!

Этот парень не активный,

Он не трус и не подлец,

В общем, парень он пассивный...

Так... Закончил физик речь,

И гора свалилась с плач!

И решили братцы наши,

Что на этот раз он прав,

И решили разойтись,
Поумерив буйный нрав!

Естественно, очень жаль было бы, если бы это весёлое творение никто кроме нас не увидел и не услышал.

Пока мы это сочиняли, к нам в комнату зашел, да так и остался Борис Хохряков.

Он сказал:

- А что тут думать! Завтра Первое апреля! Давайте это оформим в виде стенгазеты и вывесим на всеобщее обозрение!

Сказано – сделано! Мигом, склеив несколько листов ватмана, мы получили большое полотнище, по нему общий весёлый фон и размашистым почерком на него нанесли получившуюся поэму. Остаток места заняли всевозможными шутками, уморительными карикатурами, интересными необычными, курьёзными фактами...

Где в них правда, а где вымысел и по сей день не известно. Ну как прикажете относиться к информации, почерпнутой в журнале, что на первое января 1973 года население необитаемых островов составляло 187 человек?

Газета получилась вполне подходящая предстоящему весёлому дню!

Осталось придумать заголовок. Но, как ни странно, слово пришло сразу и одобрение получила полное: «Шницель».

Это ведь в студенческой столовой первая еда. Причём еда, которую можно назвать «Эрзац», потому что в меню писалось «шницель из мяса», а на самом деле была смесь свиного сала с сухарями. И наша газета получилась «Эрзац»! Вроде вывесить решили для всего факультета, а делала её не факультетская редколлегия.

Очень деятельное участие в её оформлении принял наш гость Борис. Он, оказалось, прекрасно и быстро рисовал.

В конце – концов Дудин, Шкилёв и Хохряков всё оформили, что сочинили коллективно, приложив максимум своего умения, остроумия.

Но вывешивать газету без авторства посчитали невозможным.

Стали подавать предложения.

Первое, которое понравилось было «Хряшки»: и смешно и представляет авторов, правда не всех.

Тогда родилось то имя, которым газету и подписали – «ХохряДуШки».

Всеобщее одобрение и вот газета вывешена в холле первого этажа на обозрение. Время было около трёх ночи. Мы довольные собой и своим творением легли спать.

А утром, идя на первую пару мы обнаружили, что нашей газеты уже нет. Мы кинулись к председателю студсовета с требованием найти похитителя и вернуть газету. Тот нас постарался успокоить, хотя это было очень сложно. Мы направились на занятия, а в конце третьей пары всех нас к себе в кабинет вызвал декан факультета.

Мы входим в кабинет. А там на стене висит наша газета!

Декан говорит:

- Ваша газета нам всем очень понравилась! Но я думаю, что она в общежитии не выживет и дня, а нам она ещё хорошо послужит, поэтому я её конфискую, а вы на меня за это не обижайтесь.

- Анатолий Васильевич! Если Вам газета понравилась, то, может быть, Вы её вывесите у деканата?

- А что, это не плохая идея!

Наше творение провисело в учебном корпусе у дверей деканата около месяца, а потом ей была предначертана долгая жизнь. Она

представляла наш факультет и жизнь студенческую ещё два года в приёмной комиссии, поступающим абитуриентам.

Очень поднаторев в деле рифмования строк, уже не упускал случая, чтобы ни отметить какое – либо выдающееся событие очередным рифмованным приколом. Это на себе чаще всего ощущали друзья, чья жизнь из обычной студенческой переходила в семейную.

Вот таким «раздражителем» для меня стали любовные отношения моего хорошего друга Бориса Виноградова: любителя девушек, вина, бокса и прочих «мужских» удовольствий.

Все свои отношения, сколько бы их не было, он воспринимал очень серьёзно, меняясь при этом внешне и внутренне. Приняв решение жениться он, при своей и без того далеко не гигантской комплекции, сильно исхудал, перестал с нами участвовать в «дегустации» напитков. И как итог он к своей регистрации получил от меня в подарок следующее:

Я вина пил,
Я градом бил,
Я Виногадом был.
Но страсть презрел
И протрезвел,
Жениться захотел...
Ужасен рок!
Я дал зарок:
Не пить уж больше грог!
Но маху дал
И исхудал

Стал тощий как скелет,
А палец мой еле живой
Похож стал на стилет.
Теперь весна
И ты одна
Лишь мной увлечена
А я боюсь
Наступит грусть:
Я на тебе женюсь
А ты возьмёшь
С другим уйдешь!
Тогда я застрелюсь!

Но все подобные шутки оказались оберегами для семейной жизни всех моих друзей. На протяжении многих годов мы друг друга не забываем, отлично общаемся, а самое главное, что семейная жизнь ни у кого не оборвалась и друзья живут как в сказке: «Пока смерть не разлучит!»

Когда решил жениться Кадыров Коля, это всех нас повергло в шок.

Большой любитель женского пола, имел массу подруг, с которыми заводил только краткосрочные знакомства, не предполагавшие длительных отношений. Более того: это было у него введено в ранг основной жизненной позиции:

- Я, говорил он, - женюсь только после того, как закончу учёбу, начну работать, буду иметь собственное жильё! Мне жизнь как память дорога, поэтому моей женитьбы не дождётесь. И тут!.. Такое потрясение незаметно для меня пройти не могло. Поэтому в тот же вечер я для Николая сочинил следующее:

Кому говорю: «Не надо!
Не надо меня мять!
Мне жизнь дорога как память,
Да разве вам это понять!»

Я буду биться о стену,
Сотру кирпичи в порошок,
А если притронетесь пальцем
Впаду в электрический шок!

Я рёбра себе поломаю
И голову на бок сверну,
Пробью себе пятки гвоздями,
Но хоть на руках убегу!

Кому говорю: «Не надо!
Не смейте меня бить!
Мне жизнь дорога как память,
А вы меня нате, женить»!

Все эти шутки над друзьями оставались просто добрыми шутками, потому что мы каждому искренне желали счастливой семейной жизни. У всех друзей она таковой и оказалась, в конечном итоге. Все друзья живут долгой счастливой семейной жизнью, вырастили детей, теперь все дружно растим внуков. А за наше доброе, нежное отношение к женскому полу Бог всех нас отблагодарил, подарив в качестве детей девочек. Ни у кого из нашей доброй компании не появилось на свет мальчиков.

Глава 7

Один день и вся жизнь.

Если судьба задумает свести между собой двух людей, то можно даже не сомневаться, что эти люди обязательно сойдутся или как минимум благодаря её усилиям окажутся впоследствии знакомыми.

И так. Всем нам двадцать лет. Весёлая, беззаботная разбитная студенческая юность, третий курс учёбы в политехническом. У нас, будущих механиков – машиностроителей зимняя сессия, на которую, слава Богу, все вышли без «хвостов». Мы – это пять человек парней, проживающих в одной комнате общежития на Вершинке и обучающихся в одной группе с уникальным для истории машиностроительного факультета индексом «б»: Дудин Серёжа, по - дружески Никтарьевич, Шкилёв Юра в простонародии Батя, Юхин Виталий, он же Ибрагим, Калдыров Коля, чаще Микола и я Борисенко Сергей, в Батином произношении Борисёнок...

Зимняя сессия.

Чем она была замечательной? Тем, что в зимнюю сессию у нас, в отличие от весенней, никогда количество экзаменов не переваливало за четыре, а зачётов за шесть. И то, что какой - то из экзаменов приходился на Новогодний праздник. При этом считалось за счастье, если экзамен выпал на 31 – е декабря. Сдал 31 – го числа экзамен и с чистой совестью можешь праздновать Новый год. До следующего экзамена ещё три дня!

Конечно, в этом были и свои неприятные нюансы. Можно было экзамен «завалить», а сами знаете: «Как встретишь... так и проживёшь!» То есть подпортить себе настроение на весь предстоящий год.

Хуже было тому, у кого экзамен назначался на первое января. Да – да! Не удивляйтесь! Это сейчас студенты отдыхают в эти дни со всей страной, а в наше время учились по другому графику. Экзамены назначались и в праздничные дни, и по воскресеньям.

Так вот, преподаватель приходил на экзамен не выспавшейся, уставший, не редко от него ещё пахивало ночным праздничным застольем. А тут какие – то студенты пытаются доказать, что, несмотря на то, что они за весь семестр посетили у него всего две – три лекции, предмет знают лучше лектора. Главное, чтобы преподаватель не спросил полное название того предмета, который сейчас студент пытается втереть в уши преподавателю. А содержание предмета можно и нафантазировать. Так вот сидит этот после праздничный экзаменатор и принимает экзамен у таких же после праздничных студентов. И настроение с каждым сдающим всё ухудшается и ухудшается. Дома его ждёт продолжение начатого прошлой ночью, а у двери аудитории дожидается своей незавидной участи человек двадцать, пришедших с зачётками. Мероприятие сие затягивается часов на пять – шесть, не меньше. А ему хотелось бы, чтобы поменьше!.. Так что в такие дни не мало буйных голов полегло.

Но нашу группу сия злосчастная чаша миновала. Наш экзамен назначен на 31 число, а, стало быть, мы уже везунчики. Осталось только сдать.

Вот сдадим, полдня впереди... Чем заниматься? Праздновать – то встречу Нового года только ночью! Не спать же! Решили! Будем делать всё по – домашнему: наведём порядок в комнате, украсим, чем можем, попросим наших «домашних» ребят принести ёлочные украшения, накроем стол (об этом позаботились заблаговременно) и ёлка придаст соответствующее настроение.

Да! Ёлка же, чёрт побери! Ёлки то нет!

Всеобщими спорами определили жертву. Кто первый сдаёт экзамен – тот идёт покупать ёлку.

Легко сказать, «Идёт покупать!». До этого раза мы никогда её не покупали и где они могут в Томске продаваться никто не имел, ни малейшего понятия.

А времена были ни чета нынешним. Это сейчас можно заказать по телефону или в интернете и тебе домой принесут, могут на дачу, в гостиницу или, возможно, гараж, да ещё и в указанное время. А в семидесятые годы прошлого века в Томске ёлки продавались только на двух ёлочных базарах, и их распродажа завершалась числа 25 декабря. Но мы то этого не знали и даже не могли подумать, что в городе, стоящем посередине тайги, может не быть обыкновенной ёлки.

Экзамен сдал первым я и следом за мной вышел уже свободным от сегодняшней пытки знаниями Виталик.

- Я с тобой, сказал он, видя моё не очень радостное состояние от предстоящего похода.

Бедолага!

Он даже представить не мог, впрочем, как и я, во что мы вляпались!

Конечно! Первая мысль была идти на ёлочный базар. Только где он?

Разума хватило не бродить по городу в его поисках, а спросить кого – ни будь из аборигенов об этом.

На встречу идет взрослая женщина, естественно, местная жительница.

- Тёточка! Скажите, пожалуйста, где можно найти место, где ёлками торгуют?

Она нам буквально на пальцах показала, как туда можно пройти, чтобы выполнить поручение. Это было вовсе не далеко. Маршрут - ный транспорт на этой улице был большой редкостью... Мы пошли пешком. Шли мы по улице с громким названием Московский тракт. Томск - это первый город, в котором я столкнулся с таким названием улицы –«тракт». В городе имеются такие тракты как

Московский, Чулымский, Иркутский, Каларовский и т.д. А вот что может означать слово «тракт», мне никто не мог объяснить. Оказалось, всё просто. Тракт - это городская улица, которая переходит в загородную дорогу, а вот направление этой дороги определяло её название.

По левой стороне улицы были автобазы, строительная организация, «Карьероуправление», частный сектор с маленькими серыми от возраста деревянными домиками, стоящими за таким же серыми деревянными заборами. По правой стороне любимый всеми поколениями студентов – механиков продовольственный магазин со штучным отделом, где всегда можно было найти не дорогую «живительную влагу». По этой же стороне улицы располагался старинный пивоваренный завод, организованный немцем по фамилии Крюгер в тысяча восемьсот ... лохматом году.

Кстати, неразрешимая задача, которая не имела решения много – много лет. Почему в Томске пивоваренный завод был, а вот пива никогда не было в достатке. Чтобы исполнить такую нехитрую прихоть как попить пива, нужно было, вначале, определить в какой пивной точке сегодня торгуют пивом и, найдя её, отстоять невероятной длины очередь. Поэтому в Томске никто пиво не брал кружками, да и кружек, честно говоря, тоже не было в обиходе. За пивом шли с банками, канистрами, вёдрами и прочей многолитровой тарой. Лично у нас, в нашей студенческой комнате для этой цели был приспособлен плафон от потолочного светильника, к который входило ровно двадцать литров ячменного напитка.

Минут через пятнадцать мы стояли перед плотно закрытыми зелёными воротами высотой метра три, завершающими линию такого же забора. Большая надпись кривыми падающими буквами гласила, что мы пришли верно. Это подтверждало и всё снежное пространство у ворот с втопанной ногами покупателей и укатанной автомобильными шинами ёлочной хвоей.

Другая надпись, более незаметная, но столь кривая гласила, что мы пришли зря, ёлок нет!

В сердцах я пнул ногой по забору... Почти одновременно с этим открылась калитка в зелёных воротах появился мужик с бородой, в тулупе до пят, одетым поверх фуфайки и в стёганных штанах, заправленных в валенки. На плече у него, скорее для проформы, висело подобие ружья, а, возможно, оно было даже действующее, но такое длинное, что опущенный вниз ствол волочился по снегу и был им, явно, забит. Страшный и грозный с виду, но вполне добродушный дед, сразу нам сказал:

- Пацаны! В ворота не стучите, ёлок уже давненько нет в продаже и вряд ли вы сможете её вообще купить! Надо было об этом думать недели три назад!

- И что? Мы не сможем нигде купить?

- Ну, если только на рынке, сказал он и закрылся до утра.

- Что? Рискнём проскочить до рынка?

- Легко!

Да уж, легко!

Это надо было подняться вверх к проспекту, дожждаться подходящего троллейбуса и потом трястись в нём сорок минут. Но взялись – надо выполнять!

Я не знаю, что случилось с климатом в Томске за последние годы... Нынче снег ложится в конце ноября, а то и в декабре вдруг весь растает и только к концу месяца ложится окончательно, а в те времена, о которых идёт речь, зима могла начаться, да чаще всего и начиналась, в конце октября. Ложился снег, устанавливались постоянные морозы пускай ещё не зимние, но снег уже не таял до весны. И с самого первого снегопада и до весеннего таяния снега все пригорки были раскатаны подошвами студенческих ботинок и

сапожек до зеркального состояния. Потому движение «под горку» доставляло ни мало удовольствия: летишь вниз по наклонной дорожке со скоростью ветра, лавируешь на поворотах, на бордюрах, обозначающих въезды во дворы, обгоняешь друг друга. Прямо как сноубордисты! А упали, так даже веселее... Куда как труднее подниматься по этим же дорожкам вверх, куда, собственно, нам и нужно было выбраться! Тут приходилось вспоминать навыки ходьбы на лыжах, потому что идти можно было либо лесенкой, либо ёлочкой. В любом случае надо было опираться на рёбра подошвы, при этом немного подрубая себе скользкое покрытие дороги.

Итак, соскальзывая, пыхтя, периодически сползая назад мы всё – таки преодолели целый квартал вверх по горке и вышли к вожделенной остановке троллейбуса. Оба взмокшие, разгорячённые, уставшие.

Поездка в троллейбусе ничего интересного не принесла, кроме того, что мы несколько остыли и отдохнули и скоро окажемся на рынке.

Я и не думал, что рынок в предновогодний день будет представлять из себя столь убогое зрелище: почти пустые торговые места, случайно забредшие, вроде нас прохожие,

Кое – кто пытался ещё что – то найти и купить, но покупать было абсолютно нечего! Мы быстренько прошмыгнулись по торговым рядам и ничего не нашли. Делать нечего, надо возвращаться ни с чем. И тут на встречу нам подходит неопрятный мужик неопределённого возраста и тащит брезгливо, как дохлую крысу, ёлочку... Маленькую, полу осыпавшуюся с жёлтой, вместо зелёной хвоей.

- Мужик! Ёлку продаёшь?

-Продаю!

- За сколько? Можно было бы и не спрашивать. И так понятно,

что главное ему наторговать на бутылку. Поэтому цена должна быть три рубля.

- Трёшка! (Так и есть, главное на бутылку.)

- Ты что, мужик! За такую маленькую, осыпавшуюся, желтую... и трёшку?

- Не нравится – не берите! Другие купят. Обязательно купят! Сегодня день такой, а мне можно подзаработать. Эту продам, за другой схожу.

- А может ты сразу за другой сходишь?

- Вам надо – вы и идите!

- Так знали бы куда идти, сходили бы.

- А что тут знать? Вон видите тропинка из хвои. По ней пойдёте, прямо к месту придёте.

А мы – то сами и не обратили внимания на эту тропу.

- Спасибо, мужик!

И мы быстро – быстро двинулись по этой тропе, которая запетляла по переулочкам в сторону реки и от домов к речке. Дальше по льду реки к середине, потом крутой поворот вправо, обогнула мысок и вывела к противоположному берегу реки, на котором располагалась деревня Эушта. Но в деревню идти не надо было. Прямо здесь на реке воткнутыми в снег стояли на выбор ёлки, сосны, пихты, кедры. Все как на подбор: разной высоты, разной пушистости. Глаза разбегаются от этой красоты. Но на фоне остальных ёлочки смотрелись очень блекло. Мы с Витафиком облюбовали кедр, но когда попытались его забрать, то оказалось, что его мы не донесём. Мы передумали и взяли пихту. Небольшую (как нам показалось), очень пушистую. Решили, что она к нам в комнату встанет отлично. Взяли с нас пять рублей и обещание, что если нас остановит объездчик, то мы их не знаем.

Подхватив свою попку за комель и за вершину, мы отправились в обратный путь. Реку прошли без приключений. Никто нас не встретил, никому объяснять ничего не пришлось. Мы благополучно поднялись на берег к жилью, прошли обратным путём, у базара мужик так и не продал к этому времени свою чахлую ёлку, но торговавшейся с ним покупатель предложил нам купить у нас нашу пихту за пять рублей.

- Да ты что? Мы сами её купили за пять рублей, так ещё на другой берег ходили. Сам сходи и купи, там много чего имеется.

От рынка до нашего общежития далеко, а до остановки троллейбуса близко. Подъедем хоть и не к самому дому, но от Лагерного сада до общаги это вам не через весь город тащиться пешком!

Мы на остановку. Там народу как полагается в предпраздничный день: кто с покупками, кто ещё с работы возвращается, а кто – то уже успел начать отмечать предстоящий праздник. Но с нашим появлением все оказались едины в одном: во взгляде, с которым нас рассматривали.

Думаем: «Народ в восторге от нашей ёлочки!», но, правда, взгляд не совсем восторженный, а скорее недоуменный.

И тут подошёл троллейбус. Теперь в лице изменились мы! Ёлочка, которая на реке казалась подходящей к габаритам нашей комнаты, оказалась размером больше троллейбуса!

На выручку тут же поспешил один солидный дядечка.

- Ребята! Продайте пихту за десять рублей!

- Ну уж нет! Мы её добыли для себя, а тебе, если надо, то сходи сам, здесь недалеко.

И мы пошли со своей поклажей в сторону студгородка, постоянно отбиваясь от назойливых покупателей, которые в центре города нам предлагали уже перекупить нашу красавицу за пятнад –

цать рублей, в районе площади Революции, месте массовых гуляний народа за двадцать, а при вхождении в студгородок за двадцать пять рублей.

Честно сказать мы даже пожалели, что не догадались, да и не могли приобрести на реке парочку лесных красавиц. Личный кошелек не позволил. А это оказалось выгодным бизнесом. Мы могли и сами быть с ёлкой, да ещё и весь праздник окупить. Но времена были другими, не коммерческими, а за спекуляцию можно было поплатиться местом в институте.

Лесная красавица была прекрасна собой! Пихтачка, для нас должна была стать праздничным деревом, к которому можно будет не стыдясь привести понравившуюся девушку, чтобы похвастаться перед ней. Ведь это так романтично!..

Но её ещё нужно было поднять на третий этаж и внести в комнату, а пихта, на поверку, оказалась длиной во весь общежитский холл. Ну, туда мы ещё кое – как вошли, и даже развернувшись попали в коридор первого этажа, а далее шла лестница. Пришлось подойти к решению задачи подъёма с русской смекалкой или как сейчас говорят «креативно».

Мы с другом за комель подняли дерево вверх, и как змею, пропуская между перилл лестницы, вытянули её на третий этаж, а далее третья комната от лестницы уже наша. В открытую дверь затащили нашу пихту в комнату: комель её уперся в стену под окном, а сама она протянулась через всю комнату, через весь коридор, а макушка поднималась по противоположной двери до самого потолка!!!

Такое невиданное зрелище привлекло к себе всеобщее внимание. Уж поглазеть в общаге всегда любили! Особенной популярностью всегда пользовались свадебные выкупы на студенческих свадьбах. На выкупах разыгрывали целые спектакли, участниками которых становились не только друзья и подруги же –

ниха и невесты, но и все «глазеющие».

Поэтому, за неимением свадебного выкупа на настоящий момент, все желающие и свободные от подготовки к экзаменам, вывалили в коридор. Всем было кране интересно: каким образом этот великан поместится в нашей комнатке?

Решение приняли радикальное: вымерили точную высоту комнаты от пола до потолка и вырезали самую пушистую часть дерева, затем просто расперли ствол между полом и потолком, крестовины для установки не понадобилось, а остального хватило, чтобы всю общагу украсить.

Мы раукрасили нашу «ёлку» чем могли, кроме того томичи, которые обещали принести ёлочные игрушки, выполнили своё обещание. Новогодняя ёлка на самом деле получилась на загляденье!

Дело осталось за малым: накрыть стол и садиться встречать праздник.

Однако, для меня всё заканчивалось именно на этом этапе. Ещё осенью Воробьёв Коля, Цхай Костя и я устроились в трест столовых и ресторанов сторожами на овощные склады. Заведовал складами отец Николая, поэтому нам легко «выгорело» это место. Дежурить надо было по графику, заступая через два дня на третий с шести вечера до половины девятого утра, а в выходной до вечера. Вот этот третий день для меня настал 31 декабря.

В пять вечера я вышел из общаги и направился к автобусной остановке. Ехать нужно было не очень далеко, но за город. Если выезжать из города в сторону аэропорта, то последним, что оказывалось на выезде это радиотехнический завод. Он своей лицевой стороной стоял к жилому району, а тыльной к лесу. Там, с тыльной стороны можно было кроме заводского забора встретить только частные гаражи, а ближайшие люди - это покойники со старого Южного кладбища.

Автобус, шедший за город, проезжал вдоль всего забора кладбища, и там, где оканчивался забор последнего пристанища ушедших людей, там была последняя, в черте города остановка автобуса. Здесь следовало выходить, а далее надо идти пешком по дороге в лес около километра.

Погода стояла самая новогодняя: шел очень густой чистый, легкий снег при лёгком морозце. Я шел и думал обо всём и ни о чем конкретно, о том, что сегодня Новогодняя ночь, а мне не повезло и надо идти на дежурство, о том, что завтра будет день праздничный, и, наверное, мы ещё не будем готовиться к очередному экзамену, а будем отдыхать и праздновать, что такая погода обычно предвещает резкое и сильное похолодание и жуткий мороз к утру, а хотелось бы, чтобы она стояла до самой весны... И тут я стал замечать, что город чем – то сильно отличается от своего привычного вида, но чем?

Я шел по чистому, нетоптаному снегу и всё думал и думал об этом. И до меня дошло, что следы на снегу только мои и больше нет ни чьих! Ни спереди, ни сзади меня. Вот, оказывается, как выглядит предновогодний город! Улицы нетоптанные, людей нет, все по домам и только я один иду к остановке, мне нужно на дежурство.

Под размеренный ритм собственных шагов у меня стала в голове появляться мелодия какого – то популярного вальса и очень хорошо вписавшиеся в этот вальсовый ритм некогда прочитанные и так понравившиеся стихи, бальзамом ложившиеся на моё внутреннее настроение.

Снег идёт, снег идёт

К белым звездочкам, в буране

Тянутся цветы герани

За оконный переплёт

Снег идёт, и всё в смятенье
Всё пускаются в полёт
Черной лестницы ступени,
Перекрёстка поворот.

Снег идёт, снег идёт.
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.

Словно с видом чудака
С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака.

Потому что жизнь не ждёт,
Не оглянешься и Святки
Только промежуток краткий,
Смотришь, там и Новый год.

Снег идёт густой, густой.
В ногу с ним стояли тени,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой.

Может быть, проходит время?

Может быть за годом год

Следуют как снег идёт

Или как слова в поэме?

Снег идёт, снег идёт,
Снег идёт и всё в смятенье:
Удивлённые растенья,
Перекрёстка поворот.

На остановке я уже стою пятнадцать минут, а автобуса всё нет! Находиться на улице почти без движения даже при таком морозце дело чувствительное. Через пятнадцать минут это начинает надоедать, через тридцать морозец пробирает и не греют уже замечательные стихи... А уж когда прошло и того больше, да ещё перед глазами дорога девственно не езженная, то становится холодно и внутри.

Через десять минут начиналось дежурство, а я ещё в городе. Ехать мне не на чем, это понятно, а если отправиться пешком, то доберусь до места не меньше чем через час.

Эх! До чего же всё – таки хорошо быть молодым: самоуверенности хоть отбавляй, чувство ответственности - приниженное...

- Да, на фига бы мне улыбалось такое счастье! Тащиться в одиночку в темноте чёрт – те куда за город, там торчат всю Новогоднюю ночь, чтобы потом вернуться в конце завтрашнего дня, когда всё самое весёлое и интересное уже закончилось и снова надо садиться за подготовку к следующему экзамену! Да что там случится без моего присутствия? Отпраздную Новый год и утром приду на слады!

Сказано – сделано! Я развернулся и пошел в сторону общаги. Вернулся я вовремя! Там всё только начиналось, все садились за столы, а в воздухе уже присутствовало то напряжённое гудение, которое вот – вот перейдёт в неудержимое молодое веселье!

Да! Но мне – то утром на дежурство! Я никогда до этого не находился в ситуации, когда все вокруг занимаются одним и тем же

делом, в данном случае неудержимым разгулом, а мне вместе со всеми этим же заниматься нельзя! Понимания со стороны друзей хватило ровно до того времени, как они выпили по второму стакану. Дальше объяснить, почему ты не пьёшь с ними, было не реально. Выход один – сбежать от компании. Пришлось бежать. Догонять, конечно, никто не кинулся. И на том спасибо!

Я поднялся на пятый этаж общежития, где наиболее тихое место, как - никак у нас на пятом этаже традиционно проживали первокурсники, а они в такой разгул ещё не пускаются.

Успешно проболтавшись всю ночь по этажу, оставшись трезвым, но страшно уставшим в восемь часов утра я решил выдвигаться на положенное мне место – на дежурство. Общага к этому времени начала затихать, танцы в холле первого этажа завершились вовсе. Пройдя через холл, я вышел на улицу и ахнул! За праздничную ночь температура воздуха упала ниже сорока градусов мороза!

Я побрёл в свою комнату. Там народ тоже понемногу угомонился и располагался на сон. Было ясно, что после бурной ночи никто раньше вечера не проснётся, а уж тем более не пойдёт на улицу. Поэтому я на свою обычную одежду сверху натянул полушубок Бати, на ноги Никтарьевские унты и вышел из комнаты. Здесь я нарвался на давнего приятеля, с которым жил в одной комнате на первом курсе. Он был существенно старше большинства из нас. До поступления в институт он успел окончить техникум, отслужить в Армии и только сейчас учился с нами на одном курсе. В нашем восприятии он был вполне взрослый мужик, и жизнь студенческую он вел тоже непохожей на нашу. Он, когда все «сачковали» и посещали не все занятия, особенно лекции, я имею в виду начало семестров, так вот он ходил абсолютно на все занятия, строго записывал название предметов, полностью имя преподавателя и, главное, рекомендуемую по курсу литературу. После этого шел в библиотеку, всё это получал, забивал книгами

свою тумбочку и уходил в запой на пару месяцев. Когда приходила пора сдачи курсовых, зачётов и тому подобного, он возвращался к здоровой жизни. Запирался в рабочей комнате около кульмана, прихватив с собой только чайник и заварку, и не выходил из «рабочки» по трое – четверо суток, выполнял работу, выданную на семестр, шел сдавать курсовой проект в первых рядах. Таким «мозговым штурмом» он брал все предметы, освобождаясь от зачётов и экзаменов почти раньше всех остальных. К встрече Новогоднего праздника, когда была середина сессии, он уже явно всё успел сдать и с чистой совестью вновь уходил в запой.

- Серёга! Ты что это, после Новогодней ночи абсолютно трезвый и уже куда – то намылился из общаги?

- Витя! Да мне на дежурство надо. Точнее надо было ещё вчера вечером, но я туда не смог добраться, так как автобусы уже за город не ходили. Вот решил с утра отправиться, а то придёт сменщик, а меня и нет. Или того хуже – проверяющий, а там всё закрыто и отопление отключено.

- Раньше обеда твой проверяющий не придёт! Поэтому пойдём, выпьем, у меня пузырь самогона остался. Понимаешь? У бабули одной купил. Прелесть самогона, да ещё и дешёвый. Но у меня выпить есть, а закусить нету!

- Знаешь! Если мы рассядемся с закуской, то я на дежурство не попаду. Я же всю ночь не спал, чтобы успеть с утра добраться до базы.

- Понял! У меня и кружка с собой имеется.

С этими словами он налил в кружку полбутылки содержимого и выпил. Следом вылил в эту же кружку вторую половину бутылки и протянул мне... За Новый год до дна!

Спорить было некогда, пора идти. Я выпил предложенное и вышел из общаги.

Путь нужно было преодолеть весь тот, который не удалось преодолеть вечером. Единственная разница. Теперь я точно знал, что автобус ждать не буду и сразу направился в сторону южного выезда из города, максимально сокращая свой путь.

Я шел по пустынной улице Вершинина. Тоже зрелище уникальное, ведь студгородок, в принципе, никогда безлюдным не бывает! Рядом с общежитием физиков, пересёк улицу Учебную, там прошел мимо биокорпуса мединститута, по улице Котовского миновал квартал жилых домов инструментального завода и вышел к площади Южной, в стороне от которой возвышались общежития института радиоэлектроники и Государственного университета.

На протяжении всего пути я не встретил ни одного человека. Город спал после бурной ночи, да ещё и морозище сорокаградусный никого не выпускал из дома. А мне – то, видать, совсем одному в целом городе нужно по делам!

Обычное явление в Томске для очень крепких морозов – отсутствие ветра. Такие морозы переносятся значительно легче, чем с ветром. А сейчас, похоже, ещё полностью не установилась погода, и, когда я проходил по нешироким улицам ветер не ощущался. А теперь я находился на открытой территории очень широкой площади, да и до реки отсюда, что называется, рукой подать. И всё это вылилось в очень приличный ветер, продувавший насквозь всю мою одежду включая полушубок и даже унты. Вдобавок ко всему этому удовольствию ветер везде, где только мог, срывал снег промерзший, ледяной, колючий и хлестал меня по лицу так, что открыть глаза полностью не представлялось возможным. Поздний зимний рассвет только – только приближался, а тучи на небе его прятали. Получалась кромешная тьма. Я сразу ощутил, что настроение от лирического, вчерашнего перешло в напряженное, тяжёлое. Представил себя одним – одинёшеньким, бредущим не в городе, а где – то в незнакомой местности, заблудившимся в

снежной пелене и погибающим. В голове помимо этих жутких картинок всплыли стихи из школьной программы:

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин – дин – дин.
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!
«Эй, пошёл, ямщик!» -«Нет мочи:
Коням, барин, тяжело,
Вьюга мне слипает очи,
Все дороги замело:
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы, что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня,
Вон - теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной,
Там свернул он искрой малой,
И пропал во тьме пустой».
Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий:
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;

Кони встали: «Что там в поле?»
«Кто их знает? Пень иль волк?»
Вьюга злится, вьюга плачет,
Кони чуткие храпят,
Вот уж он долече скачет;
Лишь глаза во тьме горят;
Кони снова понесли;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу духи собралися
Средь белеющих равнин.
Бесконечны, безобразны,
В мутной месяце игре
Закружились бесы разны
Буд-то листья в ноябре...
Сколько их. Куда их гонят
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?
Мчатся тучи. Вьются тучи:
Невидимкою Луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне.

Вот и Южная площадь позади. Далее шел длиннющий забор старого кладбища, вдоль которого мне нужно было выйти из города прочь.

Забор тянулся километра два, не так далеко, казалось бы, но дорога была завалена вчерашнем вечерним снегом, который на морозе сверху уже замерз и превратился в наст, но ещё не прочный

и при каждом моём шаге проламывался, нога проваливалась в не очень глубокий снег. Но тем на менее такая дорога была очень утомительная!

К окончанию забора я полностью выбился из сил!

- И зачем только я надел на себя тяжеленный полушубок и унты на три размера больше моей ноги?

А ведь дальше идти ещё не меньше километра по дороге, где следующий раз проедут после праздников. Так что если упасть случайно и заснуть. То пролежишь ледышкой неведомо сколько времени...

Такие невеселые мысли полезли в голову неспроста. Дело в том, то к этому времени сказалось то, что вчера сдавали экзамен, а перед этим к нему готовились и, стало быть, не выспались, потом мотались по городу и за реку в поисках елки, потом готовили стол, праздновали, всю ночь со всеми не спал, пред уходом из общаги «ляпнул» стакан самогона. И сейчас, прямо на ходу, мне уже начали сниться сны!

Страхивая с себя периодически обуревающий сон, я с трудом дошагал до овощных складов, и, уже было спрятался в каморку дежурного. Но тут вспомнил, что мы должны периодически включать обогрев. Чтобы при похолодании не заморозить овощи. Собрав последние свои силы в кулак, я пошел по вверенным помещениям, включил калориферы и, добравшись - таки до коморки, упал на полати, прямо не раздеваясь. Последнее, что заметил – время на будильнике. Было девять часов утра! И уснул.

В это время в голове раздался стук. Долгий, назойливый, с каким – то причитанием.

- Что за чертовщина! Кому там неймётся?! Открыл глаза и слышу: точно стук, очень сильный, настойчивый... в дверь, с крепкими матами. Подбежав к окошку, увидел, что приехал зав.

складом с проверкой, как я и предполагал.

Что же он в такую рань приехал? Вот не сидится дома мужику!
И мне поспать не даёт!

Дверь открыл. Кладовщик спрашивает:

- Что так долго не открывал?

А сам всё время озирается по сторонам, заглядывает под стол, за печь, под полати... Что – то потерял, видимо!

- Да спал я, говорю, а что ещё на дежурстве делать?

Вспомнил!

- Было холодно, я обогрев включил, говорю.

- Давно?

- Нет, недавно! Часов в десять!

- В десять?! И что до сих пор греется?

Он пошёл посмотреть температуру в помещениях складов, а я воспользовался этим и посмотрел на часы. Было без пятнадцати четыре. Я глазам не поверил.

- Дядь Коля! А сколько сейчас времени?

- А ты думаешь, чему я удивляюсь? Проспал всю ночь, да ещё день до четырёх часов!

Вот это да! Как одна минута пролетели утренние часы.

- Так! На складах температура минус три градуса. Точно с десяти часов греешь?

- Точно! И ночью включал, соврал я.

- Беда! Видать склады плохо подготовили к зиме. Надо будет загонять рабочих утеплять и дополнительные калориферы ставить.

Ещё раз осмотрев все возможные углы и не найдя признаков моего

Предполагаемого пьянства на рабочем месте, кладовщик, значительно подобрев, сказал:

- Так, ладно! Твоё дежурство окончено, спасибо, что не подвёл! Можешь быть свободным. Я досижу до конца дежурства, а к шести сын придёт.

Я свободен, отдохнул, да и не слабо отдохнул! С сохранностью охраняемого товара тоже ничего страшного не случилось! Так что можно присоединиться к празднующим Новогодний праздник, наконец – то!

Настроение отличное, погода соответствует настроению: яркое солнце, смягчившейся градусов до тридцати мороз, ветра нет... Дорогу, на удивление, прогребли тракторами, так что идти легко. Лес такой, каким его рисуют на новогодних открытках: снега по пояс, на деревьях пышный иней и снег. Бьющее в лицо солнце не дает возможности открыть полностью глаза. Да этого и не хочется. Так приятно идти в тишине, не опасаясь случайно столкнуться с кем – либо, а уж тем более с автомобилем.

Лучи света, играющие в ресницах прикрытых глаз, рисуют разноцветную радугу. Это создаёт ещё более праздничное настроение.

Только вышел из леса к дороге – неожиданная радость, подошёл автобус. На автобусе добираться до дома всего – то минут десять – пятнадцать.

Захожу в комнату общежития, а там остатки вчерашнего праздника: не совсем прибранный стол, не чисто вымытый пол, ободранная наша вчерашняя красавица – пихта и запах бывшего праздника, который перебивал даже запах хвои и, как ни странно, очень бодрые друзья, что называется «на взводе», готовые сию минуту «встать на крыло» и куда – то моментально лететь.

Серёга! Давай быстрее переодевайся, только тебя ждём! Нас

В гости пригласили!

- Кто пригласил? Я – то тут при чем, если вас ждут?

- Да ты что! Вчера познакомились с такими замечательными девчонками с ХТФ!

Да как познакомились?! Роман!!! Ты только представь! Внизу на танцах Виталик познакомился и танцевал с девушкой Ольгой. Она тоже, как и он играет на гитаре и поёт. Разговорились, он Ольгу пригласил посмотреть нашу ёлку. Поднимается, а следом за ним идёт Борис и с ним тоже ёлочку посмотреть идёт Нина, как выяснилось с этой же комнаты.

- Мы только за стол сели, винишка разлили, дверь открывается и входит Никтарьевич, а с ним Света, тоже их подружка и проживает с ними. Мы все очень удивились и обрадовались такому совпадению. Посидели у нас и девчонки пригласили нас к себе на ХТФ. Они там отмечали праздник коктейлем Кровавая Мэри. Мы, конечно, согласились, пришли к ним. Сидим, попиваем Мэри и тут открывается дверь и входит ещё одна их девушка Галя и с ней наш Микола!

- Ты только представь: нас четверо одновременно, независимо друг от друга познакомились с четырьмя девушками, которые оказались из одной комнаты!

Тут мне стало впервые за весь день досадно. Я, оказывается, «продежурил» самое главное. Всех самых красивых девушек вчера разобрали и мне там делать нечего. Но не сидеть же одному, когда все уйдут.

- Конечно, я с вами!

Время встречи было назначено в пять вечера. Оказывается, парни обо мне подумали и не стали назначать более раннее время. Мы идём на ХТФ! Попасть к химикам в общежитие это всегда было очень сложно. В наше время парней, обучающихся на химиков

было не более двух человек на группу. Поэтому общежитие считалось, практически, девичьим. Девять этажей молодых, красивых девушек! Это же мечта с большой буквы «М»! Мечта каждого парня студгородка. Поэтому на входе дежурили всегда вахтёры, точнее вахтёрши, мимо которых, что называется, мышь не проскочит.

Но, во – первых, сегодня праздничный день и у этих пугал, как ни странно, тоже праздник, а во – вторых, у нас на вахте была своеобразная привилегия, которую мы приобрели совсем недавно, играя выкуп на студенческой свадьбе нашего одноклассника. Мы этой привилегией не злоупотребляли, но когда очень нужно было пройти, а у входа набивалась целая толпа страждущих пройти парней, мы тихонечко напоминали вахтёршам о себе и те делали так: выходили из дежурки, раздвигали своим мощным торсом всех парней и громко оповещали:

- Ну – ка разойдитесь! Наши женихи пришли!

Мы свободно проходили, а нам в след были устремлены прожигающие нас насквозь, завистливые взгляды.

Сегодня не пришлось пользоваться «личным обаянием». Вахта была добродушна, точнее её как таковой не было. Находящаяся внутри дежурная мирно спала, а все входящие очень тихо, чтобы её не разбудить, проскакивали внутрь.

Мы таким же путём проникли на девичий континент, в общежитие химиков. Проскользнув по длинному коридору, шмыгнули в лифт и поднялись на седьмой этаж. Там в комнате девчат нас уже ждали. Из небогатых студенческих запасов был накрыт праздничный стол, самое необходимое и дорогое наполнение праздничного стола мы принесли с собой.

После первого подъёма наполненных стаканов все начали вспоминать вчерашнее невероятное знакомство «комната – на –

комнату». По ходу воспоминаний я понял, что не только меня не хватало на вчерашнем веселье, но и одной девушки, Людмилы. Это уже с их стороны. Причем девушка меня сразу сразила! Она была вся из себя такая стройная, аккуратная, красивая!.. В ней было всё, что меня поражало и восхищало! Она стояла, заложив руку за спину и опираясь ею о головку кровати. А вокруг светило сияние... Я стоял напротив неё в глубоком ступоре. Я разучился ходить и говорить. Больше всего на свете мне хотелось быть рядом с ней и смотреть неотрывно на неё! Одним словом, это была девушка, созданная для меня и только для меня. Девушка моей мечты и моего будущего. И это будущее свершилось через три года.

Теперь, когда я слышу вопрос: «Есть ли любовь с первого взгляда?» - я отвечаю, что только такая любовь и бывает настоящей. Не с первого взгляда может быть брак по расчёту, по привычке, по необходимости... А любовь – она только с первого и окончательная!

А первое января, семнадцать часов с этого момента наш семейный праздник, каждый год, вот уже сорок лет!

Глава 8

Любовь под прикрытием.

Светлое чувство Любовь!

Сколько о нём писали и рассказывали!

Можешь читать и учиться любить, можешь выслушивать истории любви твоих друзей и знакомых и всё равно ничему не научишься. Потому что это чувство индивидуально, покрывает всех по-разному и истории любви у всех получаются разные.

Приключилась она и с Николаем Глинкиным.

Николай.

Отличный парень, умница. Один из лучших студентов в потоке, весельчак, на каждый жизненный случай у него был припасён анекдот, да, причём, не бородатый, а новый. Прекрасный спортсмен.

Занимался он для того времени довольно экзотическим видом спорта - подводным плаванием.

Занимался давно и успешно. Он был многократным рекордсменом, чемпионом Европы и Мира в разных дисциплинах, один из первых в мире изготовил и применил моноласт.

Не смотря на всю экзотику этого вида спорта в стране, в Томске этот вид спорта был очень развит и его развитие поддерживается и сейчас. А в то время в городе существовало много секций подводного плавания. Но самыми ведущими были две: университетский «СКАТ» (студенческий клуб аквалангистов Томска) и политеховский «Афалина».

Они очень сильно конкурировали между собой, а чемпионат города по подводному плаванию по составу и уровню результатов был даже выше чемпионата Мира!

Родом Глинкин был из соседнего города, поэтому ему, как иногороднему было положено койка – место в общежитии, но он этим правом не воспользовался, а потому ежедневно примерно час добирался автобусом до места учёбы.

По утрам знаменитый автобусный маршрут «сороковка» был битком набит молодёжью, дружно ехавших в Томск за знаниями, а все свои дела студенты должны были закончить до десяти вечера, потому что в десять тридцать уходил последний автобус обратно. И уж если кто задерживался, то нужно было искать место ночлега. Пришлось его искать и Николаю.

Николай влюбился в прекрасную девушку, студентку, но обучающуюся на вечернем факультете.

Днём она работала в нашем же учебном корпусе в гардеробе и там стали частенько заставать Николая.

Все отлично знали «пост», на котором он стал простаивать целые лекции, пока шла смена Люды. А потом она шла на занятия, а Николай оставался дожидаться её после занятий, которые заканчивались в десять вечера.

Времени погулять влюблённым не оставалось, и проблема решилась сама собой.

Однажды к нам уже спящим кто – то постучался в дверь. Мы открыли, шёл первый час ночи.

- Ребята! Я опоздал на автобус. Можно у вас переночевать?

- Можно, Коля! Только у нас все плацкартные места заняты, положить спать тебя некуда!

- А я вон там, под столом у батареи, можно? У меня полушубок, я его расстелю и на нем посплю.

- Да, пожалуйста, не жалко!

Новый день прошел в обычном порядке, а ночью повторилось то же самое, пришёл Николай, всех разбудив.

На третий день мы вручили ему новенький, специально для него

изготовленный ключ, чтобы он приходил, когда захочет, кушал, мылся, ложился спать, но нас не будил.

Похоже, на фронте любви, у Глинкина всё шло хорошо и можно уже ожидать его, свадьбу. Зато на основном направлении – учёбе, у него наметился огромный провал.

Понимая это, мы Николаю говорим:

- Коля! Девушка – девушкой, а проект делать необходимо! Поэтому ты пользуйся нашими чертёжными досками, делай здесь свой проект. Тем более, что мы уже ушли от тебя далеко вперёд и можем проконсультировать по неясным вопросам. Кстати, время - нем тебя не ограничиваем. Можешь делать проект по ночам.

Совету нашему он внял, но где – то через неделю руководитель проекта Шубович Степан Иванович назначает день защиты проекта.

Время защиты определяет для всех групп одно и то же, а нам говорит:

- Глинкин чтобы пришёл на защиту обязательно!

За эту неделю Коля преуспел во многом.

Вообще его отличительная черта была в том, что выполнение проекта он начинал всегда с оформления корочки пояснительной записки.

Всегда старательно, исключительно по ГОСТу, красивым чертёжным шрифтом подпишет, обведёт рамку... Только цветочков не хватало до полного гламура!

Мы постоянно над ним из – за этого подшучивали, а с другой стороны, когда проект уже полностью закончен, чертежи в тубусе и ждут времени защиты, пояснительная записка тоже готова и её осталось только вложить в корочки... Вот тут на оформление этих самых корочек, зачастую запала уже не хватает и не учитываешь,

что когда идёт защита проекта, то чертежи перед преподавателем раскладываешь ты сам, а книжку пояснительной записки отдаешь ему в руки. И его первое восприятие о выполненной работе уже складывается по этой книжечке.

Так вот за время до назначенной даты защиты проектов, Глинкин успел оформить корочки будущей записки, сделал расчёты на черновике, накидал одну проекцию коробки редуктора на миллиметровой бумаге и на лист ватмана перенес главную проекцию редуктора в тонких линиях.

Грянул назначенный день.

Мы собираемся нести свои работы, а Николай сидит подавленный за чертёжной доской и не собирается идти.

Мы ему говорим:

-Коля! Дед сказал, чтобы ты тоже пришел на защиту!

- Не пойду, стыдно с пустыми руками идти. Проект доделаю, потом возьму разрешение в деканате на сдачу ... тогда.

- ... он уедет в какую – ни будь командировку, и ты его будешь ждать. Пошли! Он же сам сказал, чтобы ты был!

- Нет! Не пойду!

Мы пошли в учебный корпус, там Шубович завёл нас всех в большую аудиторию и начал приёмку работ.

Вдруг он приостановился, поднял голову и спрашивает:

-А Глинкин где, почему не пришёл?

- Придёт, Степан Иванович, чуть позже.

Быстренько прогнав через себя человек двадцать, а это для него не проблема, поскольку он проработал на кафедре много - много лет, и сейчас, находясь на восьмом десятке жизни, знал задания всех учебных проектов наизусть, лучше собственной квартиры, и мог,

глянув одним глазом, сразу увидеть все ошибки, подгонки и прочие ухищрения студентов. Оценить чертёжные способности и уровень усвоенного материала, а потом, задав один, два вопроса, определить: сам студент делал проект или кто – то ему усиленно помогал.

Он снова поднял голову и говорит:

- Глинкина нет?

- Ну, хорошо! Борисенко! Он у вас в комнате живёт?

- Живёт он на «Почтовом», Степан Иванович, а ночует, последнее время у нас, под столом!

- Хорош хохмить. Иди, лучше ко мне и показывай, что ты сам сочинил.

Оглядев в полглаза чертежи и задав ничего не значащие вопросы, он меня отпустил, сказав, чтобы Коля тут же прибыл со всем, что у него имеется.

Я рванул бегом в общагу.

Там застал корпящего над чертёжной доской Глинкина.

- Коля! Всё собирай и иди! Шубович зовёт, нельзя не прийти. Обидится, хуже будет!

Собрав все черновики расчётов в красиво оформленную папку, свернув в рулон начерченный в тонких линиях лист проекта и второй, с нанесённым в правом верхнем углу началом чертежа, вместе с тремя ещё девственно чистыми листами ватмана, он уложил всё это в тубус, туда же запихнул свой черновик на миллиметровке и удручённый пошёл в учебный корпус.

Чтобы он дошёл до места и не передумал, я пошёл с ним.

Подошли к аудитории, Коля постучался и зашёл.

- Можно, Степан Иванович!?

- А, Глинкин! Заходи. Что – то я тебя заждался. Зову тебя, зову, а ты всё не идёшь ко мне. Али не любишь? Ну, проходи, садись, готовься. Сейчас будешь показывать свою работу. А пока пойдёт отвечать Кирьянов. Давай. Юра, не стесняйся. А то сидел такой весёлый, всё смеялся один, сейчас вместе посмеёмся.

Юра наш хороший друг, но только жил в другой комнате, соседней с нами, да и учился в другой группе.

И вот что интересно. На самом деле так получается, что хорошо и дружно живут между собой люди, чем – то схожие: общими интересами, общими наклонностями или вот общей безалаберностью.

В одной комнате собрались очень умные, знающие ребята, но из числа тех, кого принято называть «пофигистами».

В комнате они, естественно, убирались, но порядка у них было меньше чем у нас. На столе могли одновременно находиться остатки позавчерашней еды, новые продукты, тетради, документы, чертежи и прочее.

Однажды я видел, что у них в комнате прямо на столе, без какой – либо упаковки, лежал большой кусок сливочного масла, сверху которого была приклеена чья – то зачетная книжка.

- Парни! Вы что, с ума соскочили! Как потом такой документ в руки экзаменатору давать?!

- Вот, ответил Юра. У меня такого с документами никогда не случится, и не потеряю я их никогда, потому что они все у меня лежат надёжно и в одном месте: под моей кроватью, за плинтусом и я всегда знаю, где их искать!

Итак, Юра пошел к столу преподавателя.

Дверь была открыта, наверное, Шубовичу, страдающему давлению и одышкой, было тяжело в набитом людьми помещении, не хватало воздуха, вот дверь и не закрывали.

В открытую дверь была отчетливо видна на полу гора уже принятых у студентов проектов. Это было не свойственно для преподавателя, который относился с большим уважением к выполненным другими людьми работам, даже студенческим проектам.

Он обычно всё забирал с собой на кафедру, там просматривал ещё и ещё, выбирал самую понравившуюся и вывешивал как показательную на стенде у кафедры.

Рассказывали, что остальные работы у него хранятся годами, а тут – небывалый случай: принятые работы он обильно обливал канцелярским клеем и сваливал в угол.

Тем временем к сдаче приступил Юра.

Разложить чертежи он даже не успел, как ему последовал вопрос:

- Юра! А из чего ты будешь делать стопорные кольца для крепления подшипников?

Юра в некоторой растерянности, он не ожидал такого оборота событий и теперь понял, что в чём – то прокололся.

- Из железа буду делать.

- Пожалуй не из железа, а стальные или чугунные!?

- Ну, да!

- А что же ты мне в своём проекте резиновые подсовываешь?

- В смысле?

- В прямом!

- Расскажи мне, пожалуйста, как ты на сумеешь натянуть на эту шейку вала стопорные кольца, если они не резиновые? Ведь с обеих сторон вала шейки диаметром больше, чем вот эта, о которой у нас идёт разговор. Ну что ж ты. Рассказывай. А я теперь повеселюсь...

- Нет, Степан Иванович! Давайте лучше вместе посмеёмся. Как Вы и обещали.

- Вместе? А что, давай! Над твоими чертежами. Вот, Юра, ты будущий инженер, может быть конструктор, возможно, что – ни будь изобретёшь. А вот чертежи у тебя в таком неприглядном виде: грязь, размазанная по листам, надписи неразборчивые, а на этом листе вообще, масляное пятно. Кто у тебя, интересно, вел техническое черчение?

- Да! Бабка Заринкова!

- Да!?! Так это моя жена!

- А я что? Я ни чего! Хорошая тётенька!

Бедный наш дед! Он так смеялся, что весь покраснелся как раскалённый уголь, стал задыхаться от смеха. Мы даже испугались, как бы с ним плохо не стало.

Насмеявшись от души, он постепенно успокоился, Юру отпустил, конечно, с положительной оценкой и вызвал к себе Глинкина.

- Ну давай теперь ты, Коля, удиви меня чем – ни будь!

- Степан Иванович! Я пришел, как бы проконсультироваться. У меня ещё не всё готово.

- Вот то, что готово, то и показывай!

Коля извлёк из тубуса всё его содержимое в обратном порядке: вначале красиво оформленную обложку пояснительной записки с вложенными в неё черновиками расчётов.

Шубович очень внимательно посмотрел все расчёты и изрёк:

- Всё правильно - с, молодец! Покажи, как это выглядит на бумаге в виде чертежей.

Глинкин развернул чертёж на миллиметровой бумаге, преподаватель со столь же серьёзным видом всё изучил:

- Молодец, правильно! Только надо было бы уже на ватман перенести. Есть что на ватмане?

- Есть. В тонких линиях.

- Показывай!

Рассматривая развёрнутый лист в тонких линиях, только и приговаривал:

- Молодец! Всё правильно разобрался и начертил, взял второй лист ватмана, на котором было только начало будущего чертежа положено, и здесь всё правильно!

Взял и развернул третий лист, уже совершенно чистый.

- И здесь нет ни единой ошибки. Мне всё ясно, дальше можно не смотреть!

Шубович взял все листы, принесённые Глинкиным, включая чистые, вложил в них лист миллиметровки, «пояснительную записку», всё обильно облил канцелярским клеем, вылив треть тюбика, плотно смотал в тугую трубу и бросил в общую кучу. Затем взял зачётку Глинкина, поставил там оценку «хорошо», и, вручая её Николаю, спросил:

- Ты меня понял, Коля? Людочка – чудесная девушка и вы подходите друг другу, но любовь любовью, а учёба учёбой!

- Понял. Степан Иванович! Больше подобного не повторится! Спасибо за помощь!

И вот тут только стало ясно, почему Шубович изменил своим привычкам сохранять работы студентов. Только для того, чтобы помочь Глинкину, помочь в затруднительной ситуации с учёбой и помочь их любви!

Каждый преподаватель – это личность, индивидуальность! Каждый любил свою работу. И другого мнения просто не могло быть, если судить по той зарплате, которую они получали. Каждый, по - своему любил студентов.

Среди них всех всё – таки выделялся Шубович Степан Иванович, доцент кафедры «Детали машин», он читал курсы «Теоретической механики», «Деталей машин» и «Грузоподъёмные машины и механизмы».

По всем этим предметам на разных курсах нам приходилось выполнять курсовые проекты.

Лекции по своим предметам он всегда читал в громадной аудитории.

Думаю, что ему было тяжело читать лекцию для такого количества слушателей, а студентам тоже было не просто. При таком количестве людей в аудитории духота наступала очень быстро, и многих начинало клонить в сон, а некоторые, пользуясь тем, что это всего лишь лекция, сидя на задних партах, пытались выполнить задание по математике или сопромату.

Тогда, видя всё это, лектор устраивал небольшие разрядки.

Вдруг обратит внимание на дальние ряды и начинает, обращаясь к конкретному студенту говорить:

- Дмитриев! Уберите, наконец, тетрадь по математике и займитесь лекцией. Я ведь могу у Вас на экзамене затребовать тетрадь с Вашими лекциями.

Да и вообще, вы странные люди! Думаете, что я в очках, и поэтому не вижу, чем вы занимаетесь на задних рядах? А я вижу.

Если бы вы были внимательными, то заметили бы, что у меня очки с плюсовыми диоптриями. Я без очков вблизи не вижу, чем занимаются, а на задних рядах вы у меня как под микроскопом!

Или возьмёт в руки первый попавшейся журнал посещений и по списку группы проводит перекличку студентов, совмещая полезное с приятным.

Польза, в данном случае, только для преподавателя, поскольку по ходу переклички он выявляет, кто сумел сбежать у него со второго часа лекции, а приятное, это то, как он выкликивает фамилии.

Это просто песня, бальзам на уши!

Все слушали и с восторгом реагировали на его очередную выдумку. При этом все прекрасно понимали, что он искажает фамилии специально, необходимо, а, чтобы несколько изменить обстановку в аудитории и разбудить, засыпающих в духоте.

Бричкина, она же Телегина – Саночкина.

Тихоня – Тихонов

Дуросеев – Дорофеев

Стопоров – Тормозов

Винокрадов – Виноградов...

При этом у него хватало выдумки каждый раз не повторяться в своих коверканьях.

После подобной разрядки всем вполне хватало духу доработать продуктивно до конца лекции.

Пришла пора получать задания на первые курсовые проекты.

Собрав всех в аудитории, Шубович обстоятельно рассказал, где выставлены задания по проекту, как приступить к его выполнению. Когда и с чем приходиться на консультации, причем в обязательном порядке, иначе процентовка по выполнению задания двигаться не будет. Информация сразу пойдёт в деканат. А вам это надо? Стипендии лишить можно быстро, а вернуть вряд ли удастся!

Далее!

Имейте в виду, что пояснительная записка должна включать в себя только расчёты по проекту и больше ничего. А то были такие «артисты»...

Один, выполнив, кстати, совершенно верно весь проект, в пояснительной записке написал:

- А валы можно изготовить деревянными, потому что пояснительную записку всё равно никто не читает!

- А я, старый дурак, взял и прочитал.

- А другой, на спор, что никто не читает записку, исписал сорок листов анекдотами.

Я, конечно, посмеялся от души, но двойку я ему вlepил: будь здоров!

- Так! И ещё. При заполнении спецификаций к чертежам, пользуйтесь, пожалуйста, ГОСТами на технические изделия, потому что ГОСТы на папиросы «Беломорканал», сигареты «Прима», спички, кефир, молоко мне уже давно известны и сидят в памяти.

С такими напутствиями мы приступили к выполнению своего первого проекта.

* * *

Сегодня у нас по расписанию после второй пары в шестнадцатом корпусе стоит третьей парой лекция по охране труда и технике безопасности, читает доцент Елгазин.

Эта лекция проходит в самой большой аудитории другого учебного корпуса – восьмого. И несмотря на то, что аудитория самая большая для лекций, но спешить надо, иначе места за партой просто не хватит.

Причин этому несколько.

Первая причина заключается в том, что лекцию проводят для двух потоков курса одновременно, а это ни много, ни мало, а более трехсот человек.

Причина вторая и самая главная, что читает данный курс человек, отлично знающий свой предмет, имеющий огромный опыт в расследовании несчастных случаев на производстве, а также технических и технологических аварий.

Причина третья заключается в том, что этот специалист, к своим знаниям и опыту ещё прилагает огромный театральные дар. Из – за этого всего на лекции по охране труда и технике безопасности, курс, который заканчивается даже не дифференцированным, а простым зачётом, народу набивалось столько, что опоздавшие стояли в проходах вдоль стен и стоя слушали и смотрели разворачивающееся действие.

А послушать и даже посмотреть было что!

- Довелось мне как – то расследовать аварию на ТЭЦ, рассказывает лектор.

- Дело было так.

После капитального ремонта ввели котёл в эксплуатацию. Постепенно довели до рабочей температуры теплоноситель. Всё идёт, как и положено по инструкции, но в ночь было обещано сильное похолодание. В Томске это случается нередко зимой или даже в конце осени.

Ночью стали поднимать давление в котле и температуру теплоносителя. Тут наложилось много факторов одновременно, как это чаще всего и происходит.

Смена работает только с дежурным технологом, который должен одновременно следить за всем рабочем процессом и оборудованием, первое похолодание, для которого ещё не провели дополнительного обучения и инструктажа, котёл, только

выведен из ремонта и ещё не подвергался испытаниям в рабочем режиме, а только послеремонтные испытания прошёл.

Я сразу вам заостряю внимание. Какие производственные недоработки приводят к авариям на производстве.

Вся эта тирада сопровождалась широкими размахистыми движениями рук, подъёмом или понижением тембра и громкости голоса.

Так сказать, «нагнеталось».

И после фразы «...К авариям на производстве», произнесённой ровным вкрадчивым голосом с оглушительным взрывом, произведённым лёгкими лектора он подпрыгивает, иллюстрируя произошедший взрыв, раскидывает руки, ноги в разные стороны, изображая собой разорвавшейся котёл. Так же своим голосом изображает падение всевозможных деталей после взрыва, обрушившего частично стену, и пробившего потолок.

В установившейся гробовой тишине слышится голос преподавателя:

- Просто очень повезло, что ночная смена, и людей было минимум, да ещё сама смена находилась на обеде, даже оператор обедал в своём помещении.

- Разорвавшийся котёл повредил потолок, стены, частично трубопроводы. У самого котла даже срезало крепёжные болты, что уже говорить о его целостности.

Травмированных не было. И то, что оператор обедал в закрытом помещении его спасло от ошпаривания перегретым паром.

Расследование показало, что предохранительный клапан, который перекрывают для проведения испытаний, не перевели в рабочее состояние, иначе рабочие бы в этом случае услышали

лишь громкий свист выбрасываемого пара через отверстие клапана. Вот такой: и он оглушительно свистнул!

Идёт рассказ об электробезопасности.

- Приходит к электрику завхоз цеха и говорит:

- Нужно лампочку в коридоре, идущему к туалету и душу, поменять, а то она перегорела и в коридоре темно.

Электрик взял табуретку и пошёл менять лампочку.

- Но когда он поставил новую лампочку, то она не загорелась.

- Электрику же лень спуститься с табурета и проверить: отключён автомат или нет, от которого запитано освещение. Он заглянул в патрон и увидел то, что должен был увидеть. Из – за повышенной влажности у душевой комнаты контакты в патроне окислились.

- Сейчас эти контакты почищу от окиси отверткой, и всё заработает.

С этими мыслями электрик суёт жало отвертки в патрон, и, как и положено, замыкает оба контакта, да ещё и «закорачивает» на себя.

Надо сказать, что, рассказывая всё это он откуда – то притащил табуретку и, изображая электрика, взобрался на неё, что – то ковыряя в воздухе пальцем.

- Ба - бах!!!

Короткое замыкание. Руки вразлёт, ноги подкашиваются, и он с высоты табурета и своего не маленького роста падает на пол кафедры, с которой нам вещал.

Подрыгав ногами как в судорогах от электротравмы он «отошёл в Лучший Мир».

Через несколько секунд мёртвой тишины Елгазин возобновляет своё вещание прямо с пола:

- А всё должно происходить по следующей схеме...

Он поднялся с пола, отряхнул пыль с брюк и пиджака и подробно рассказал всем нам последовательность действий всех должностных лиц и что предусматривает закон за их несоблюдение.

После небольшого перерыва лекция возобновилась новым ошеломляющим примером.

- Вон, говорит он – и его острый длинный указательный палец устремился куда – то под потолок над его головой. И взоры всех слушателей устремились туда же. Но, не всем слушателем сразу оказалось видно то место, куда указывал преподаватель, поэтому некоторые даже по вскакивали с мест, чтобы всё – таки рассмотреть это злополучное место.

Меж тем, дождавшись, пока все не насладятся зрелищем этого загадочного места лектор продолжил.

- Вон там, где – то высоко – высоко перегорела лампочка. Завхоз снова идёт к электрику и говорит ему об этом.

- Скажите! А электрик тот же самый?

- Нет! Другой. Вы же видели какую травму получил предыдущий.

- Так завхоз разделяется со всеми электриками!

- Нет! Не разделяется, если электрик будет подходить с головой к выполнению поставленной задачи, а не так, как я вам сейчас доложу.

- Итак!

Электрик увидел то место, где ему требуется сменить перегоревшую лампу. Это очень высоко...

Вот он пошёл на улицу там, где – то в хоздворе, нашел длинную – предлинную лестницу. Несёт её в цех, корячится (изображает,

каково это одному тащить такую длинную и тяжёлую лестницу, когда вокруг такая теснота), принёс.

Начинает устанавливать, а она норовит упасть.

Постепенно установив и подняв лестницу на нужную высоту (Елгазин весь взмок, изображая этот процесс в лицах), электрик, наконец – то полез вверх.

Вот он лезет, лезет, лезет (действие продолжается) и тут подламывается стропилина у лестницы и с высоты трех метров рабочий падает на землю!

Раздаётся страшный хруст ломающейся древесины и медленно, изображая падение с большой высоты как в замедленном кино, наш преподаватель падает вновь на не совсем чистый пол кафедры.

- Всё, говорит он, - вызывайте скорую помощь. У пострадавшего компрессионный перелом позвоночника. Ему предстоит долгое лечение и, скорее всего, инвалидность, а администрации суд!

Уф! Слава Богу!

Преподаватель вновь остался жив и здоров, а мы получили очередной наглядный пример результата безалаберности на производстве.

* * *

Изучение технологии машиностроительного производства включало в себя и такой предмет как «Расчет и проектирование приспособлений».

Читал нам его такой странный лектор по фамилии Плешаков, конечно по созвучию, а не за какие – то особые заслуги мы его между собой называли профессор Плейшнер. Он несколько лет в

районе Нового года уезжал в один из московских институтов, где по теме его диссертации находился ГЭК.

Ездил он туда с одной целью: защитить диссертацию кандидата технических наук. Количество его попыток для нас, студентов, естественно, было покрыто мраком, но по блуждающей среди старшекурсников легенды, эти поездки для него превратились в новогоднюю народную забаву.

Вот и при нас он, начитав несколько вперёд ряд тем курса, вновь поехал в Москву.

Отсутствовал он недели три.

Начитанного им объёма вполне хватило, чтобы выполнять технологический проект, поэтому о его отсутствии сильно никто не печалился.

И вот он вернулся.

В расписании вновь появился его предмет.

На лекцию он явился с явно выделяющимися на лице признаками тяжёлой формы «асфальтной болезни» и подвешенной на бинтах левой рукой с загипсованным предплечьем. Вид у него был раненного шпиона, поскольку глаза ему закрывали тёмные, очень тёмные очки.

И вряд ли бы он нам всем этим запомнился.

Знаний по технологии и по проектированию мы почерпнули и из других предметов и источников.

Самое выдающееся в нём было то, что он в ходе лекции сыпал всевозможными несуразными афоризмами. Ими он иллюстрировал содержание своей лекции.

Как – то отсаживая всю нашу группу на задние ряды (а мы пришли на первую пару после вчерашней свадьбы в нашей группе) он нам сказал:

Кто пьёт больше своего преподавателя – тот плохо кончит!
Объясняя скорость срабатывания механических, гидравлических, пневматических и электрических приспособлений он изрёк:

- Кто раньше встал – того и тапки!

Рассказывая о необходимости производства предварительных расчётов силы зажима детали при проектировании приспособлений, он заявил:

- Тише едешь – дело мастера боится!

Но самое крутое выражение, которое все запомнили, было высказано при чтении лекции о технологичности изделий:

- По своему технологическому назначению люди делятся на мужчин и женщин! Взяв его себе как жизненное кредо, мы все прожили долгую счастливую семейную жизнь.

* * *

Наверное, для того, чтобы старшекурсники не сильно чувствовали себя уже выпускниками, и, что всё, что связано в институте с военными людьми у них уже позади, на выпускном курсе в расписании занятий появляется такой предмет как «Гражданская оборона».

Ну чего в нём может быть такого, что его приходится упоминать.

А вот такое нестандартное в нём всё – таки присутствовало в виде преподавателей, которые были все поголовно кадровыми офицерами в отставке, точнее они были военными пенсионерами, но возраст им вполне позволял ещё работать.

Так вот воспоминания об армии и армейских отношениях их всех сильно грели. Казалось бы, какая разница, в какой последовательности ты назовешь поражающие факторы ядерного взрыва или действия при попадании в зону заражения. Главное знать!

Не тут – то было!

Получить зачет, если ты перепутал последовательность пунктов, просто не реально.

Так, по крайней мере, думали все студенты и эту легенду поддерживали все преподаватели кафедры.

Поэтому зачёт по Г.О. получать ходили несчётное количество раз все, кроме ... меня.

В назначенное время я пришел на зачёт со всеми вместе, к ответу на билет приготовился и ответил всё, но последовательность пунктов по одному вопросу точно назвал не такую, как в лекции.

Этого уже было достаточно, чтобы зачёт не получить, а напротив, получить пересдачу зачёта.

И такой исход никого не расстраивал, поскольку некоторым приходилось являться на сдачу до десятка раз.

Но пора оказалась очень напряжённая.

В назначенный день пересдачи я был занят другими проблемами, потом не встретил своего преподавателя, а другие преподаватели кафедры не имели такой привычки принимать чужих студентов.

А тут подошло время экзаменов.

Закон института утверждённый раз и навсегда: без сданных зачётов не получишь допуска к экзаменам.

На мне это никак не отразилось...

До экзамена я был допущен, равно как и ко второму и последующим. Но червь сомнений меня внутри мучил: «Может быть, надо пойти на кафедру гражданской обороны и попытаться сдать этот пресловутый зачёт?»

Быть может этот вопрос мучил бы меня всю жизнь, если бы не случай.

После сдачи сессии мы сдавали свои зачётные книжки в деканат, чтобы там заверить сдачу печатью деканата.

Так вот в момент, когда я сдавал свою зачётку, то на столе лежала раскрытая ведомость по сдаче того самого зачёта по Г.О.

Моя фамилия в списках группы всегда была второй, искать долго её не приходилось.

Так вот вторым в ведомости присутствовал я, и дата сдачи стояла ещё самая первая.

Я тут понял, что бывшие военные мучают студентов своими подходами к уровню знаний, так сказать «бесплатно», на жизни конкретного студента это отрицательно никак не отражается.

Нет! Однозначно! Если бы на зачёте проявил знаний «ноль», то всё было бы предельно ясно.

А так. Ну переставил местами пункты и всё! Главное знает!

Короче говоря, эти мужики совсем не «солдафоны», а вполне «человеки», впрочем, как и большинство тех, кто нас учил.

Глава 9

Ужасы нашего студгородка.

Гаврила.

Стоят летние жаркие дни, когда в дополнение к тридцати - градусной температуре устанавливается полнейший штиль.

Экзамены остались далеко позади, а мы находимся на производственно – технологической практике. Это спокойная пора, при которой с утра со всем рабочим классом города мы ходим на предприятие и обучаемся там работе производственного технолога, набираем себе материал для предстоящего отчета об этой практики. А вечера свободны.

Как – то само – собой установилось, что как только начинается вечереть и на улице спадает зной мы выходим на улицу и просто сидим или стоим у своего общежития.

На улице хорошо: чистый теплый, но не жаркий воздух, на улице тишина. Почти все студенты поразъехались, а в общежитиях осталось небольшое их количество тех, кто проходит практику в городе или тех, которые ремонтируют собственное общежитие в составе ремонтных бригад.

Каждое общежитие ведет ремонт по давно установившемуся графику.

Наше общежитие всегда начинали ремонтировать с самого верхнего, пятого этажа. Просто у нас на факультете заведено всех первокурсников селить отдельно от остальных студентов, на пятом этаже. И по окончании сессии первокурсники все разъезжаются: кто в стройотряд, кто на каникулы, человек пятнадцать остается в рембригаде и занимаются ремонтом общаги. По мере готовности пятого этажа они переходят на четвёртый. Тех, кто там ещё проживает переселяют на другие этажи и так далее ремонт движется постепенно вниз.

В девятиэтажном общежитии напротив нашего, где проживают студенты физико – технического факультета ремонт

всегда начинался с четвёртого этажа, а потом двигался либо вверх до девятого и возвращался вниз, либо шел вниз до первого, а потом поднимался вверх.

Этаж, который в данный момент ремонтировали отличался от всех даже при взгляде с улицы: были сняты все лампы, и он стоял темным. Средние фрамуги оконных рам вынимали и куда – то прятали, чтобы не побить в них стёкла. Поэтому при взгляде со стороны этаж выглядел разбитым и унылым. Таковым мы его ежевечерне и наблюдали от своего общежития.

В один из вечеров случилось то событие, о котором идёт повествование. Время было половина одиннадцатого вечера, то есть то время, когда в июле в Томске вечереет, солнце еще полностью не спряталось, но на улице Вершинина, под кронами сильно разросшихся деревьев уже довольно темно и чётко рассмотреть что – либо, да ещё на расстоянии невозможно.

В этой вечерней тишине четко слышались шаги со стороны соседнего общежития, но по тротуару никто не шел, да и шаги слышались скорее изнутри девятиэтажки. Прислушавшись и при - смотревшись, мы увидели движущуюся по темному коридору в такт шагам белую фигуру мужского обличая.

Эта фигура подошла к открытому окну и громко, красивым крутым баритоном, которому могли бы позавидовать в церковном хоре, на распев трижды прокричал:

Гаври-и – ла - а! Гаври- и –ла – а! Гаври – и –ла – а!

После этого развернулся и таким же размеренным шагом удалился.

Кто – то озвучил общее мнение: «Придурок!»

Побыв еще некоторое время на улице, выкурив перед сном ещё по сигарете, мы пошли в свою комнату на ночлег.

Следующий день прошел в обычном порядке. Мы находились на заводе, копировали себе технологический процесс, уточняя не

ясные вопросы: допуски на заготовку, припуски на операции, контрольные приборы и тому подобное. Всё, что нас интересовало по технологии. День прошёл продуктивно и быстро. За весь прошедший день вечернего происшествия никто из нас даже не вспомнил.

Вечером, с чувством не зря прожитого дня, мы вновь вышли вечером перед сном на улицу даже не вспоминая вчерашний вечер.

Время подходило в половине одиннадцатого, когда о вчерашнем вспомнили, по хохмили на эту тему и даже ещё не закончили, как в тишине вновь услышали шаги по соседнему общежитию. Все притихли и направили свои взоры на четвертый этаж соседей.

Там, действительно шла по коридору вчерашняя фигура в том же темпе и к тому же часу.

Подойдя к окну, белая мужская фигура повторила вчерашний репертуар в том же объёме ни слова не добавив, ни убавив.

Состав слушателей с нашей стороны был тоже практически без изменений. Некоторые из слушателей попытались ответить обидным:

- Заткнись, лысан! Докричишься!

Но разум победил. Тем, кто пытался ответить задали простой вопрос:

- Тебя как зовут, Гаврила?

- Нет!

- Так что ты кипятишься, пусть он орёт, а кипятится Гаврила.

Посмеялись, успокоились, но не все.

- Завтра я пойду в их общагу и когда он будет орать я его поймаю, сказал Юра Лунёв.

Никто особо на это внимания не обратил, поскольку Юра был таким малышом, что вряд ли сам предпримет какие – либо действия.

Следующий рабочий день уже прошел с интересом, но скорее не производственным. При встречах в цехах мы обсуждали проблему: сегодня придет Гаврила или нет? С трудом дождались вечера и уже даже не думали пораньше лечь спать, а ждали половины одиннадцатого вечера.

Мы вновь все собрались и уже ждали с интересом.

В урочное время мы прислушались и вновь услышали шаги по коридору, белую мужскую фигуру в потёмках, подошедшую к окну...

Гаври – и – ла – а! Гаври – и – ла – а! Гаври – и – ла – а!

Фигура так же спокойно размерено развернулась и пошла прочь.

Почти тут же появился Юра Лунёв возбуждённый, прямо на взводе.

- Чёрт! Хотел его там поймать, но у них оказывается общага закрыта, я оббежал все черные входы, так и не нашел как они попадают к себе. Повезло ему!

- А может тебе, Юра!? Парень – то он, похоже не маленький!

- Да ты что! Я бы его...

- Юра успокойся сам и оставь его в покое. Покричит, надоест и перестанет.

Следующим вечером мы уже сидели всей комнатой за оформлением отчетов по практике. Писанины там много, много эскизов операций. Чтобы не затягивать до конца практики решили понемногу начать эту работу и засиделись. Случайно глянув на часы увидели, что время приближается в половине одиннадцатого.

- Мужики, заканчивайте. Сейчас Гаврила свой сеанс давать должен.

Захватив с собой сигареты, мы быстренько спустились на улицу.

Открывшейся картине я очень удивился. На площадке около входа в наше общежитие толпился народ. И откуда его столько набралось? Стояло много пар парней с девушками в обнимку и никуда не уходили.

В это время вновь слышались шаги по пустынному коридору соседнего общежития...

- Вон он, вон! Ну посмотри, что ты не видишь? По четвертому этажу идёт, к окну подходит...

- Ой! Вижу, вижу!

Это со всех сторон переговаривались парни со своими девушками.

В момент все замолчали и в наступившей полной тишине громко зазвучало уже привычное:

Гаври – и – ла – а! Гаври – и – ла – а! Гаври – и – ла – а!

- Ой! Как здорово! - завизжали девчонки и захлопали в ладоши. Их похлопывания подхватили и парни, и тоже по аплодировали.

Сегодня, прежде чем уйти, исполнитель арии поклонился из окна как со сцены и удалился.

Так с тех пор и повелось.

Ежевечерне у входа в наше общежитие собиралось чуть не всё население студгородка на вечерний сеанс. Прослушивали Гаврилу, благодарили исполнителя аплодисментами и расходились. Даже когда в соседней общаге ремонт четвертого этажа завершился, сеансы продолжались теперь уже с пятого.

Как долго всё это происходило, трудно сказать, поскольку в конце июля наша практика закончилась. Мы подготовили и сдали

отчеты о её прохождении и в начале августа разъехались кто куда до первого сентября.

Осенью арию «Гаврилы» нам уже никто не исполнял, о чем сожалели не только мы, но я об этом слышал и от случайных прохожих.

Брызги «шампанского».

Шли те же самые жаркие летние деньки того же самого лета. Поскольку мы проходили свою практику на предприятии, то и жили по его графику: пять рабочих дней в неделю, а в конце два выходных. Прочувшись четыре курса в очень приличном темпе, мы осознали, что по окончании учёбы нас ждёт совершенно иной, не такой изнуряющий и вполне человеческий график жизни: восемь часов отработал и дальше предоставлен самому себе, а в субботу и в воскресенье нас вообще не тронь! Мы отдыхаем!

Фактически детские мечты и как же они оказались далеки от реальности. Ведь потом оказалось, что тебя никто уже не гнал на предприятие, а ты всё равно шел на него и сожалел, что существуют выходные, поскольку в рабочие дни просто всё «перемолотить» времени в сутках не хватает! Что борьба за выполнение производственного плана это такая захватывающая игра, которой нет замены ни в одном казино.

Но сейчас мы ещё молоды, мы студенты, отучившиеся четыре курса и следующий год учёбы для нас, станет завершающим.

А пока практика и сегодня субботний день. Чем заняться?

- Парни! А пойдёмте погуляем по городу, возьмём фотоаппараты, сфотографируемся. А то все фотки в общежитии, либо в учебном корпусе. В городе даже ни единой нет. Вот прошлый год были в Минске на практике, так там только успевал плёнки проявлять. А в Томске живём и Томска нет на фото.

Согласились, пошли.

Середина дня. Идти по Вершинина и по проспекту Кирова приятно. Солнце, пропекающая город, его здания, асфальт, превращая его в податливую массу, находится высоко в небе и спрятано в листве сросшихся верхушками деревьев. До нас долетают только небольшие блики.

Но этот путь не столь продолжителен, как нам бы хотелось. Дальше нас путь вывел на центральную улицу – проспект Ленина. Выход на него сопровождался прямо - таки удушливой жарой. Нет, нет не подумайте, что центральная улица города оставлена его жителями совершенно без деревьев. Ни Боже мой!

Деревьев, газонов, клумб, цветников здесь совсем не меньше, чем на других улицах. Просто географически эта улица расположена так, что весь световой день солнце светит вдоль улицы и все здания, постройки, деревья отбрасывают свою тень тоже вдоль улицы, а посему их тень попадает на самих себя: от домов – на дома, от деревьев – на деревья. Всё находящееся на улице пропекается лучами солнца. Дома при этом раскалены до температуры духовки. Спрятаться от этой духоты просто не реально! Единственное спасение, это принять внутрь организма что – либо прохладительное, не важно будет ли это лимонад, минералка или пиво, а может быть порция мороженого.

Мы идём вперёд, двигаясь через административный центр города к его историческому центру.

По пути стоят киоски, торгующие газетами и журналами, сувенирами, театральными билетами, но нет ни одного, торгующего чем – ни будь прохладительным. Мы по пути заходим в продуктовые магазины, но там картина ровно такая же.

Дойдя до Каменного моста, мы приостановились. Кроме удачных фотоснимков мы здесь получили порцию прохлады от протекающей под ним реки Ушайки.

- Ну что, идём дальше или вернёмся?

- Давайте всё же поднимемся на Воскресенскую гору. Там исторический центр, много красивых деревянных зданий, там дом, в котором проживал Радищев, когда путешествовал по Сибири, там красивый, правда не отремонтированный храм, там Белое озеро. Около него отдохнём и вернёмся домой.

- Уговорил, Микола! Пошли.

Поднялись по самой старой улице города имени Бакунина. Идти было очень неудобно, поскольку она вымощена ещё булыжником. И хоть подъём не очень длинный, но ведь солнце всё так же припекает. Дома, хотя и деревянные, раскалены солнцем не меньше, а уж о булыжной мостовой и разговору быть не может! Кроме того, наши головы также точно раскалены, спины нещадно обжигаются, а по лицу бегут струйки пота, беря своё начало под короткими причёсками, пополняясь на лбу и полноводными реками стекая под рубашки.

Преодолев не длинный, но крутой подъём мы оказались в самом центре истории Томска, но жара, усталость, не очень приличный вид в промокших от пота рубашках и страшная жажда не дали нам возможности насладиться видами. Сразу пошли искать хоть что – ни будь попить. Торговых точек с прохладительным товаром здесь было ровно столько же, как и в центре города. Пошли сразу в гастроном.

И тут мы увидели в продаже хоть что – то, что способно утолить жажду. Правда это оказалось ни пиво, ни лимонад, ни сок, ни минералка и даже не мороженое. Это было сухое шипучее вино, изготовленное в колхозе имени Калинина Алма - Атинской области.

Штука, надо сказать, ненадёжная. Иногда можно было купить неплохое на вкус и в меру играющее, а иной раз попадалось какое – то прокисшее на вкус, больше напоминающее уксус, причем

настолько газированное, что трудно удержать в руках пробку открываемой бутылки.

- Ну что, возьмём?

- Возьмём!

- Сколько?

- Думаю две. Одной мало, чтобы всем попить, а больше: всё – таки вино. На жаре потом голова болеть ещё станет.

Взяли две, как и договорились. Вышли из магазина... и что дальше. Здесь люди отдыхают. Рассесться на лавочке среди отдыхающих – не красиво, а ещё в добавок стаканов нет, а пить из горла бутылки, это вообще будет смотреться безобразно. Ещё милиция заберёт чего доброго!

- А поехали домой! Всё равно уже с бутылками никуда не пойдём. А там выпьем вино, не хватит, чаю заварим.

Сели на ближайшей остановке на троллейбус и покатали в обратную сторону, к дому.

Я даже не знаю. Ездил ли кто – ни будь из вас на таком троллейбусе.

Когда он подошел к остановке, то сразу вызвал подозрение, а довезёт ли он нас до места? Он весь дрожал, дребезжал, тархтел, но двери со скрипом открылись. Мы, решив, что ему, даже если он поломается по пути, всё равно ехать в парк именно в ту же сторону, что и нам. Правда ему если в парк, то на пол пути надо сворачивать. Так те же пол пути мы прокатимся. Мы сели и поехали.

Внутри салона троллейбуса шум стоял такой, что мы между собой даже переговариваться не могли, не было слышно голосов, но это пол беды. Значительно большая неприятность заключалась в том, что он ехал как на квадратных колёсах: его постоянно раскачивало

из стороны в сторону. Его трясло как телеги с железными колесами на горном проселке и так же гроыхало как железные колеса телег, а не современный транспорт на главной улице областного центра. В довершении двигатель троллейбуса работал неравномерно и периодически дергал на ходу. Всю поездку, до необходимой нам остановки, машина выдержала, выдержали и мы сорок минут такого путешествия.

Выйдя на остановке «Улица Учебная», мы по этой же улице быстро дошли до своего места жительства, скоренько поднялись в комнату и в предвкушении близкого удовольствия расставили стаканы и не стали даже переодеваться, ну до такой степени хотелось пить!

Народ расселся вокруг стола, каждый со своим стаканом и замерли в ожидании. Я взял одну бутылку, повернул слегка проволочку, удерживающую пробку в бутылке и тут же растерялся. Проволочка оторвалась, а из бутылки поползла вверх пробка. Я схватился за неё, пытаюсь удержать на месте чтобы, легко выпуская лишние газы открыть бутылку для розлива.

Но не тут – то было. Пробка лезла наружу неудержимо. Поняв, что одной рукой я не удержу её на месте я приложил ладонь другой руки сверху и всем своим весом надавил на пробку вниз.

Как бы ни так! Пробка продолжала лезть наружу, а ничего не понимающая публика мирно сидела вокруг и ждала окончательного результата...

И дождалась!

Меня пробкой приподняло над бутылкой и оттуда веером, равномерно во все стороны полетело так ожидаемое содержимое.

Эффект был на столько неожиданным и потрясающим, что ни один не шелохнулся со своего места пока фейерверк из шипучего вина не завершился.

Все сидели за столом облитые вином и, проклиная меня, утирали свои физиономии об рубашки.

Я же получил себе полные брюки вина, а в бутылке осталось напитка на дне. Не больше толщины моего пальца!

Первым встрепенулся Микола.

- Серёга! Ты что, не умеешь открывать шампанское что ли? Надо вначале выпустить лишние газы. А потом открывать. Тогда брызг не будет!

- Что ты меня учишь. Я – то чем занимался. Я и хотел вначале газы выпустить, но удержать пробку, просто не сумел. Она меня на себе приподняла!

Возмущенную Колькину речь все восприняли одобрительно. При этом надежды попить шипучего вина никто не потерял и остались сидеть мокрыми на прежних местах.

- Вот как это делается, продолжил свои нравоучения Микола под одобрительное молчание остальных. Он взял вилку, отогнул все его шильца, оставив одно и взялся за бутылку.

Все внимательно смотрели за его действиями.

Приставив вилку к центру пробки он всем весом навалился на вилку, та скользнула в поддающейся пластик, утопилась в нем, пробив дырку и вылетела из рук Миколы далеко под кровать. А из получившегося отверстия понеслась тугая струя, находящегося внутри бутылки вина. У самого выхода струя немного разбивалась и окатывала всех сидящих винной пылью как из пульверизатора, а большая часть струи устремлялась вверх, долетая до потолка и уже об него разбиваясь на мелкие брызги, поливала нас сверху винным дождём. Все сидели ошалелые, неподвижно впитывая в себя осадки. Автор же идеи выпускания газов продолжал стоять и ему прилетало и рассеянной жидкости и с потолка и то, что уклонялось от основного курса вверх, направлялось прямо на него!

После завершения салюта из второй бутылки в ней осталось содержимого ровно столько же, как и в первой.

Ни чего себе, попили шипучки!

Мы убрали все разливы по комнате, поставили кипятиться чайник, а сами, прихватив чистую одежду, пошли в душ.

- Не получилось из меня миллионера, переквалифицируюсь в управдомы, сказал Остап Бендер.

А нам – то что в таком случае остаётся делать?! Только чай пить!

Дорога дальняя, казенный дом.

В тот Новый год, когда я и Юхин Виталик постарались приобрести прекрасную пихту для украшения комнаты к Новому году, с нами в нашей комнате погуляло много народу. Там только не было меня по той причине, что с утра мне обязательно необходимо было попасть на место моего дежурства и я всю ночь прятался от сердобольных друзей.

Не было там и Юрия Кирьянова, но по другой причине.

Перед самым Новым годом у нас заканчивалась зачетная неделя и первый экзамен приходился на 31 декабря.

Подготовка к его сдаче усложнялась, обычно тем, что если сдать зачёты своевременно не удавалось, то готовиться приходилось уже и к экзамену и необходимо было «кровь из носу» дополучить недостающие зачёты.

Времени расслабиться хоть на минуту здесь совсем не было, дай Бог улечься. Поэтому любой форс-мажор никому был не нужен, а они периодически случались.

Случился он и с Юрой.

Прямо в разгар зачётной недели у него разболелся зуб. Сходить в межвузовскую поликлинику с таким недугом – это попросту пустая трата времени: надо чётр – те, во сколько вставать и идти занимать очередь, в ней простоять несколько часов и не факт, что получишь талон на лечение. А в это время будут принимать у всей группы зачет, и ты останешься без такового. А потом ещё договариваться с преподавателем о сдаче зачёта, а где гарантия, что преподаватель поверит, что ты болел, а не отлынивал и не захочет тебя наказать!?

Да и лечить – то, честно говоря, страшно! Так, что лучше потерпеть, авось пройдёт само!

Вот Юра и терпел... Терпел день, другой, третий... Не проходит!

Щека распухла, а он терпит!

Спать не может, а терпит!

Кушать не может, а терпит!

Таким вот в конец измученным он вышел на сдачу экзаменов и с утра успешно сдал первый из них. Но даже это не радует его. Сейчас, после экзамена идти в поликлинику вообще бесполезно, а впереди выходной день, а что за него может случиться, как его пережить?..

Возникла у него мысль выдрать себе зуб самостоятельно пассатижами, но при всех он не рискнул этим заниматься. Думает:

- Сейчас все уйдут праздновать, если не успокоится – обязательно выдерну!

Чтобы не мешать болезному все жильцы комнаты перебрались к нам отмечать праздник, Юра остался один.

Лежит он на кровати и пытается найти себе такую позу, когда меньше боль ощущаешь, крутится «как вошь на гребешке», позу найти не может.

Вот общага загудела весёлым гомоном, а Юрию не до веселья, хоть в петлю лезь!

Помучившись так под всеобщее веселье ещё часика два, Кирьянову пришла в голову мысль:

- А что, если сделать примочку на зуб?

Он взял со стола оставленную ему друзьями на всякий случай бутылку водки, откупорил её и найдя в тумбочке кусочек ватки смочил его водкой.

Полученную примочку он положил на больной зуб, прикусил её и прилёг на кровать.

Чувствует, что какой – то эффект получается, боль, вроде, стала по – меньше. Выдержав какое – то время, он поднялся и вновь намочил ватку в водке. Приложив к больному зубу Юра прилёг и почувствовал на самом деле облегчение, которого не испытывал уже больше недели. Ну, думает, сейчас и заснуть смогу! А вдруг во сне зуб вновь разболится, а я даже отдохнуть не успею. Надо эффект закрепить!

Юра поднялся, намочил ватку водкой, приложил к больному зубу, лёг и заснул.

Спал он долго, пока не выспался, проснулся отдохнувшим, бодрым и голодным. Открывает глаза и... совершенно не узнаёт помещения: комната большая, не знакомая.

- Я что же в рабочке, что ли уснул? Нет! Я ложился в своей комнате, прямо одетым... А сейчас, почему – то раздет. Да и комната не похожа на рабочку: поболее будет и тёмная какая – то, одно маленькое окно и то с решёткой.

- Ого! А что это за комната с решеткой, я и не видел в общаге такую никогда, он повернул голову в сторону и увидел рядом с собой несколько кроватей, на которых спали люди.

- Ни чего себе спаленка! Человек десять спит, он повернул голову в другую сторону, а там ещё столько же.

От неожиданности он присел:

- Вот это да! Где это я? Ложился спать в собственной комнате, а проснулся даже не пойму где!

С соседней кровати послышался хриплый незнакомый голос, принадлежащий какому - то небритому мужику.

- Что, пацан, место не узнаешь? Первый раз видать здесь?

- Не узнаю! А что это за место?

- Это вытрезвитель на Татарской. Я здесь уже третий раз за эту неделю!

Юра увидел в сумерках, что по проходу между кроватями в конце комнаты находится дверь. Поднявшись, одевшись он пошел на выход.

Открывает дверь и выходит, а там за стойкой сидит лейтенант милиции и что – то читает.

- Здравствуйте, С Новым годом!

- А! Первый проснулся! Проходи, садись. Будем сверять данные.

- Какие данные?

- Не какие, а чьи?

- И чьи данные мы будем сверять?

- Твои, конечно. Нынешние с теми, что говорил вчера.

- Где говорил?

- Здесь ты говорил, а мы записывали.

- А «здесь» это где?

- Ты что, совсем не помнишь ничего? В вытрезвителе на Татарской!

- А что я должен такого помнить? Я что –то натворил?

- Натворил, натворил. Спал в аллее на Кирова!

- Как это в аллее? Я в кровать ложился, я помню! У меня зуб болел, я его лечил примочками водочными. Стало по легче, я заснул.

- Вот, вот! Водочными! Небось бутылку, то вылакал?

Нет! Правда! Я не пил, ...кажется. Нет, правда, не пил. У меня даже голова не болит, не тошнит, руки не дрожат. Что там ещё с похмелья бывает. На самом деле, товарищ лейтенант, я не пил, давайте я Вам дыхну, и Вы проверите.

- У тебя, парень, и вправду вид – то не пившего вчера, не то, что у остальных в комнате. Ну так и быть, дыхни!

Никакого подозрительного запаха от Кирьянова милиционер не почувствовал. Хорошо. Теперь проверим твои данные: фамилия, имя, отчество, место учебы, место проживания.

Всё, что Юра сказал, всё совпало со вчерашними его показаниями.

- Слушай, парень! Ты и впрямь к нам трезвым попал! Не буду я тебе портить жизнь и в честь праздника отпущу тебя домой. В деканат сообщить не буду. Только быстро уматывай. А то скоро сменщик придёт и там уже тебя не спрячешь.

Кирьянова долго уговаривать не пришлось. Тем более, что он был уже полностью одет. Забрав свой студбилет Юра вышел на улицу.

- Что за чёрт? Где это я?

Пейзаж вокруг ни коем образом не походил на городской: кругом стояли небольшие одноэтажные деревянные дома серого,

от времени, цвета за такими же точно серыми деревянными, выско - ченными заборами. Мимо проходила автомобильная дорога, зава - ленная снегом и в этом снегу была трактором прорезана полоса, по которой могла проехать только одна машина. В какую сторону идти, не понятно!

Юра вернулся назад и спросил:

- А в какую сторону идти, город – то где?

- Сейчас покажу, сказал лейтенант вышел из – за стола, приобрел своего ночного гости и вместе с ним вышел на улицу. Развернув за воротник пальто Юру в нужную сторону он от души пнул его под зад своим сорок пятым размером кирзового сапога.

- Туда иди!

Идти Кирьянов уже не стал, а получив направляющий в нужном направлении, побежал. Пробежав с полкилометра, он увидел, что дорога впереди как бы раздваивается и огибает стоящее здание справа и слева. При этом та, что уходила влево, заворачивала дальше и поднималась немного вверх. А здание, которое дорога охватывала в объятия, не что иное, как известный всему городу знаменитый магазин «Колокольчик».

- А! Ну тут уже всё понятно!

Поднявшись вверх по дороге, он оказался на площади Революции, а оттуда ещё через тридцать минут он был в собственной комнате.

Общага ещё спала, по комнатам никто не бродил, и его соседи по комнате тоже ещё не вернулись.

Юра прошел в комнату, разделся и ему в глаза бросилась стоящая на столе полная бутылка водки и рядом с ней шматок ваты, оставшиеся от вечернего лечения.

- Да! Зуб, схватился он по устоявшейся привычке за правую щеку...

А зуб – то совершенно не болел и флюс размером с крупное яблоко и такой болезненный, что к нему невозможно было притронуться, полностью спал и ни проявлял ни каких болезненных признаков!

- Чудеса! Следующий раз зуб заболит, пойду лечить его в вырезатель.

Самый страшный Виноградов.

Как – то, вернувшись с каникул Борис привез с собой довольно интимную вещь женского гардероба – капроновые чулки. Не давая нам сильно поржать над ним, он сразу кинулся в объяснения:

- Мужики! Не ржите! Я привёз с собой чулки вместо сеточки для волос. Надоело, что волосы торчат в разные стороны. Прочитал, что их можно приучить лежать в одном положении, но надо на ночь одевать сетку для волос на голову, а у нас в продаже сеточек не оказалось. Вот я и придумал пользоваться чулками.

Волосы у него в самом деле были жесткими как проволока, хотя цветом были светло – русые, даже, скорее пшеничного цвета. Он их постоянно старательно причесывал, приглаживал, но лежать они могли только обильно смазанные брильянтином, когда они слипались и приклеивались к голове. Но таким жить – то не будешь, а после мытья они вновь упрямо торчали в все стороны. Несколько ему помогало если он мокрые волосы уложит как надо и не притрагиваясь к ним, позволит им высохнуть. Но все эти ухищрения помогали до первой носки шапки. Когда шапка снималась голова приобретала первозданный лохматый вид.

Борис завел для себя такой ритуал перед сном.

Он тщательно смазывал волосы, приклеивая их к голове, натягивал на голову чулок и ложился спать, а утром поднимался и шел мыть голову каждое утро.

Мучений это доставляло ему больше, чем давало результата.

Как – то вечером, когда он в очередной раз приготовился ко сну, выполнив свой ритуал нанесения крема на голову, он стал натягивать чулок. Но толи чулок растянулся, толи из – за смазки стал сильно скользким, но в результате чулок проскочив прическу наехал на физиономию.

Сейчас, конечно, людей, насмотревшихся всевозможных фильмов об ограблении банков с применением чулок в качестве масок, уже не удивишь той физиономией, которая в итоге получается, а мы до этого случая подобного не видели.

Рожа, надо сказать, получилась совершенно отвратная: брови съехали на глаза почти полностью их закрыв, нос размазался по лицу и свис на верхнюю губу, губы вместо немного выпирающей части лица стали совершенно гладкими, плоскими и гадкими, подбородок тоже съехав вниз практически лишил лицо этой его части. Ушей у него тоже не стало. Вместо них были какие –то корявые бугорки с отверстиями внутрь черепа. В дополнение к неприятной картине жесткие усы, торчащие как у кота горизонтально полу и не прилегающие к верхней губе, вылезли через чулок наружу, украшая чулок полоской ярко - жёлтой щетины.

- Фу! Как мерзко! Сказали мы чуть не в один голос. Сними это немедленно и больше не надевай! Но не тот человек был Борис, чтобы на этом прекратить веселуху. На его взгляд она только началась.

Разглядывая и ощупывая торчащую наружу щетину, его заинтересовало, а как будет выглядеть эта мерзкая морда, если проделать в чулке дыру. И он тут же в районе щеки проделал дырку в чулке.

Естественно, за его этим занятием мы внимательно наблюдали...

Эффект оказался поразительным. Из этого отверстия моментально «вывалился» круглый и длинный «кусочек мяса» в виде огромной бородавки бледно голубого цвета.

Оказывается, физиономия Бориса в чулке находилась в сильно сжатом состоянии и только и ждала места, куда можно было бы расширяться. Была бы её свободная воля, она бы вся выбралась наружу через это небольшое отверстие.

Вид у нашего друга приобрёл неопишимо мерзкое состояние и мы, чтобы этого больше не видеть быстренько ретировались из комнаты. Причем, когда мы проскакивали мимо Виноградова, то даже не хотели притрагиваться к нему. Он вызывал полнейшее отвращение, хуже, чем взять в руки крысу.

Мы все вышли в коридор и закурили, обсуждая маску на нашем друге. К нашей компании присоединились друзья из соседних комнат, тоже вышедшие покурить. Они с интересом слушали наши высказывания не совсем понимая, о чем идёт речь.

А в это время, оставшийся один в комнате Борис, доводил свой костюм до совершенства. Он одел на себя водолазку, чтобы полностью прикрыть воротником раструб чулка. Добыл из октанчика летнюю шляпу, которая за ненадобностью из – за наступивших холодов была завалена другими вещами. Пристроил её на голове так, чтобы под ней можно было спрятать хвост всего чулка и прорезал тесное отверстие для губ. По той же точно схеме, что и «родинка» на щеке, губы тут же вылезли наружу, сильно сдавливаемые чулком, а потому торчали тоже мясистыми и синюшного цвета.

Закончив с костюмом, совершенно довольный своей внешностью, Борька взял сигарету и тоже вышел покурить.

То, что произошло вообразить было невозможно. Даже мы, зная кто это и что это точно он, что – то ещё придумывает у зеркала, отпрянули от него на не досягаемое расстояние!

Что же говорить о соседях, которые это впервые увидели. Они все в пол секунды попрятались в своих комнатах и только оттуда выглядывали с интересом и страхом в узенькие щёлки дверей. А уж догадаться, что этот ужас не кто иной, как Борис Виноградов им и в

голову прийти не могло!

Несколько минут спустя, видя, что мы хоть и отпрянули, но не убегаем, соседи понемногу стали выходить в коридор...

Стоя на приличном расстоянии, они задали вопрос толи нам, толи тому мерзкому типу, нагло стоящему в коридоре:

- А кто это?

- Это же Борька Виноградов.

- Борька!? Да ну, быть того не может! А что это с ним?

- Чулок на рожу натянул, придурок! Сразу лишив всех иллюзий, ответил Батя. Пока он не сдерёт с рожки чулок я его в комнату не пущу!

- Погоди, погоди, Батя! Дай по прикалываюсь!

Большая толпа обступила Бориса, но, как и мы близко подойти, а уж тем более притронуться до него рукой, никто не решался. Шум и гвалт поднялся, конечно, приличный.

В это время открывается дверь рабочей комнаты и из неё выходит Финовский Саша. Он учится курсом младше, и заперся в рабочке, по - видимому, выполняя какую - то работу, а шум поднявшейся в коридоре, ему сильно мешал.

Он вышел и решительно направился к нам поговорить по душам. Когда он подошел вплотную к нашей толпе, то ближние перед ним расступились, давая возможность пройти (ну мало ли куда чело - веку надо) и парень оказался лицом к лицу с мерзким обликом Виноградова. Не меняя темпа ходьбы, молча Саша резко развернулся на сто восемьдесят градусов, сделал в противоположном направлении шага три, четыре, а потом как рванёт бегом отсюда, забыв о рабочей комнате.

Под наш дружный смех мы слышали его громкие бегущие шаги вначале по лестнице, а потом по коридору другого этажа в конец коридора, где располагался мужской туалет.

- Борька, давай, разоблачайся! А то ты пол общаги до греха доведёшь, или кто ни будь тебе врежет чем - то тяжелым по башке сзади и будет прав.

- Да не кто то, а я сам и врежу, вставил своё веское слово Батя. Хорош балдеть, спать пора!

Глава 10

От ванилина до казеина.

Жениться молодым дело не хитрое, особенно, если к этому вопросу подходить не серьёзно.

Но у нас в группе подобрались ребята, относящиеся к жизни, а тем более созданию семьи, очень серьёзно.

Задолго до свадьбы искали подходящее жильё, которое можно было снять на время до окончания учёбы.

Там, в семейном гнезде, которое чаще всего находили в частном секторе города, Степановке, решались и первые вопросы продления рода.

Первым из нас к этому вопросу приступил наш староста, Александр Ануфриев. Ну а от кого же ещё можно было ожидать? Лидер он во всех вопросах должен оставаться лидером!

Жил он со своей женой, как и большинство семейных пар, не в общежитии, а снимал жильё, поэтому их продвижение по вопросу продолжения рода для нас было сокрыто тайной.

Просто однажды он пришёл утром на занятия и всех нас шокировал своим объявлением:

У меня родился ребёнок!

В нашей группе это был первенец, да и во всём потоке он был одним из первых.

По этой причине Александр весь день принимал поздравления от всех, включая преподавателей, а параллельно у всех в головах зрел сумасбродный план по празднованию этого знаменательного события.

После третьей пары уже всё было решено и обдумано, получено согласие виновника торжества и начат сбор средств на проведение праздника.

Вернувшись в родную общагу, мы зашли в столовую и там с заведующей договорились, что сразу после обеда они закрывают

столовую для посещений, и мы там организуем, как мы ей сказали «крестины».

Столы сдвинули, установили музыку, в столовой закупили еду на всех и притащили вино и водку.

Собрались в полном составе две группы: наша и металловедов, из которой была молодая мама.

Праздник удался на славу!

Только не понятно одно: откуда о нашем празднике узнал декан факультета Водопьянов Анатолий Васильевич?

Человек он был строгий, но справедливый. А самое главное, как и большинство наших преподавателей, очень любил студентов.

Не прийти он не мог!

Нужно же было проверить информацию о коллективном празднике, да и не дать этому празднику перейти в пьянку.

Дав нам достаточно времени повеселиться, ближе к вечеру он пришел в общагу, а там, прямо на первом этаже происходит всё действие, правда, за закрытыми дверями, посторонних не было.

Водопьянов постучал в дверь столовой и первым его стук сквозь грохот музыки услышал Хохряков Борис.

Он открыл дверь, вышел на стук..., а там декан!

Борис потрянул головой, как бы пытаясь сбросить с себя это наваждение, и скрылся обратно внутри. Но он был с таким ошарашенным видом, что ничего не мог сказать.

Таким его увидел хорошо подпитый Калдыров.

- Что такое, Борька, кто стучится?

Хохряков сумел только пальцем показать на дверь. Ничего не поняв, Калдыров распахивает дверь и выходит наружу, где нос к носу сталкивается с каким – то взрослым мужчиной.

Тот посмотрел внимательно на Николая и сказал:

- Молодой человек! Да разве можно столько пить! Пожалейте своё здоровье!

Микола, так толком и не врубившись в происходящее похлопал «мужика» по плечу и ответил:

- Ничего, мужик, я - то ещё держусь. а ты других не видел и отправился в ближайший туалет, иногда поправляя свою траекторию движения с помощью стены.

Это переполнило чашу терпения декана, и он вошел внутрь столовой, где шло мероприятие.

- Что здесь происходит?

- А у нас крестины!

Понимая, что с выпившими сложно общаться Анатолий Васильевич вначале всех потихоньку угомонил, а потом настойчиво посоветовал заканчивать пьянку.

Вернувшийся из туалета Микола застал всех за наведением прядка.

- А почему уже всё закончили и так рано?

- Декан пришёл и всех разогнал!

- Декан? А откуда он взялся?

- Да уж взялся откуда – то, из деканата, и, говорят, с тобой даже побеседовал.

- Я с деканом беседовал?! Не может быть!

- А, меж тем, народ говорит, что ты его даже по плечу похлопал.

Реакция Николая была неожиданная.

Он моментально выскочил из столовой и устремился бегом из общежития по Вершинина в сторону центра города. Я кинулся его

догонять, но Колька так быстро перебирал в беге своими длинными ногами, что я за ним не успевал.

Догнал я его только у здания агентства аэрофлота. Там всегда стояло много телефонных будок и все телефоны были работающими.

- Ты что делаешь, кому звонишь?

- В вытрезвитель звоню, хочу, чтобы они меня к себе забрали.

- Ты что, чокнулся, нашел куда звонить?! Но я тут же успокоился. Номера телефона вытрезвителя Микола точно не знал.

Но я рано успокоился, поскольку, закрывшись в будке, он куда – то дозвонился и что – то пытался рассказать.

Я прислушался.

- Заберите меня отсюда, я плохой, я пьяный, сквозь слёзы бормотал кому – то Николай и придерживал дверь телефонной будки.

С большим усилием дернув дверь за ручку, я сумел – таки вырвать ручку двери из рук Микола и в самый подходящий момент, потому что он пытался объяснить, где он находится.

И сомневаться не приходилось, что через минуту – другую за ним, ну и, конечно, за мной, придет патрульная машина.

Колька выскочил из телефонной будки, но не успокоился и домой не пошел, а вновь кинулся бежать от меня.

Теперь его путь лежал по проспекту Кирова в сторону проспекта Ленина. Это вообще не предвещало ничего хорошего, но догнать беглеца мне так и не удавалось. Правда я видел постоянно впереди себя его высокую фигуру.

Бежал он довольно долго к центру города, но потом, видать, до него дошло, что там лучше не показываться в таком виде. А может

быть, что – то другое его подвигло свернуть налево, в университетскую рощу.

Народу здесь было не меньше, чем на центральной улице, просто народ этот был всё – таки свой – студенты и это облегчало жизнь.

Завернув в университетскую рощу, Микола свой бег остановил, и я его быстро настиг. Взяв его крепко под руку, чтобы его меньше телепало по дорожке я стал его успокаивать, но оказалось, что нагрянула очередная беда.

От приличного количества выпитого и продолжительного бега на моего товарища напала совершенно дикая икота, которую невозможно было остановить.

Хорошо было бы его попить холодной водичкой или на крайней случай хотя бы остудить от длительного бега.

По озиравшись по сторонам, я не увидел ни одного сатуратора или торговой точки, где можно было бы разжиться водичкой.

Усадив друга на скамейку под густым кустом цветущей сирени, я пошел искать воду. Но её нигде не было. Только в стоящем на аллее фонтане, ещё не запущенным в работу после зимы, на самом дне стояла довольно глубокая лужа искомой жидкости ещё видать от растаявшего снега.

Чтобы до неё добраться я перелез через парапет внутрь чаши фонтана.

Со стороны аллеи этот парапет доходил мне примерно до колен, а вот чаша внутри оказалась совсем другой. Когда я зачерпнул ладонями воду и хотел вылезти наружу, то оказалось, что тот же перепет изнутри доходит мне до груди и вылезти наружу без помощи рук я никак не смогу. Постояв в оцепенении и подумав немного, как же мне всё – таки помочь Кольке, я нашел только одно решение!

Вылив из ладоней воду, я снял с ноги туфлю и уже ею зачерпнул воду. Подошел к краю фонтана и выбрался наружу. В одной туфле и в одном носке я пошел к лавке, где оставил Калдырова. К этому времени у него икота ещё не прошла, но он успел заснуть. Я стал его поливать водой из туфли на голову, на шею... Ну и так далее, куда там ещё она затекала.

- Ой! Как хорошо, застонал Микола, и стал пытаться пить воду.

- Не пей воду, нельзя, она грязная!

- Я пить хочу! Дай ещё воды.

Пришлось лезть в фонтан вновь и второй раз тащить туфлей воду.

Полив его достаточно обильно, я стал поднимать Кольку со скамейки.

На ноги он поднялся, но себя держать не мог, он, переломившись пополам висел у меня на плече. Дойти до общаги с такой ношей я бы не смог.

Оставался один выход: идти за подмогой!

Но это необходимо сделать как можно быстрее, и я побежал, пытаюсь сократить путь.

Я побежал напрямик. Но в семидесятые годы Томск был ещё настолько провинциальным, патриархальным городком, что частные дома с огородами и сплошные заборы встречались часто и густо даже в центральной его части. Срезая путь, я несколько раз упирался в такие препятствия, а, чтобы обойти их, нужно было искать пути обхода.

Набегавшись и страшно устав, я всё – таки вышел к общежитиям студгородка и сразу услышал знакомые не трезвые голоса, поющие под гитару. Толпа наших парней прогуливалась по Вершинина. А с ними в одной компании ещё не меньше просто примкнувших послушать песни под гитару.

- Мужики! Помогите! Нужно Миколу притащить домой!

- А откуда притащить?

- Да он отрубился в университетской роще и заснул прямо на лавке. Я попытался его дотащить, но сил просто не хватило.

- Да пошли! Сейчас мы его приведем!

И вся эта гуляющая орава наших парней и примкнувших к ним других незнакомых ребят направилась с пением под гитару прямым ходом в университетскую рощу.

- Слушай, Серёга! А ты весь, где - то испачкался. Шел бы ты в общагу, мы сами Миколу приведем.

- Да вы без меня его не найдёте. Я его там припрятал. И пошёл со всеми.

Дошли мы вполне благополучно. Микола лежал на той же лавке, где я его и оставил. Живой и здоровый.

Весело подхватив Николая под мышки с двух сторон Батя и Юхин подняли его на ноги, а тот, пока не понял, что с ним происходит, всё пытался подогнуть под себя ноги и продолжать спать.

Но вскоре он проснулся и очень обрадовался, что веселье ещё не закончилось и можно со всеми погорланить песни.

Пока добрались до общаги все устали и захотели чаю.

Собрались по старой, давно укоренившейся привычке у нас в комнате.

Вскипятили и заварили чай, а вот сахару не оказалось. Идти к девчонкам занимать сахар было уже слишком поздно.

Тут Юра Кирьянов вспомнил:

- Мужики! А у меня в комнате ванилин имеется. Будем чай с ванилином?

- Неси, давай! Ещё спрашивает.

Сели вокруг стола, пьём чай с ванилином и только нахваливаем: не сладко, но зато как будто с тортом, такой аромат!

Напившись чаю, в конце концов, все успокоились и разошлись по своим комнатам спать.

Утром, подскочив с кроватей в обычное время, мы быстренько собрались и побежали на занятия. Завтракать после вчерашнего не хотелось. Не захотелось чего – ни будь покушать и после первой пары и только после второй в буфете перехватили по булочке с чаем.

Ничего! Сразу после третьей пары сходим в столовую ТЭМЗа, там, в рабочей столовой дёшево и сытно кормили.

Третья пара закончилась, но вместо столовой нас у двери встретила секретарь деканата и всю группу пригласила в деканат.

Там нас дожидался декан со своим «обеденным блюдом».

Он при всей своей доброте и любви к студентам, устроил нам такой разнос!!!

- Да вы что, совсем страх потеряли!?

- Устроить пьянку в общежитской столовой! Да и это же как надо было напиться, чтобы собственного декана не узнать?!

- «Ни чего, мужик, я ещё держусь!»... Такой наглости я ещё не видел!

- Имейте в виду! Последнее для всех предупреждение! Выгоню из института всю группу к чёртовой матери. Будете пьянствовать в армии.

Затем, немного выпустив пар, спросил:

- А что отмечали?

- Крестины.

- Крестины?!!! Того не легче! Да вы что, с ума по сходили? Я на вас комитет комсомола натравлю!

- Ой! Нет! Не крестины. Это мы так для себя назвали. Просто у нашего парня ребёнок родился.

- Нет, я согласен. Поздравить, конечно, надо было! Ну, сели бы, староста, комсомольский секретарь, председатель профсоюзной группы и решили, как отметить, чем поздравить.

- Анатолий Васильевич! Всё так и было. Сели, подумали... И комсомол там был и профсоюз. Вот только ребёнок родился у нашего старосты!

- Вот и порешили. Всё – таки первый в группе, да ещё у старосты.

- Ну что с вами поделаешь? Живите! Да! Александр, я тоже от себя и от деканата поздравляю тебя с таким знаменательным днём!

- Думаю, что это должно положительно отразиться на твоей личной учёбе и учёбе всей твоей группы. Обещаете?

- Обещаем.

Обещания надо держать. После этого случая наша группа четыре семестра не имела ни одного завала и дважды признавалась лучшей в институте. Счастливые и довольные мы возвращались домой.

Но, зайдя в комнату, настроение наше несколько испортилось. В комнате стоял бардак после вчерашнего, который разгрести придётся сегодняшнему дежурному, да ещё и полный стол стаканов, после вчерашнего чаепития. Причём стаканы изнутри покрыты какой – то беловатой непрозрачной плёнкой, совершенно не смываемой водой.

Стаканы замочили в тазике, с раствором соды, пытаюсь понять, во что они так испачканы?

- Да не могли мы ни во что так испачкать, мы же просто чаю попили и спать легли.

- Точно! Мы же чай пили с этим, как его Юрка назвал?

... -А! Ванилином!

- Какой Юрка?

- Кирьянов.

- Сейчас у него выясним.

Пошли к Кирьянову в соседнюю комнату.

- Юрка! Ты вчера вечером чай у нас в комнате пил?

- Вроде пил, точно не помню.

- Как же ты не помнишь, когда ты сам предложил попить чаю с ванилином.

- Каким ванилином? У меня его нет.

- Конечно нет. Мы же его вчера весь съели с чаем с твоей подачи.

- А откуда он взялся?

- Так ты же его и принёс!

- А у меня он откуда?

- Ну ты и шар закатил! А мы- то почём знаем. Ты принёс пакет, завернутый в газету. Там у тебя был ванилин.

- Да не было у меня никогда ванилина! Пойдёмте посмотрим, что за пакет.

Вернулись в нашу комнату.

- Ну, вот этот пакет, из которого мы ванилин ели.

- Парни! Да это же не ванилин у меня был, а казеин. Клей казеиновый, знаете такой? Я им ещё модельки клею.

- И что, весь казеин выпили с чаем? А чем же я теперь буду работать? Я же его из дома привёз.

- Нет! Вы слышали? «Модельки» ему не чем клеить! А что друзей клеем накормил, так ему «до фонаря»! А если бы мы загнулись, что тогда? Да и чай ты вместе с нами пил, так что не «вы», а «мы».

- Да ладно! Не загнулись ведь. Просто получается, что перед сном мы закусили и чайком запили. Одно смущает. С утра позывов не было! Подозрительно!

Глава 11

Кузютин.

Его появления совершенно никто не ждал, более того, никто даже не предполагал его существование на Белом Свете и всё - таки он появился.

Он появился в тот момент, когда мы всей комнатой готовились к завтрашнему зачёту и каждый сидел на своей кровати, уткнувшись носом в конспекты лекций. И отрывались от них лишь когда становились просто невыносимыми либо голод, и тогда мы шли в столовую, либо желание курить, и тогда мы выходили в коридор и, выкурив сигарету в три – четыре затяжки, тут же возвращались к лекциям.

Обед у нас прошел совсем недавно, сразу, не заходя в комнату, мы тут же покурили, поэтому повода отрываться совершенно никакого не было. И что там заскрипела дверь, в принципе, никого не интересовало: ну сквозняком её пошевелило, или заглянул кто – то... Главное, чтобы не мешал учиться.

На скрип я чисто автоматически среагировал, глянув мельком в сторону двери.

В открытом дверном проёме стоял высокий широкоплечий парень, при этом его вид был скорее «дохляка», чем культуриста, поскольку фигура выражала не силу, ни мощь, а какую – то нескладность.

Большая голова была покрыта тёмными густыми волосами, растущими как – то не равномерно, а клоками и такими же клоками, лежащими в разные стороны, покрывали череп с высоким лбом. Сразу ниже лба висели на большом носу очки толстой роговой оправы с сильно увеличивающими стёклами. Дужки очков восседали на мясистых, оттопыренных ушах, а уже от очков лицо уходило вниз резким клином и этот клин переходил без всяких там скул сразу в шею. Шея была длинная и мощная как у человека, долго занимающегося тяжёлой атлетикой. Вряд ли он занимался вообще каким – либо спортом, потому что его очень широкие плечи скорее напоминали плечики для одежды. Висевший на них

пиджак вниз, к талии, свисал тоже клином, наподобие скулы и телепался там своими полами, не задевая торса. Брюки были в цвет пиджака, но явно рассчитанные на меньший рост. Они заканчивались выше щиколоток и из-под штанин выглядывали светлые носки. Сами ноги были обуты в плетёнки.

В правой руке вошедший держал большущий и, похоже, тяжёлый портфель.

Бросив у порога портфель, левой рукой он аккуратно прикрыл за собой дверь и обращаясь к Юхину сказал:

- А! Так вот ты теперь где живёшь!

В самом деле. Это был только второй курс, в таком составе мы жили пока первый год, а до этого все жили порознь и где проживал Виталий мы не знали, а вошедший, по – видимому знал.

По крайней мере, как в последствии выяснилось, так решили все. Гость прошел в глубь комнаты, подошел к столу, на котором находились остатки бывшего чаепития: чайник с остатками заварки, невытые стаканы и какие – то крошки с рассыпанным сахаром.

- Ну что, чаю попьём? – спросил он. Взял со стола чайник, сходил на кухню, там наполнил его водой и поставил кипятиться. Затем вернулся в комнату, собрал все стаканы и унес с собой. Немного погодя вернулся с чистыми стаканами, расставил их на столе.

Полез в тумбочку и извлёк из неё стеклянную банку с сахаром и пачку с заваркой. Из другой тумбочки выудил буханку хлеба, затем из своего портфеля извлёк пакет с какими – то пирожками.

- Пирожки не домашние, купил на вокзале в буфете. К этому времени подоспел чайник. Он же принёс его с кухни и заварил.

Мы все подсели к столу.

- Так что, я у вас, стало быть, поселюсь? Зовут меня Вадим, я заочник.

- Селись! Только у нас все плацкартные места заняты. Имеется, правда «вертолёт», это раскладушка значит, но матраса, подушки и прочего ничего нет.

- Ничего! Я так поживу до понедельника, а там у кастелянши получу.

- Ну, раз такой комфорт устраивает, пожалуйста.

Так Вадим, как потом выяснилось Кузютин, поселился в нашей комнате и стал приезжать каждую весну в мае на свою сессию.

У них вначале шла так называемая установочная сессия, когда им в ускоренном темпе начитывали тот материал, который было необходимо усвоить в течении семестра, а уже потом, по результатам сдачи домашних контрольных, допускали до экзаменов.

Он с утра уходил, где – то проводил весь день, к концу дня возвращался, потом у него, вроде бы начались экзамены. Что – то он сдавал, что – то не ходил, сдавать говорил:

- Следующий раз приеду и сдам.

Такая система учёбы, конечно, нас не могла не заинтересовать. На наш вопрос он рассказал, что сам из Новосибирска, живёт в академгородке, там же учился в университете, но что – то ему там не понравилось и он договорился и перевёлся в Томск, в политехнический.

- И на каком ты сейчас курсе?

- Как бы официально, на третьем, но у меня была другая программа обучения. Поэтому у меня есть сданные предметы за четвёртый и даже за пятый курс, но при этом имеются «хвосты» за второй и даже один зачёт за первый. Вот его надо обязательно в эту сессию сдать, а всё остальное может подождать.

- А как ты учишься, что мы тебя ни разу с чертежами не видели?

- А мне никакие чертежи не нужны. Зачем?

- Как так «зачем?» У нас у всех это основная нагрузка и у «дневников», и у «вечерников», и у «заочников». Весь факультет только с тубусами и бегают, а у тебя даже чахлого листочка с чертежами не видно!

- Нет! Ну схемы кое – какие я черчу в корпусе или библиотеке и сдаю, а чертежи мне не нужны. Я же не механик, как вы.

- А кто ты, в таком случае?

- Я физик. Учусь на ФТФ.

- Вот те на! А как к нам попал?

- А я пришел к ним в общагу, а мне говорят, что мест нет. Заочников приехало много, сесть некуда. В деканате заочного факультета сказали:

- Где сам поселишься, в ту общагу они разрешение и выпишут.

Не выгонять же Виталькиного друга в конце концов на улицу только из - за того, что он не механик, да и привыкли мы к нему как – то, к Виталькиному другу...

Так у нас повелось с тех пор. Как только начинается весенняя сессия к нам приезжает Кузютин.

Не всегда с пустыми руками.

Однажды он привез с собой, ни больше ни меньше, четыре пол - литровых флакона со спиртом. Спирт он на работе использует в больших количествах. Вот сумел сэкономить, чтобы порадовать друзей.

Но самое интересное в этой истории то, что спирт он упаковал во флаконы из – под лака для волос «Прелесть», загнал туда спирт под давлением, закатал по заводскому, вставив туда работающий распылитель и в самолёте, как ручную кладь, провёз.

Мы говорим ему:

- Да ты с ума сошёл! Ну поездом, ещё туда – сюда, а самолётом... а ну как взорвался бы баллончик? Ты знаешь, что аэрозольные упаковки воздушным транспортом перевозить запрещено из – за опасности взрыва. Ты что, правил не читал? Я - то это отлично знаю, часто летаю, каждые полгода.

- Нет. А я, вообще, впервые полетел самолётом.

- Ну ладно! Всё хорошо, что хорошо кончается!

- А пить – то его как наливать? Всё закупорено.

- Так, а зачем ему распылитель дан? Через него и будем наливать.

- Ну ведь всё содержимое распылится...

- Ошибаешься! Я в распылителе отверстие рассверлил. Будет не разбрызгивать, а наливать.

- В самом деле «кран» работал безотказно и его «Прелесть» нам очень сгодились, когда был сдан последний экзамен. За три лета мы привязались к Кузютину. Он к нам, по - видимому, тоже потому, что дважды он навещался к нам в гости и зимой, просто так, не на сессию, а как раз наоборот, когда у нас ещё было свободно со временем. Да и что ему не навещаться: сел на самолёт, сорок минут и в Томске. Погостил два выходных дня, а потом обратно на самолёт и дома! Да и затраты на полёт смешные – шесть рублей в одну сторону!

И вот настало наше последнее студенческое лето. У нас впереди уже защита дипломов, а у Кузютина переход на последний курс. Нам сейчас не до гостей, а их, кстати, всё нет и нет.

Дипломы мы завершили, прошла защита, мы разъезжаемся кто куда по стране к избранному месту работы и дальнейшей жизни...

Вадим так и не появился!

Бывает такое, что товарищи тянутся друг за другом пока ря - дом, а когда все уехали, а ты один остаешься, то желание доучи - ваться может пропасть. И человек так же как все заканчивает свою учебу не доучившись.

Вечером, вспомнив о Кузютине, Батя говорит Юхину:

- Виталька! А что –то твой друг этот раз не приехал на сессию.

- Какой это мой друг?

- Как это какой? – Кузютин!

- С чего это ты взял, что это мой друг?

- Не знаю. Я так считал.

- И я тоже так считал!

- И я!

- Я тоже!

- Да с чего это? Я всегда считал, что это ваш чей –то друг, вот и молчал...

- А мы думали, что он твой друг и не хотели тебя обижать. Он же когда к нам впервые пришел он с тобой разговаривал, что, вроде рад, что тебя нашёл...

- Ну нет же! Я его вообще в тот раз впервые увидел!

- Ну Кузютин, ну даёт, сукин сын! Пришёл в незнакомую комнату и стал всем другом! Молодец! Жаль, что его нет, вот поржали бы вместе!

С того момента прошло пять лет.

Я, работая на заводе, был призван на действительную воинскую службу старшим лейтенантом. Чтобы новый офицер быстрее вошел в курс дела, втянулся в воинскую службу, лучше знал свои обязанности и Устав Вооруженных Сил молодых офицеров из числа так

называемых «пиджаков» из всего военного округа направили на две недели на сборы.

Сборы нам устроили на базе военного училища города Новосибирска, а расположено оно территориально в академ - городке.

Мы все там собрались хотя и молодые, хотя и «пиджаки», но офицеры, а посему нас никто на казарменном положении не держал, так что после окончания учебного дня мы могли свободно гулять и заниматься любыми личными делами.

Однажды, гуляя по городу я столкнулся с Кузютиным.

- Вадим, ты? Он так сильно изменился, я вынужден был уточнить личность.

- Да, я! О! Серёга! Здорово! А ты как это в офицерской форме, да ещё здесь?

Передо мной стоял пожилой, седой мужчина с потухшим взглядом. Высокая его фигура и раньше не была статной, а тут вообще, согнулась в спине и теперь голова у него смотрелась висящей отдельно от туловища.

- Я – то призван на службу. Только первые месяцы служу. Вот из Сургута направили на сборы. Обучают. А ты!? Куда ты пропал, почему не приехал на сессию, закончил ты институт?

- Институт я закончил. В этом году, защитился, наконец – то! А не приехал, когда вы заканчивали, да по той же причине, что и доучился вот только...

Призвали меня в тот год в Армию. Обучили на военного водителя и отправили в Ташкентский военный округ. Там посадили на санитарную машину и выдали задание на два года сразу.

Начало его рассказа меня сразу насторожило. В эти годы шли военные действия в Афганистане и наши войска там погрязли в парти –

занской войне с местными душманами. Калечилось и погибало наших пацанов много...

Вадим продолжал:

- Сажусь я на санитарную машину и еду на территорию Афгана. Еду там целый день, иногда два, до назначенного пункта моей командировки. На месте мне в будку грузят наших погибших парней, и я еду обратно. В госпитале меня разгружают, я день отдыхаю и новая поездка... Так два года. Сколько раз попадал под обстрел, под обвалы в горах... и не перечить. Перед «дембелем» у меня всё – таки «крышу снесло». Полежал в госпитале, а тут и службе конец.

На гражданке отдохнул немного, вроде здоровье восстановил. Ещё хорошо, что по «съехавшей крыше» документы дальше военкомата никуда не пошли. Поэтому институт закончил, работаю на прежнем месте, платят неплохо, сильно не перегружаюсь на работе, но деньги имеются. Мог бы машину купить, да права у меня только военные, а, чтобы гражданские сделать, надо в военкомат идти. А я опасаясь, вдруг напишут, что я «дурак», всего лишусь. Да ещё хотел туда всё – таки сходить, чтобы добиться признать меня ветераном Афганистана. А то приписан был к Ташкенту, а эта часть официально не воевала. Как ты думаешь, Серёга, смогу я этого добиться.

- Трудно ответить. Остаётся только надеется. Может быть когда там война закончится.

- А что скоро она закончится?

- Кто её знает. Я ведь тоже туда имею возможность угодить... Но всё равно, когда – ни будь закончится.

- Ну, всего тебе доброго, Вадим!

- И тебе того же!

Больше с Кузютиным нас судьба не сводила.

Глава 12

Месяц в сапогах.

Пожалуй, никому не будет в новинку прочитать устоявшейся штамп: «три года учёбы промелькнули как одно мгновение».

Шаблон, от которого никуда не уйдёшь, тем более, что это правда!

В самом деле они пролетели на столько быстро, что можно было бы так заявить, а ещё, что никто ничего не успел заметить...

Но последнее было бы огромной неправдой.

За эти годы произошло событий больше чем за предыдущие семнадцать. А главное, что за это время ты научился учиться! Да, да! Как это ни парадоксально звучит, но это именно так.

Первый курс - втягивающий.

Надо учиться без пригляда родителей, вовремя успевать, всё сдавать, что задают. Новый режим жизни учёбы вообще. Хотя предметы в большей степени общеобразовательные.

Второй курс.

Примерно половина общеобразовательных предметов заменяется профилирующими, появляется новая и очень серьёзная дисциплина – «Военная подготовка».

Это она называется коротко, а занятий по плану целый день каждую неделю. И предметов там уйма!

А потом в экзаменационную сессию включается экзамен по «Военной подготовке». Экзамен как бы один и оценка тоже одна. А предметов, которых приходится сдавать три – четыре.

Каждый оценивается отдельно, а в зачётку ставится самая минимальная полученная оценка.

Третий курс.

Подразумевается, что знаний у студентов уже достаточно, чтобы начать выполнять большие самостоятельные работы.

В это время появляются первые проекты по «Теории машин и механизмов» и по «Деталям машин».

Работы интересные, впервые ты сам видишь наглядно плоды твоего обучения, и понимаешь, чтобы их получать и дальше по жизни, работать придётся ещё больше.

А предметы уже идут все серьёзные, профилирующие студента на будущую профессию.

Спрос за их знание идет, соответственно, такой же серьёзный. Но сейчас ты уже находишься в статусе старшекурсника. Тебя знают все твои преподаватели и подсказывают, что пора бы уже заняться и научной работой.

И вот, наконец, четвёртый курс.

Наступило самое время гордиться, что ты «настоящий старшекурсник», потому что далее будет совершенно некогда, далее тебя будут величать «дипломник».

По утрам три пары занятий: две лекции и семинар, или два семинара и лекция.

Четвёртая и пятая пары свободны, а вот шестая, седьмая и восьмая пары идут лабораторные работы в станочных мастерских.

Тот, кто ещё не занялся самостоятельной научной работой, всё рано проводит опыты, работая с конкретным аспирантом, а кто с прошлого года сам занялся исследованиями, тот в рамках своей работы тоже экспериментирует.

Оба семестра уже привычная домашняя нагрузка в виде трёх проектов, которые приходится выполнять в имеющееся «окно» в виде двух пар и по ночам.

Завершается учебный год вынесенным из весенней сессии на май Госэкзаменом по иностранному языку, затем сессия обычным порядком из пяти экзаменов, производственная практика в течении

месяца на заводе.

После защиты отчётов по прохождению практики поездка на военные сборы в воинскую часть на месяц.

Эта поездка является преддверием Госэкзамена по «Военной подготовке».

Там, в военных лагерях, мы примем Присягу Родине и в купе со всем багажом знаний уже полученным при обучении на военной кафедре, будем вполне готовы получить звание лейтенанта.

На военные сборы студентов политеха отправляли в разные места: в Казахстанские степи, в Приморский край, Забайкалье, Бурятию, Прибалтику, Молдавию.

В год нашей поездки сборы были запланированы в Даурии и в Бурятии.

Наше учебное студенческое подразделение оказалось в Кяхте, это самый юг Бурятии.

Собрали нас всех на военной кафедре, и начальник учебного цикла объявил, какое подразделение куда едет. Назначил время сбора на вокзале Томск I.

Ехали, получается, все в одну сторону. Поэтому сели утром на электричку и через два часа прибыли на вокзал станции Тайга. Там протолкались часа три дожидаясь своего поезда.

Это был забытый Богом и министром путей сообщения поезд Челябинск – Чита.

В середине восьмидесятых годов состав состоял из вагонов послевоенной постройки: мрачные, отделанные крашенной фанерой с врезанными в стены зеркалами.

Грязные, никогда не мытые, а зачастую просто разбитые стёкла вагонов, между стёкол столько пыли, что можно огород разводить. Фанерные же, облезлые полы на огромных заклёпках,

деревянные лавки – лежанки в виде жёлоба, чтобы с них не свалиться и плоские высоко под потолком третьи полки для багажа.

Поскольку багажа у нас с собой не было вовсе, а мест для всех не хватало, то третьи полки тоже заняли под лежание.

Но, если в купе эти полки не были ничем обременены, то боковые были на треть заняты, проходящими вдоль вагонов труб отопления.

Спать на этих «боковушках» было не реально.

В любой момент, во сне спящий имел возможность свалиться прямо на пол. Поэтому наши парни, кому выпало такое счастье, ехать на этих боковушках, на ночь пристёгивались к трубе поясным ремнём.

Ничем выдающемся наша поездка отмечена не была, за исключением того, что питьевая вода в вагоне закончилась ещё в начале пути, а ехать нам предстояло полтора суток. До столицы Советской Бурятии Улан – Удэ.

Ранним утром, выскочив на станции Улан – Удэ мы узнали, что здесь нас ожидает пересадка на международный поезд либо Москва – Пекин, либо поезд Москва – Улан – Батор и около двенадцати часов ехать к Монгольской границе до станции Наушки. А дальше всё, вылазь, СССР закончился!

Прослушав инструктаж, где и в котором часу нам всем надлежит собраться, мы побежали искать место, где можно утолить жажду.

Совсем недалеко от вокзала располагался парк, куда мы и устремились.

Здесь мы сразу обнаружили пивную, в которой имелось пиво.

Взяв по кружке, мы все сразу этим пивом поперхнулись на первом же глотке.

На вкус оно было жутко горьким, хотя называлось «Бархотным».

Доводилось мне пробовать «Бархотное» пиво, произведенное в городе Копашево Томской области, так оно было на столько сладким, что ему мог позавидовать любой детский напиток типа лимонада. Пиво не понравилось, поскольку жажду оно совершенно не утоляло, а напротив, пить после него хотелось ещё больше.

А здесь... По полости рта растеклась горечь не до конца перебродившего и не выдержанного пива.

Отплевавшись от такого напитка, мы пошли по городу искать лимонад или минералку.

Вот чем Улан – Удэ оказался похож на Томск: ни там, ни там летом найти чего – ни будь попить было невозможно.

Нашли обычную колонку для разбора воды.

Прильнули к ней все! Но вода оказалась под стать пиву: тёплая и со вкусом ржавчины.

Страдая от жажды и голода, потому что еда в столовой по вкусу оказалась близка к пиву и воде из колонки, мы пробродили весь жаркий день по городу. Город оказался совсем маленьким, а самые большие достопримечательности в городе были: старинное здание театра оперы и балета и памятник В.И. Ленину в виде огромной головы на высоком постаменте.

В сумерки мы подошли поближе к вокзалу и обнаружили рядом протекающую главную реку Бурятии Селенгу.

Даже не сговариваясь, мы все вместе подошли к берегу, молча разделись и окунулись в воду.

Это был наиболее приятный момент за весь прошедший день!

Быстро смыв с себя пыль, пот и усталость мы оделись и пришли на вокзал.

Вскоре подошел наш поезд.

Рассевшись по местам, мы тут же уснули и не заметили, как настало утро, а вместе с ним и мы прибыли к месту прохождения сборов.

По – солдатски, на бортовых машинах, нас доставили в часть.

Это оказался мотопехотный полк танковой дивизии.

Сразу же при входе на территорию нас встретила большая каменная стена красиво оформленная, состоящая из двух половин.

На первой крупными красивыми буквами была нанесена надпись, гласящая о том, что в данной части с такого – то по такой – то год служил политруком Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Ничего себе! Мы, стало быть, теперь с Брежневым однополчане!

А вторая половина не менее красочно и доходчиво демонстрировала боевой путь части, проходящей от Закарпатья до Сталинграда и обратно до Венгрии, а другой путь от Даурии по Манчжурии и обратно в Бурятию.

Полк располагался на Советско – Монгольской границе в городке Кяхта.

Сразу после переодевания в военную форму с нами взялся беседовать особист части. Он нам пояснил, что сложность нахождения здесь заключается в том, что в Монголии отсутствует охраняемая граница с Китаем, поэтому фактически мы находимся на границе с Китаем, с которым на тот исторический момент у нашей страны были крайне напряжённые отношения. А по сему: все передвижения вне полкового городка только строем в присутствии офицера, строем и никак иначе! Это обезопасит нас и от возможных конфликтов с местным населением, которое состоит из людей, которые сидели, или сейчас сидят, или будут обязательно сидеть в скорости. Здесь контингент живёт из числа потомков

воинов Колчака, а в Даурии, куда поехала вторая часть наших ребят, вообще ещё проживает любовница Колчака!

Поэтому здесь всегда было не самое приветливое отношение к людям в военной и милицейской форме.

Рассказал он нам и про китайского диверсанта, пересекшего нашу границу без денег, без документов, а задержали его всего через неделю, когда он пытался сесть на теплоход в Сочи.

После беседы особиста мы обратили внимание на то, что граница проходит в виде ограждения из колючей проволоки по вершинам холмов и сопок, причём с уклоном в нашу сторону. А самое высокое место сопки находится на чужой территории. И если туда подойти, то вся картина у подножия сопки видна как на столе. И на этом столе располагалась сама танковая дивизия со своими полками.

Так что всю нашу технику и весь личный состав реально пересчитать по пальцам! Это нас сильно озадачило и придало дополнительно ответственности.

Само же место было таким, что кадровые военные про него говорили: «Здесь июнь – ещё не лето, а июль – уже не лето!»

Что происходило с погодой в июне мы не знаем, потому что прибыли в часть в середине июля. А на счёт июля пришлось согласиться.

Раннее утро, развод личного состава.

Солнце полыхает такое, что устоять в строю сложно.

Прожаривает так, что у некоторых ребят уши, которые солдатская пилотка не закрывает, обгорели до хрящиков, постоянно кровоточили, и им пришлось обращаться за помощью к врачам. И когда стоишь в шесть утра на разводе под таким солнцем, то трудно даже представить, что ночью, всего три часа назад, когда наши ребята стояли в наряде, то не могли согреться даже в шине –

ли, потому что ночью был заморозок до минус пяти градусов. и вся трава покрывалась белым инеем. Так что, когда на неё наступали ногами, то она ломалась как стеклянная!

Все дни, проводимые в части, были не интересными и однообразными: подъём, развод, теоретические занятия, строевая и спортивная подготовка.

Дважды мы покидали часть для проведения стрелковых занятий и на тактические занятия. Это дало лишний раз убедиться насколько неожиданный, непредсказуемый климат в этой местности.

Вывели нас на тактические занятия.

Маршрут пролегал на другую сторону сопки, у подножия которой находилась часть. Рассчитано занятие на весь день. Прихватив с собой сухой паёк и питьевую воду, жарким утром мы отправились вверх на сопку.

Поднявшись к вершине, мы видели с противоположной стороны сопки тучи, чему обрадовались, ведь было очень жарко.

А зря обрадовались...

Несколько спустившись вниз, мы попали в осеннее состояние природы: шел мелкий холодный дождь, температура было не выше десяти градусов. Места, где можно было бы присесть и отдохнуть не было, всё было промокшим насквозь.

Проведя в таких условиях весь день на тактических занятиях, мы отправились в обратный путь уже ближе к ужину.

Перевалив на «свою» сторону сопки, мы вновь оказались в разгаре лета!

Здесь была полнейшая сушь, жаркий сухой воздух по ощущениям аж плавился, трава, поникшая от засухи, громадные сосны и те смотрелись какими – то вялыми. Пока спускались вниз, наша форма успела просохнуть от дождя и промокнуть от пота!

Те, кто весь день находился на территории части и изнемогал от жары, нам не поверили, что мы весь день, в отличие от них, мокли и мёрзли.

Второй раз точно так же мы съездили на стрельбище.

Располагалось оно не далеко. Достаточно было оказаться по другую сторону сопки, только уже иной.

Зато картина была аналогичная.

Проведя весь день на стрельбище, мы промокли и промерзли до такой степени, что зуб на зуб не попадал.

Где уж там поразить мишень, если всего трясёт как в пляске Святого Витта.

Когда подошла моя очередь выполнять упражнение «№1» с пистолетом я с огневого рубежа произвёл три выстрела:

Стрельнул первый раз... Впечатление, что мишень дёрнулась, но пробоины не увидел.

Стрельнул второй раз... Впечатление такое же, но и такой же эффект.

Когда выстрелил третьим выстрелом, то моя мишень упала, оказавшись срезанной по реечке, на которую была установлена мишень.

При ближайшем рассмотрении мы увидели, что двумя первыми выстрелами я с двух сторон слегка задевал реечку, а третий выстрел угодил практически в её серединку и перебил нетолстую палочку, но ни один выстрел в саму мишень не угодил.

Инструктор по стрельбе оценил положительно мою «кучность» стрельбы и проставил зачёт.

На сей раз нас возили на занятия на машинах, на них же возвращали обратно в часть. Мы не успели просохнуть по дороге, но успели простудиться на кузове бортовой машины.

Вернулись промокшие и замёрзшие!

Доказывать больше никому не пришлось, что «за углом» всех ожидает совершенно другая погода!

От напряжённой программы сборов, не привычного режима жизни и, главное, рациона питания, мы все здорово сдали физически. И чему тут удивляться?

Такое происходит с каждым молодым военнослужащим. Но у бойцов, призванных на действительную службу было впереди. Ещё два года службы. А уж за два года организм привыкал к каше с брюквой и к окончанию двух лет мальчишка - призывник становился крепким, возмужавшим, набравшим вес и физическую форму молодым мужчиной.

Нам такого объёма времени никто не предоставлял.

Всего за один календарный месяц мы должны были пройти курс от «молодого бойца» до готовности получения офицерского звания.

Поэтому, присев вечером с нами в курилке, привезший нас начальник цикла военной кафедры, полковник Шкумат нам доверительно поведал:

- На следующей неделе у нас по плану обучения работа в полевых условиях.

- Десять дней будем находиться в палаточном лагере. Там будем работать. Там будем жить, там будем сами готовить еду. Там отъедитесь!

- А какая разница, товарищ полковник, там или здесь? Всё равно из этих же продуктов будем готовить.

- Есть разница! Там никто тырить домой эти продукты не будет. Поэтому ни только на всех хватит, ещё выливать лишнее придётся!
- «Свежо придание, да верится с трудом!», подумали мы, но возражать не стали. Тем более, что ждать оставалось всего два дня.

В понедельник по утверждённому плану после утреннего развода и завтрака нам выдали индивидуальные шинели. Раньше в наряде пользовались только «дежурными» шинелями. Получили личное оружие и строем выдвинулись к месту дислокации машин – в автопарк полка.

Надо пояснить, что полковник с нашей военной кафедры был по статусу наблюдателем. А командовали нами офицеры местные.

Командир роты Мухамадиев, капитан, невысокого роста с громогласным голосом, разговаривал с нами и с остатками своих солдат, кто не выехал на учения, только матами. Эти маты звучали совершенно необычно. Они произносились с сильным национальным акцентом и кроме матов у него на было даже связующих слов. А к тому же он произносил свою речь с бешеной скоростью, **п о д с т а т ь а р м е й с к о м п у л е м е т у !**

Когда он утром приходил в казарму, где ночевали мы в одном кубрике, а его собственные штатные солдаты в другом, то картина ежедневно повторялась как в «Дне сурка».

Мы были уже на ногах, провели утреннюю зарядку и закончили утренний моцион, состоящий из посещения туалета и умывания. Его же бойцы находились в постелях.

Капитан Мухамадиев залетал в казарму, тут же начинался страшный крик, в котором иногда узнавались некоторые знакомые всем маты, а чаще, вообще, просто неразборчивый, нечленораздельный крик. Но как ни странно, всем нам был понятен смысл его истерики: он пришёл пожелать доброго утра своим солдатам.

При этом добром пожелании в солдат, лежащих в своих кроватях, летели сапоги, табуретки, летели смачные пинки сапогом снизу по панцирной сетке, разбрасывалась форма солдат по кубрику. Бойцы вылетали из казармы на улицу в одних трусах, босые, и, убегая от своего командира, сразу совершая и зарядку, и

пробежку, и, убежав и спрятавшись в туалете, справляли там свою утреннюю нужду, по пути перекуривая.

При этом обиженных на капитана не было. Некоторые, кто «пой - мал» на себя летящую табуретку или получил хорошего пинка снизу почёсывали ушибленные места. Они бурчали в адрес своего командира такие же «родные слова», что сами от него только что прослушали. А в основном стоял при этом дикий «ржач».

Такая картина длилась минут пять.

Мы получали от неё истинное наслаждение, потому что уже знали заранее ход событий, совершенно спокойно, как будто ничего с утра не было, в образе добродушного отца, любящего своих детей, проводил командир утренний осмотр: внимательно всех оглядывал, делал замечания по внешнему виду, выслушивал просьбы и так далее, но состав речи при этом у него не менялся, менялись только интонации.

Второй приставленный к нам офицер был старший лейтенант из «пиджаков», как называют в армии офицеров, добровольно, после окончания ВУЗа, решившего идти на кадровую службу в армию.

Он был никакой...

Ни выправки, ни голоса, ни знаний, ни умений. Единственное, чем он запомнился – он был выпускником нашего института, химико - технологического факультета.

Так вот в полевых работах они нами должны были командовать, но судьба распорядилась несколько иначе.

Полковник Шкумат дает указание капитану:

- Командуйте погрузку в машины. Будем выдвигаться к месту полевого лагеря!

А сам отошел в сторону, он же наблюдатель.

Капитан Мухамадиев вышел перед строем и выдал короткую, стройную, зычную тираду, состоящую из нескольких сочных матов.

Каких – то обще обиходных слов он не применил, как – то обошел – ся без них, но всем стало ясно, что от нас требуется немедленная посадка в кузова машин, во время движения вставать, перемещаться по борту машины, а также выглядывать из – под тентов, запрещено.

Последний произнесённый им звук все поняли однозначно, как команду выполнять изложенный им приказ, и бегом кинулись к машинам.

Вся процедура потребовала времени не более трех минут!

На подлёте к машинам нас остановила громкая команда полковника:

- Отставить выполнение! Капитан, ко мне!

Такого Шкумата мы ещё никогда не видели.

Не совладав с собой, он начал отчитывать капитана на глазах у нас, его подчинённых.

- Это что такое было с Вашей стороны? Это Вы называете приказом? Я привёз Вам взрослых людей, почти инженеров, будущих офицеров Советской Армии, чтобы они научились командовать людьми, а Вы кроме матов не знаете ни одного русского слова?! Я запрещаю Вам пользоваться ненормативным языком при общении со студентами, потому что они дети мои!

- Повторить команду! И если Вы снова будете материться, то я Вас накажу!

На капитана было больно смотреть!

Нет, не потому, что его отругал полковник у всех на глазах и не потому, что пригрозил наказанием, армия есть армия...

Больно было смотреть, как капитан из огромного словаря русского языка пытался выудить и подобрать необходимые ему три десятка слов, чтобы связанно и без нецензурщины отдать команду на посадку по машинам и отправку этих машин.

Приказ свой Мухамадиев формулировал около пятнадцати минут. Шкумат дал ему вторую попытку.

Вторая попытка была не на много успешнее.

После третьей полковник сжалился, скорее всего над нами, и разрешил выполнение отданного приказа.

Десять дней жизни, проведённых с нами в полевых условиях для капитана, были самыми молчаливыми в жизни, я так думаю. Он старался отдалиться от контакта с нами, чтобы не ввязываться в разговор или чтобы не отвечать на наши вопросы.

На самом же деле десять дней полевых занятий были самыми интересными в нашей военной практике.

Мы отработывали норматив по развёртыванию потока сборки и снаряжения ракет.

Надо было разгрузить с машин всё имущество этой технологической цепочки, установить палатку, в которой в последствии и ведётся весь этот технологический цикл. При этом необходимо этот поток обеспечить электроэнергией, теплом, сжатым воздухом, стало быть нужно развернуть, подключить и запустить в работу приданное соответствующее оборудование.

Собрать и запустить будущую конвейерную линию сборки и подготовки к запуску ракет, а потом организовать приёмку с ракетовозов контейнеры с ракетами, извлечь оттуда изделия и, расположив на конвейере, произвести все необходимые процедуры по подготовке ракеты к запуску. После доведения до готовности к пуску двух изделий, норматив считался выполненным.

По окончанию работ всё приводилось в исходное транспортное состояние.

По этому моменту засчитывалось время.

Первый раз мы обучались всю рабочую смену, но на третий день уже вложились в норматив времени, и, с каждым разом улучшали его показатели, пока наш наблюдатель, очень довольный нашей работой, не объявил нам, что мы вкладываемся в норматив «Классности» и нам полагаются соответствующие знаки, которые называются знак «Офицерской классности», и тот, кто попадёт на службу в Армию, может его носить наравне с «Поплавком» - значком окончания института, причём значок «офицерской классности» носится на кители даже выше гражданского «Поплавка».

Десять полевых дней пролетели незаметно. Мы многому научились, даже несли постовую службу в костюме химзащиты.

В самом деле, здесь же мы откормились, а когда вернулись в расположение части, то до окончания наших сборов остались считанные дни.

Нам очень хотелось, чтобы нам вручили значки, которые мы заработали своим трудом, но нам заявили, что значков в наличие нет, поэтому ничего вручать не будут.

На этом бы всё и закончилось, если бы среди нас не присутствовал всё знающий и пронырливый Грицаев Юрий. Он разузнал, что в механических мастерских полка стоит давно токарный станок, который очень нужен части, но запустить его в работу никто не может. Разговор его состоялся с главным инженером полка.

- Ни будь мы будущие инженеры – механики, если мы не сумеем заставить работать токарный станок! Только одно условие: мы запускаем станок в работу, а Вы обеспечиваете нас знаками классности.

- Договорились, но запускать станок будет три человека, а остальные за что получают?

Тогда Юра пошел искать дальше выход и нашёл в лице зам. командира по тылу. С ним договорился, что все остальные поднимут и укрепят завалившейся забор вокруг материального склада.

Договор есть договор.

Через два дня токарный станок работал, как ему полагалось по паспорту и забор стоял как новый!

Обещанные значки мы получили и уезжали из части гордые тем, что никто до нас со сборов не привозил столь ценного трофея, но то, что мы его фактически получили за отремонтированные забор и станок, об этом никому мы не рассказывали. Зато, вернувшись в Томск, мы исполнили традиционный ритуал возвращения студентов из военных лагерей.

Зайдя в свою любимую комнату № 314, мы немало удивились, так как она оказалась полностью занятой перенесёнными в неё на время ремонта рабочей комнаты, кульманами. Это тяжеленные чугунные станины с укреплёнными на них чертёжными досками.

- Короче, распределяем обязанности так: я иду искать винище, а вы освобождаете комнату и заносите кровати.

Так решил Микола, ему никто не возразил. Тем более было ещё довольно раннее утро. И найти этот продукт в Томске в это время было не реальным.

Николай взял свой знаменитый на всю общагу портфель.

В сравнении с высоченным Миколой портфель смотрелся нормальным, но стоило его взять в руки, скажем мне, и тут же бросался в глаза его невероятный размер. В его утробе легко пряталось двадцать четыре пол - литровых бутылки! А в пустые

промежутки между бутылками Микола ещё умудрялся наталкивать всевозможной закуски.

Мы освобождаем комнату от кульманов, а в это время к нам на этаж поднимается декан факультета Водопьянов Анатолий Васильевич.

Виталик Юхин от неожиданности резко дёрнул в сторону кульман и углом чертёжной доски въехал мне под правый глаз.

Удар был не сильным. Но точным! В этом месте густятся мелкие кровеносные капилляры. Углом доски как раз их и повредили. Под глазом даже кровь не выступила, а синева стала постепенно разливаться.

Декан поговорил с нами о прошедших сборах, спросил, как мы устраиваемся в общеаге, получили ли постельное бельё..., но явно хочет сказать что – то другое.

- А где у вас Калдыров? Почему его нет?

- Да он, Анатолий Васильевич, пошел в магазин. А то у нас нет ничего покушать.

- Вот, кстати, о магазине... Предупреждаю! Чтобы гулянки никакой не было! А то имеют манеру маршировать по улицам. Ясно?!

И ушел.

- Нет! Ну надо же так, возмутился Батя. А что это он подска - зывает? Я бы не додумался маршировать, а теперь... Ну разве можно традицию нарушать?

В это время вваливается ошалелый Калдыров.

Вообще – то мы первыми должны были ошалеть, поскольку у него в одной руке раздутый, до безобразных размеров, его знаменитый портфель, а во второй руке как дрова навалены бутылки с вином он их придерживает подбородком, чтобы не рассыпать.

Ну, прямо эквилибрист на канате, какой – то!

Даже ещё не разгрузившись о говорит:

- Представляете! Вхожу в общагу и в дверях нос к носу с деканом сталкиваюсь! Он мне говорит:

- Калдыров! Да разве можно столько пить!

А я ему, и чего только не скажешь от неожиданности, говорю:

- Да это не на одного, мы вдвоём пить будем!

- Почему вдвоём, с кем вдвоём? Ума не приложу!

- Микола! Да ты что, в самом деле не понял, что сказал декану? - перебил Колькины рассуждения Батя.

- Тут же козе понятно, что ты Борисёнка подставил! Даже Водопьянов знает, что вы с Серёгой – не разлей вода. Всюду вместе и прокалываетесь вместе.

- Да, Батя, пожалуй, ты прав! А что теперь делать? Ну не догонять же декана с объяснением, что не на двоих, а на всю комнату купил, хотя в его понятиях даже для комнаты это много!

- Да ладно, мужики, сегодня будет праздник, а завтра разберёмся, резюмировал Юхин.

К этому времени в общаге уже чувствовался подъём градуса праздничного настроения в прямом и переносном смысле: стоял громкий гул голосов и музыки, пробирающийся в нашу комнату вместе с запахами еды, готовой к её поглощению. И мы решили не отставать.

Уже через час всем захотелось организовать танцы, но победило предложение командира взвода Цхай Кости.

Он и просто по жизни был у нас авторитетом, а ещё и формальным лидером: комсомольский секретарь в учебной группе и командир учебного взвода на военной кафедре.

Грешно ослушаться своего командира, только что вернувшись с учебных сборов.

Получив команду на построение, вся общага вывалила на улицу, построились повзводно у входа в общежитие и по команде, развернувшись направо, двинулись студенты – курсанты по Вершинина, вдоль общаг, бравурно распевая свою маршевую песню на мелодию марша «Прощание славянки»:

Отгремела последняя сессия,

Нам в поход собираться пора.

Что ж ты, милая, слёзы повесила

Провожая меня в лагеря?

Не плачь, не горюй,

Напрасно слёз не лей!

А лучше обними, да поцелуй

Когда вернёмся с лагерей.

Ведь не зря изучали мы тактику.

Может завтра в смертельном бою

Вспомним нашу солдатскую практику,

Защищая Отчизну свою...

Обойдя таким образом все общаги студгородка, мы прибыли назад в своё общежитие, где всех ожидал ещё незавершённый стол, музыка, гремящая в холле первого этажа и масса девушек, собравшихся на эту музыку, чтобы потанцевать.

Веселье закончилось далеко за полночь, а на утро нас ожидало сообщение, что всех нас ожидает декан у себя в кабинете.

Делать нечего. Случилось то, что должно было случиться.

Мы всем своим учебным взводом явились к декану. И всё бы ничего, только у меня от неудачного соприкосновения с чертёжной докой под глазом расплылся синяк.

- Ну, молодцы, ничего не скажешь! Всё сделали, что я вам запрещал: пьянку, бардак в общежитии, танцы до утра, марширование по улице, драку. Что теперь прикажете делать с вами?

Слово взял на правах командира Цхай.

- Анатолий Васильевич! Бардака не было. Немного отметили возвращение из лагерей и окончание военной кафедры. Танцы, правда, затянулись, но ведь ни у кого сессии нет и вступительные экзамены уже закончились давно.

- Конечно! Не было бардака! А бланш под глазом мне говорит об обратном.

- Так это я получил чертёжной доской, когда вытаскивали кульманы из комнаты, Вы же сами видели, у Вас на глазах это произошло.

- Что видел? Как кульманы вытаскивали, да, видел! А как глаз подбили не видел.

Снова слово взял Цхай.

- Анатолий Васильевич! Я слово комсомольское даю, что драки никакой не было, а синяк под глазом на самом деле от удара углом чертёжной доски. Так что мы безгрешные.

- Да? Так может быть, вы скажете, и не маршировали по Вершинина?

И тут сказал Батя свою коронную фразу, которая разрешила всю обстановку.

- А зачем Вы нам подсказали что надо делать? Мы бы сами не догадались!

После этого не выдержал более быть серьёзным даже декан. Он начал смеяться, приговаривая сквозь раскаты смеха:

- А ведь и правда! Я сам сказал, чтобы не додумались маршировать по улице, как все. Ваша взяла, закончим на этом наш разговор. Вам теперь необходимо усиленно готовиться к сдаче Госэкзамена по «Военной подготовке», а там, если завалит кто экзамен, уже шутки не помогут!

- А на будущее буду иметь в виду, что своей неосторожной фразой можно подсказать неправильные действия, за которые впоследствии невозможно будет спросить.

Глава 13

Муза дальних странствий.

Обучаясь не первый год в своём, давно уже ставшим родным, институте, мы прекрасно знали, что у нашего ВУЗа «союзное» распределение.

Это означало, что на его выпускников, и на нас в том числе, приходят заявки со всей огромной страны, тогда ещё зовущейся СССР, и, окончив в нём учёбу, можно поехать, в соответствии с полученным распределением, на предприятия, расположенные в разных точках страны от Калининграда до Курильских островов и от Кушки до Норильска. Был бы только оттуда запрос на твою специальность.

А уж на специальность «Технология машиностроения» заявки шли отовсюду и даже совершенно не обязательно с машиностроительных предприятий.

Хотя и от них недостатка не было!

Такая же потребность была и в нас ещё студентах для прохождения производственной практики.

Вся страна знала, что студентов Томского политеха, приехавших на практику нет никакой необходимости обучать работе на станках. Их достаточно сразу распределить по рабочим местам, закрепить наставника, чтобы быстрее освоился, и сразу можно спрашивать отдачу в виде продукции, начиная с первой рабочей смены.

Но мы стали замечать, что чем старше мы становимся по годам учёбы, тем меньше интересных для поездки на практику мест становится.

Так Москва, Горький, Ленинград, Рига, Свердловск, Омск и даже соседний Новосибирск стали заменяться всё больше предприятиями Бийска, Рубцовска, Юрги и самого Томска.

Нас это, естественно, огорчало. Когда же ещё, если не молодыми, если не студентами, поехать по своей стране, посмотреть города и

предприятия для собственного развития и удовлетворения интереса первооткрывателя? Однако от нас самих здесь мало что зависело.

И вот в середине осеннего семестра третьего курса приходит из деканата информация, что одну из групп по окончании учебного года на летнюю практику пошлют в Минск на автозавод!

Спустя несколько дней эта информация нашла своё подтверждение из уст самого декана. Он перед нами произнёс пламенную речь на эту тему и объявил, что поедет, естественно, лучшая группа, а именно та, которая не будет иметь по результатам зимней и летней сессии «завалов»!

При прочих равных условиях будет отдано предпочтение тем, кто много и плодотворно занимается общественной работой.

И тут оказалось, что большинство ребят из нашей группы к своим двадцати годам нигде кроме Томска и родного места жительства, откуда прибыли на учёбу, больше не были!

Заинтересованность у всех возникла не шуточная!

Если учесть, что такие же студенты были и в остальных группах, то соревнование завязалось вполне серьёзное.

Могу сказать про свою группу.

Все следили друг за другом в течении семестра и подстёгивали, если вдруг намечалось отставание по выполнению проекта, чтобы всем выйти без «хвостов» к зачётной неделе.

В зачётную неделю тут же гнали не получившего своевременно зачёта на консультации для пересдачи.

Во время экзаменов ни один из сдавших не уходил домой, а находился под дверьми аудитории, и это неимоверно стимулировало каждого. Но экзамен есть экзамен и бывали сложные ситуа –

ции, в таких случаях наше присутствие переламывало «ход истории».

Идёт экзамен по «Теории резания металлов».

Предмет очень сложный, сплошная высшая математика в приложении к техническому процессу отделения стружки от основного массива металла. Читает этот предмет, и, соответственно, принимает экзамен, единственный в азиатской части страны доктор технических наук в этой области научных знаний, Полетика Михаил Фёдорович.

Предмет на столько сложный, что списать и сдать его просто невозможно, нужно хотя бы немного уметь объяснить то, что умудрился списать. А уж по этому объяснению профессору становится абсолютно понятно: разбираешься ты в его предмете или нет. Поэтому никто ставку на списывание не делал, все старались разобрататься в предмете обучения.

Да и сама манера приёма экзамена бала совершенно оригинальна и неповторима.

Подготовившись к ответу, студент подходил к столу экзаменатора, присаживался на стул и ...молчал.

Молчал при этом и экзаменатор. Преодолевая затянувшуюся паузу экзаменуемый неуверенно спрашивал:

- Отвечать можно?

- Я этого уже давно жду от Вас! – слышался ответ.

Начинался ответ на первый вопрос. При этом студент рассказывал, а профессор рисовал у себя на листке какие – то геометрические фигуры, совершенно не связанные с услышанным.

Высказав всё, что только читал или слышал по указанному вопросу, студент замолкал, как всегда ожидая дополнительных или наводящих вопросов. Но они не следовали.

Помолчав ещё некоторое время, студент позволял себе спросить:

- Можно переходить ко второму вопросу?

- Пожалуйста!

Точно так же шёл ответ на второй и последующие вопросы билета.

Закончив отвечать, экзаменуемый говорил, что ответ закончил.

Совершенно без всяких эмоций Полетика молча брал в руки зачётную книжку и отдавал в руки студенту.

Это самое страшное, что могло произойти! Это означало «неуд» и пересдачу экзамена!

Любую другую оценку профессор проставлял в зачётную книжку, совершенно молча, и без эмоций и отдавал её в руки студенту.

И лишь только после этого тебе становилось известно на сколько оценены твои знания.

Вот в такие условия мы пришли на свой экзамен.

Михаил Фёдорович нас всех рассадил, собрав зачётки и зафиксировав для себя выданные каждому на руки билеты.

В это время его вызывают на совещание на кафедру.

Он сказал, что через полчаса вернётся и начнёт приём экзамена!

Все готовились по – честному, но потом, не выдержав, всё – таки сверили свои знания с тем, что написано в лекциях.

Вполне удовлетворившись увиденным стали спокойно дожидаться экзаменатора, но почему – то тревогу у всех вызывала неуверенность в готовности Грицкова Сергея.

У него спросили, как обстоят дела?

Он всем показал большой палец, спокойно восседая за партой, что всех успокоило.

Пришел с заседания кафедры Полетика и начал опрос.

Третьим отвечать он вызвал Сергея.

Тот подошёл к столу и сказал:

- А я не готов!

Мы не ожидали такой реакции от вечно уравновешенного профессора.

Он взорвался как тротиловая шашка!

Его взрыв чуть не убил наповал Грицкова, который убегая от страшного гнева преподавателя, потерял дверь и упёрся носом в угол. Не имея возможности выскользнуть в коридор, он начал оседать на ватных ногах и только в этот момент он услышал крик Полетики:

- Пошёл вон! Дурак! За полчаса даже списать не сумел! Ты у меня никогда третий курс не закончишь!..

От этого двоечник подпрыгнул как – то несуразно и выпал в дверь, ведущую в коридор. Именно выпал, поскольку не сумел перетащить ноги через порог и растянулся во весь свой рост в коридоре.

Мы тут же среагировали на эту ситуацию. Извинились перед профессором и попросились выйти на минуту.

Этой минуты нам хватило, чтобы поймать антигероя и, зажав его в углу, заставить идти извиняться перед профессором, а также просить разрешения на завтрашнюю пересдачу.

Мы вернулись в аудиторию, следом с нерешительным стуком вошел изгнанный.

Он попытался всё сделать, что мы от него потребовали, но преподаватель с ним говорить не хотел, и только когда услышал нашу просьбу, то понял, что вернулся тот не сам, а по нашему настоятельному требованию.

Выгнав Грицкова, он нам сказал:

- Пусть завтра к десяти приходит ко мне в профессорский кабинет на пересдачу.

Трудно представить, что за одну ночь этот предмет можно выучить хотя бы на тройку, но факт получения тройки нашим одноклассником был зафиксирован в его зачётной книжке и в ведомости сдачи экзамена.

Скорее всего это была не его, а наша тройка!

В таком ритме прошёл осенний семестр и сессия, в таком же ритме прошли и весенний семестр со своей сессией.

После её окончания мы готовы были выслушать от декана распределение по предприятиям на летнюю производственную практику.

В самом деле, декан вновь удовлетворил в первую очередь запросы местных предприятий, затем соседних регионов и дошло время до «главного блюда».

Своё обещание деканат выполнил и, признав по итогам всего учебного года лучшей группой факультета именно нашу, объявил о прохождении нами практики на МАЗе.

Но с другой стороны деканату было вполне известно, что мы добились такого результата только исключительной своей сплоченностью и умением коллективно добиваться всего, даже положительных оценок и, отмечая в целом наши успехи, тем не менее того же Грицкова в Минск на практику не отправили. Кроме того, выбыло часть наших ребят, которые отказались сами ехать в такую даль по семейным обстоятельствам.

В итоге наша группа составила костяк отбывающих в Минск. Взамен наших, не поехавших добавили ребят из другой группы и, вообще, довели наш состав до тридцати человек. Назначили нам руководителя практики от института из числа аспирантов и вот такой развесёлой компанией мы отбыли на фирменном поезде «Томич» в сторону столицы нашей Родины.

Даже представить невозможно постороннему человеку на сколько интересно было начинать путешествие на этом поезде, только что прочитав фантастическую повесть Виктора Колупаева «Фирменный поезд «Фомич», где все приключения героев связаны именно с этим поездом, а прототипом этого поезда является именно наш, на котором нам предстоит, как и героям повести, ехать трое суток.

Нет, конечно, ничего сверхъестественного и фантастического с нами не случилось, но само столь длительное путешествие для большинства оказалось в новинку. За время поездки мы выяснили, что из тридцати человек только трое, когда – то бывали в Москве, да и то проездом.

Столицу никто из нас не видел, да и когда ещё доведётся случай её увидеть. Не известно!

Решением нашего коллектива мы обратились к руководителю практики с просьбой сделать остановку в Москве на трое суток.

Его согласие мы получили сразу. Думаю, что он имел предварительное согласие на то деканата, ведь нас отправили в Минск в качестве поощрения. Да и ехали мы без брони, так что билеты требовалось закомпостировать в Москве на дальнейший проезд. В ходе этой процедуры мы и приобрели для себя эти искомые три дня.

Эх! Хорошо быть молодым и беззаботным!

Руководитель даже не поинтересовался, где мы будем жить эти дни, просто предупредил какого числа и во сколько по времени нам необходимо собраться на перроне Белорусского вокзала.

А жить – то нигде мы и не собирались!

Все, почему – то, считали, что все эти дни мы преспокойненько прогуляем пешком по столице.

Правд, так считали не все.

Те, кто был против нашей остановки в Москве, а таких набралось трое человек, остались на вокзале и встали в очередь на получение койка – места в комнате отдыха проезжающих транзитных пассажиров.

Небольшими группами близких друзей мы тут же рассосались по необъятному городу. Но куда бы мы не прошли, сразу мысль у всех оказывалась одинаковой: посмотреть исторические места, знакомые по описаниям, картинкам и фотографиям.

А конкретно: Кремль, Красная площадь, мавзолей, ГУМ, Арбат, манеж, Большой театр...

Издаലെка это всё казалось разделёнными большими расстояниями, а на деле это оказалась историческая часть Москвы, и, куда бы мы не шли, везде встречали группки наших друзей, чему были несказанно рады и с огромным удовольствием коллективно фотографировались. Потом расходились вновь каждый в свою сторону, и, как не странно, вновь сходились и вновь фотографировались. Теперь уже на новом месте.

Так прошёл день.

К вечеру оказалось, что, не смотря на всю нашу молодость, мы чертовски устали и тихо «про себя», завидовали тем, кто остался в ожидании спального места.

- Что мы бродим? Поехали домой!

- Домой?

- Ну да! Я имею в виду Белорусский вокзал. Там, по – всякому, найдётся место, где можно прилечь поспать.

Идея понравилась всем, тем более, что от центра до Белорусского вокзала на метро рукой подать.

Сказано – сделано!

Приезжаем на вокзал.

Там наших уже битком, но ещё больше чужих, которым довелось провести эту ночь на вокзале.

Обойдя на два раза всё здание вокзала, заглянув во все укромные уголки, мы нашли много наших ребят, спящих в альковах, между колонн, под стойкой буфета, просто сидя на ступеньках внутри здания.

Постелью всем служила подстеленная газета.

Выйдя на перрон, мы увидели ту же картину: на всех лавках и уличных диванах спящие люди, среди которых были и наши.

Но места, чтобы прилечь не было никакого.

Мы прошли на парадную сторону вокзала.

Отделённые от здания привокзальной площадью в сторону Ленинского проспекта тянулись длинные аллеи с плотно стоящими скамьями. На них сидели не очень тесно люди, среди которых попадались и знакомые фигуры томичей.

Рядом со своими мы нашли место, где можно присесть. И тут же, не смотря на ночную прохладу и уже выпавшую росу, заснули, совершенно не переживая о том, что у нас вдруг что - то может пропасть.

В наш сладкий сон врезался кто – то посторонний и начал всех будить.

С огромным трудом разлепив чугунные веки, мы увидели молоденького милиционера, который методично прохаживаясь от скамьи к скамье, поочерёдно будил каждого из нас и при этом приговаривал, что здесь спать не положено, что у нас украдут наши вещи, чтобы мы спать шли домой или в гостиницу.

Но стоило ему только отойти от разбуженного к следующему субъекту его внимания как предыдущий тут же засыпал!

В конце концов, этот милиционер плюнул на своё безуспешное занятие. Избрав эту аллею своим объектом охраны, начал

прогуливаться по ней туда – сюда до окончания своего дежурства, охраняя нас спящих и наше имущество от посягательства злыдней.

А утром он нас снова разбудил, сказал, что его смена окончена до вечера, а нам пора освобождать скамейки для обычных людей.

Последующие две ночи мы уже не подвергались попыткам нас разбудить, так как дежурил здесь всё тот же уже знакомый нам, а мы ему, милиционер.

Он уже был в курсе: кто мы, откуда прибыли, куда путь держим и почему не уезжаем.

Проведённые в Москве три дня нас вполне устроили и утолили жажду познакомиться со столицей.

А что же наша та троица, которая решила получить спальные места?

Они почти ничем не отличались от нас.

Вся разница только в том, что они «имели право» находиться в коридоре комнаты отдыха и там спать на полу, точно так же, подстелив газетку.

Так они провели две ночи и только одну спали как «белые люди» в постели, на матрасе с простынями и одеялом.

Что ж, может быть они и правы в чём – то, за то они не увидели Москвы, не увидели, что и среди московских милиционеров встречаются добрые, отзывчивые, и я бы даже сказал, по – своему, гостеприимные люди!

А это дорогого стоит, особенно в юности!

Прошло три дня отведенных на «разграбление города» и мы двинулись дальше к цели нашей поездки.

В оговоренное время все как один собрались на перроне поезда Москва – Минск.

Вот поездка, спокойнее которой у меня никогда не было!

Езды по расписанию было что – то около суток. Мы все, как только уселись на свои места, тут же приняли горизонтальное положение и до самого приезда в столицу Белоруссии не меняли его!

Минск!

Столица Советской Белоруссии!

Ранее утро, что – то между шестью и семью часами утра.

Ещё не сошла легкая влажная дымка над городом, когда мы высиделись из вагона и вышли на широкую привокзальную площадь.

Молодой, цветущий город, утопающий в зелени и, как мы потом выяснили, это была зелень плодовых деревьев. По всему городу росли вишнёвые, грушевые, сливовые деревья, с веток свисали плоды уже созревающих яблок.

Для нас, прибывших из «Сибирских руд» зрелище оказалось не слабым!

Для ребят, приехавших в Томск учиться из южных Азиатских республик, такая картина, конечно, была не в диковинку. Зато для тех, кто родился и вырос в Сибири, не имея возможности хоть ненадолго съездить куда – ни будь на юг, это зрелище просто сносило «башню»!

- Как?! Тут растут яблоки прямо на улицах, и никто их не срывает и не ест!?

И руки сами тянулись к ещё не созревшим плодам, а плоды тянулись в рот...

Вид у нас был такой, как будто мы прибыли из дикого края и нас там ни разу в жизни не кормили.

Постоянно сдерживая и одёргивая друг друга мы всё – таки нашли нужную нам остановку городского транспорта, но тут возникла острая необходимость сделать небольшой привал.

Дело в том, что от трехсуточного пешего марафона по Москве у Юхина полностью развалился ботинок, а когда он заглянул на подошву второго, то там оказались просвечивающиеся пальцы. Нужно было делать срочный ремонт.

На противоположной стороне площади мы увидели большую вывеску: «Рамонт абутку». Похоже это то, что нам нужно, только написано, как – то странно.

Виталик, Калдыров и я устремились к столь странной, но так нам необходимой надписи. Переходя пока ещё малолюдный перекрёсток, я почувствовал какую – то странность под ногой. Дотерпев до ремонтной мастерской, где Виталий сел в кресло и стал разуваться, я тоже присел, чтобы посмотреть, что же на подошве оказалось «не так».

К своему большому удивлению на своих туфлях обнаружил примерно то же самое, что и Юхин несколькими минутами ранее, причём тоже на обоих туфлях.

Делать нечего: пришлось и мне сдавать свои туфли в ремонт. Но надо сказать, что мы я Виталием об этом не пожалели, так как нам очень быстро обувь вернули отремонтированной и в ней мы не просто доходили всю практику по Минску, но ещё приехали в Томск, сдали отчёты по практике и уехали каждый к себе домой на отдых.

А стоимость ремонта была столь мизерной даже для студенческого кошелька, что она и не запомнилась.

Пока мы были в ожидании ремонта, пытались осмотреться по сторонам и прислушаться к разговору.

Оказалось, что местные разговаривали на русском языке, но их родной, конечно, наложил отпечаток в виде не назойливого приятного акцента, который прослушивался таким образом: там

чаще, чем мы, приехавшие из России, при разговоре нажимали на буквы «Ц» и «Ы» и произносили нередко её вместо «И».

А вот надписи нас просто умилили!

Такое впечатление, что их писал заскоружный двоечник по русскому языку. Потому что везде, где грамматика русского языка вместо слышащейся буквы «Ц» требует писать «ТС», в белорусском написании это выглядит «как слышится, так и пишется».

Скажем, для примера, мы жили, в последствии, в районе, где все улицы носили Сибирские названия: вулиця Иркутская, вулиця Брацкая и тому подобные.

От железнодорожного вокзала вдоль по Партизанскому проспекту мы добрались через весь город до места нашей практики, МАЗа, Минского автозавода, но время было раннее.

Утренняя рабочая смена в цехах уже началась, а заводоуправление начинало работать с девяти утра.

Посидев под дверьми проходной около часа, мы быстро устроились на завод.

Нас, оказывается, очень ждали! Вот ведь времена были! Такая нехватка рабочих рук, что аж из Томска заказали практикантов, чтобы как – то помочь предприятию с выполнением производственного плана!

И надо отметить уважительное отношение, которое было высказано нам тем, что оформлял нас на завод лично начальник отдела кадров предприятия. А принимал нас и проводил собеседование главный инженер этого огромного предприятия.

Он нас встретил и забрал прямо из отдела кадров, завел на территорию и у центральной проходной показал нам стенд предприятия с показателями работы.

В левом верхнем углу электронные окошки, где стояли цифры:

дата, время и некая неподвижная величина близкая к семистам, а правее такое же окошко с цифрами, но в котором постоянно, не очень быстро, но по возрастающей эти цифры менялись.

- Что означают эти цифры?

- Это сегодняшняя дата, дальше план по сдаче готовых автомобилей, а правее их количество на сию минуту.

- Вы хотите сказать, что ежедневно предприятие должно сдавать почти семьсот МАЗов и сейчас, к девяти часам, уже готово шестьдесят три штуки?

- Я хочу сказать, что ежедневно мы выпускаем по семьсот двадцать автомобилей, один автомобиль каждые две минуты и сейчас вы можете наблюдать, как меняются цифры на табло. Пока мы с вами обменивались мнениями, рабочие уже выпустили четыре новеньких МАЗа!

- Лихо! А за счёт чего такая скорость?

- Мы работаем по принципу конвейера.

- «Фордовский» конвейер?!

- Ну почему сразу «Фордовский»? Наш, МАЗовский, советский конвейер. У нас нет такой потогонной системы, нет гонки за счёт интенсификации труда. Нормы труда у нас расчётные, и, если возникнет необходимость увеличить скорость выпуска, то вначале будут думать конструкторы, технологи, как ускорить операции за счёт автоматизации и механизации процесса.

- Мы тоже будем работать на сборочном конвейере?

- Ну не все же на конвейере работают. Кто – то и комплектующие детали производит. Мы только двигатели получаем из Ярославля и кое – какие кузовные штампованные части привозим. Да и то со смежных предприятий, входящих в наш комбинат, но находящиеся в других городах. А всё остальное производим сами!

- Но вас мы хотим использовать на ином производстве. Вот туда мы и направляемся сейчас. Это будет у нас экспериментальный цех, там вам будет интереснее. А на конвейер мы вам обязательно экскурсию устроим.

- Так что же мы стоим, ждём? Пошли в цех!

- Ребята! У нас по территории ходить пешком запрещено, разрешается только в пределах своего цеха и прилегающей территории.

- И потом, пешком мы с вами дойдём до экспериментального цеха как раз к завтрашней смене. А будете работать в экспериментальном цехе, узнаете, что у нас существуют даже внутренние пропуска. Так что празднично шатающихся обязательно остановит охрана и сообщит начальнику цеха.

- А территория у нас огромная! Только работающих более пятидесяти тысяч, а цеха какие по величине!?

- Вот вы только подумайте, каким должен быть по величине и мощности пресс, который за один свой цикл целиком штампует кузов автомобиля! А ведь такой пресс не один, да и ещё имеется масса деталей, подлежащих штамповке.

- А валы, карданы, а литьё корпусов редукторов...

- Немного освоитесь на заводе, я вас проведу по нашим ведущим цехам, познакомлю с автомобильным производством.

В это время подошел автобус.

Главный инженер сказал, что здесь, у центральной проходной, сходятся все маршруты внутренних автобусных маршрутов. Так что прежде, чем сесть в автобус, спрашивайте, доедите ли вы на нем до места.

- Потом привыкните и узнаете, как они движутся, где сходятся и куда расходятся. А пока садимся в этот автобус и поехали.

Мы едем и удивляемся.

На территории завода существуют улицы Штамповочная, Прессовая, Литейная и прочие, отмечены остановки маршрутного автобуса.

Минут через двадцать езды мы прибыли на место.

Экспериментальный цех стоял как бы в стороне от трассы и выглядел как средней величины завод, спрятавшийся весь под одной крышей.

Да, по сути, так это и было, поскольку в этом корпусе по замкнутому циклу от начала и до конца, выпускалась специальная техника на базе МАЗа.

Это были тягачи с двумя кабинами, которые известны как военные тягачи «Ураган», перевозившие ракеты стратегического назначения. Кроме того, такие машины заказывали спасатели и пожарные.

Главный инженер у входа в цех передал нас начальнику цеха, который у себя в кабинете устроил нам распределение по мастерам и рабочим местам.

Кто – то попал на токарку, кто – то на фрезеровку. Кого – то поставили на револьверку, кого – то на расточку...

Рабочие места раздавались, люди расходились со своими мастерами и только я сидел в стороне и про меня как будто забыли.

Тогда я сам подал голос:

- А про меня забыли? Моё рабочее место где будет?

- Нет! - говорит начальник цеха. Про тебя я помню. Я вот смотрю на тебя и думаю предложить тебе особый участок работы, очень ответственный...

- У нас очень не хватает людей на протяжке. Я думаю тебя поставить на протяжные станки. Что ты по тому поводу думаешь?

- Я думаю: «Нет! Только ни это!» Я прошлогоднюю практику всю провёл на протяжных станках. Они мне за это время обрыдли! Поставьте куда – ни будь на другое рабочее место.

- Ха – ха – ха, довольно засмеялся начальник цеха.

- Нет! Ты представляешь, какое у меня чутьё, обратился он, как потом узнали, к своему заместителю! Из тридцати человек выбрал того, кто нам нужен позарез! И, главное, нет необходимости обучать.

- К Михалычу его отведи, обратился он к своему заму, пусть покажет станки, инструменталку, где чертежи получить и немного поможет освоиться. И приступай к работе, это фраза уже предназначалась мне. Ты нам на сегодня во! как нужен!

- А когда «разошьём» немного «узкое место», переведу тебя токарем – револьверщиком. А сейчас догоняй своих, идите, оформляйтесь на работу, устраивайтесь с жильём и тебя уже во вторую смену ждём. К четырём часам дня подтягивайся!

Получив рабочие места, мы собрались в отделе кадров.

Там нам представили нашего руководителя производственной практики от предприятия, дали направление на расселение.

Оказывается, у предприятия со своими работниками заключён договор о сдаче жилья работникам предприятия, так как мест в общежитии не хватало.

Все эти люди проживали в своих домах с участками земли и располагался этот заводской посёлок на окраине Минска. Но добираться туда было удобно.

Очень хорошие, добрые люди – белорусы, приняли нас как родных. У каждого хозяина в частном доме имелась отдельная комната со своим входом, у каждого имелось множество кроватей и постельных принадлежностей. Так что мы как жили в студенчес –

ком общежитии своими коллективами, так и здесь расселились. Поселили по соседству друг с другом. Мы быстро сориентировались и узнали, где кто проживает и где кого найти.

А когда поближе познакомились с хозяевами, то эффект приезда к ним сибиряков оказался нам в плюс.

Людам, всю жизнь прожившим в Белоруссии, в месте, где мягкий климат, короткая, тёплая зима и длинное, тёплое не знойное лето, трудно представить, что зима может длиться восемь месяцев, а весна, лето, осень два! Причём зимой морозы, как правило, легко перешагивают за отметку – 40 градусов. Летом же может вдруг наступить неожиданная сушь, что кругом горит тайга. И даже в городе висит такой смог, что солнце и днем не может пробиться через окутавший всё и вся дым! Свободно дышать можно только, находясь в закрытом помещении.

Хозяева жилья на нас смотрели как мы, пожалуй, смотрели бы на инопланетян.

Поговорив меж собой, они единодушно вечером нам все в своих владениях объявили:

- Робятки! Вот сад, всё, что в саду созрело, можете спакийно кушать в своё удовольствие, бэсплатно. Только дэрэвья не ломайте.

А зачем нам ломать деревья, когда плоды от зрелости своей сами падают вниз с деревьев.

Так началась наша практика.

Кстати, в самый первый день, как мы только поселились, в хозяйском дворе, Серёжа Дудин присмотрел яблоньку Белый налив с очень спелым плодом на самом верху.

Яблочко было на столько созревшим, что падающий на него солнечный свет просвечивал плод насквозь, даже были различимы коробочки, в которых спрятаны семена и сами семена.

Оно так привлекало Серёжу, что он не мог оторвать от яблочка своего взора и постоянно проверял, висит оно ещё на дереве или его уже кто – ни будь съел.

Но яблочко висело как прибитое гвоздём к дереву. Другие падали от червоточины или от спелости, а это всё дразнило его, находясь на большой высоте. А при этом хозяева просили деревья не трясти, так как это вредит их здоровью.

Отношения Дудина и яблочка напоминало басню Крылова «Лисица и виноград». Когда это сравнение прозвучало вслух, то оно, почему – то Серёжу сильно обидело.

Он нам заявил:

- Сейчас я его сниму! И пошел в сад.

Мы подались за ним. Огромный ростом и очень тяжёлый массой он прошел по тропинке, идущей мимо злополучного дерева, и, как будто невзначай, долбанул его своим могучим плечом.

Дерево так встрепенулось, словно под ним произошёл взрыв противотанковой мины, его крона дернулась сначала в одну сторону, затем в другую, и, прежде чем остановиться, затрепетало каждой веточкой и листики на них испуганно зазвенели, а некоторые, не выдержав такого испуга, вспорхнули со своей обители, и подхваченные легким летним ветерком, боязливо приземлились за забором.

Всё это произошло за какие – то доли секунды.

Пока крона трепетала, Серёжа поднял глаза вверх, туда, где висел вожделенный плод.

От удара по стволу дерева яблочко тоже, вместе с кроной, дёрнулось в одну сторону, затем в другую и, подрожав со всей кроной, успокоилось и осталось висеть на месте, как ни в чём не бывало.

Гнев Никтарьевича был неудержим!

Он изрыгнул из себя такую тираду, какую можно ожидать от человека, долбанувшегося ночью мизинцем ноги о край пианино.

Но вот чего ни он, ни все его зрители не могли ожидать, так это то, что яблочко такой речи тоже не выдержит.

Остановившись от дикой тряски и совсем успокоившись, оно тихонько соскользнуло со своей плодоножки и кинулось вниз.

Долетев до нижней толстой ветки яблочко ударилось о ветку и разлетелось на мелкие брызги, окатив ими страждущего Дудина. Стоял он злой, обиженный физически и униженный морально, потому, что вид у него был такой, будто яблоко плюнуло ему в лицо.

Ни чего, кроме нашего истерического смеха эта история у нас не вызвала!

Поняв всю комичность ситуации, и, что на неодушевлённый предмет обижаться как – то глупо, с нами вместе посмеялся и сам герой истории.

* * *

На заводе нас распределили по сменам и не все мы оказались в одну смену. Но это нас не сильно огорчало, так как мы всё равно вечерами встречались вместе, а в выходные дни вообще не расставались.

В свободное от работы время мы осматривали город.

А посмотреть в нём было что.

Мы прекрасно осознавали, что этот город пережил всю войну на себе: бомбардировки, артобстрелы, оборону и оккупацию и, наконец, освобождение советскими войсками...

Было понятно, что здесь к моменту полного изгнания захватчиков, от города не оставалось камня на камне!

При этом мы гуляли по красивейшему городу, абсолютно молодому с широчайшими проспектами, тротуарами шире проезжей части улиц Томска. С зелёными аллеями, цветущими разнообразными цветами клумбами и кустарниками. Могучими плакучими ивами, свесившими свои тонюсенькие веточки до самой воды, протекающей по городу реки Свислоч.

Вокруг нас ходили добрые люди с приветливыми взорами, готовые рассказать с неподдельным удовольствием как нам пройти или проехать к искомому нами месту. Такими добродушными, открытыми, отзывчивыми могут быть только люди, пережившие вместе великое горе.

Этот город и его людей мы полюбили сразу и навсегда!

А сравнивать нам было с чем: трое суток, проведённые в московской толкотне, суете, неотзывчивости даром не прошли. Я согласен, что в тех местах, по которым мы гуляли по столице страны местных жителей практически и не бывает, только приезжие. Поэтому у всех впечатление было не о москвичах, а о городе, нашпигованном людьми как засоленной рыбой бочка.

Гуляя по улицам Минска мы, даже при желании не могли столкнуться со встречными людьми, или пытаться оббежать впереди идущего, потому что люди спокойно шли каждый своим направлением, и места для остальных хватало, чтобы даже проехать на малолитражке, и не толкнуть идущего рядом.

Каждый из нас выбрал себе «объекты» осмотра.

Мы с Виталиком гуляли и рассматривали памятники, необычные красивые здания, церкви и костёлы.

Нашли стадион «Динамо», Дворец спорта, где посмотрели соревнования по борьбе и цирковую программу известного иллюзиониста И.Кио.

Калдыров Николай и Небогин Володя обследовали магазины фототоваров и сделали несколько видовых снимков.

Серёжа Дудин, большой любитель кино, нашел и постоянно посещал современный кинотеатр «Октябрь». Он же, большой любитель вкусной еды, нашёл кафе под названием «Бульбяная», а недалеко погребок под названием «Мядуха».

Последних два его объекта мы тоже освоили с огромным для себя удовольствием.

В день нашего первого совместно посещения «Бульбяной», мы, ещё не зная всех вкусовых достоинств предлагаемых блюд набрали еды скромно, по подносику на человека. И втроём с большим трудом разместились за одним столом, рассчитанным на четырёх посетителей. Но даже если бы мы сильно уплотнились и очень постарались, то всё равно пристроить четвёртым Серёжу Дудина мы бы не смогли.

Он набрал столько еды, что, усевшись один за столом, не мог разместить все тарелки на столе и частично разместил их на стульях.

Зная много лет Дудина, мы отлично осознавали, что ест он значительно больше нас всех, даже больше Миколы, который однажды на спор со всеми нами вечером съел две полные сковороды жаренной на всю комнату картошки с двумя буханками хлеба, напился чаю и лёг спать, наевшемся «от пуза» в отличие от нас совершенно голодных!

Но даже эти наши знания не предполагали, что Серёга один может столько съесть!

Мы сидели за своим столом и украдкой наблюдали как нашего Дудина втихаря фотографируют иностранцы за поглощением пищи!

Эти снимки вполне можно размещать как политическую рекламу: «Вот из – за таких голодает население Африки!»

В один из общих выходных мы посетили ВДНХ Белоруссии. Посмотрели автомобильную и тракторную технику, выпускаемую в Минске и Жодино.

Последняя особенно впечатлила, поскольку это были карьерные грузовики БелАЗы.

Рядом с таким автомобилем не только мы сами, но и техника, которую мы выпускали на заводе во время практики, казалась размером с муравья!

Да! Нам с практикой здорово повезло, не зря «упирались» два семестра!

На этой выставке мы увидели БелАЗ, грузоподъёмностью 240 тонн, который ещё не выпускался! А на самом МАЗе мы видели будущее грузового автомобилестроения страны – будущий КамАЗ.

Конструкторы, разработчики, рабочие и испытатели именно МАЗа строили новый автомобиль для завода, который ещё находился сам в стадии строительства!

Быть может этот самый будущий КамАЗ, возможно, мы с ребятами выпускали, изготавливая для его сборки всевозможные комплектующие детали, работая станочниками в экспериментальном цехе.

Нам довелось видеть, как новую машину испытывали на автодроме, как её испытывали на прочность, разбивая о бетонную преграду, как испытывали на огнестойкость, сжигая её и засекая время сгорания...

Общее мнение было таковым:

- Групповые усилия в борьбе за это место практики себя полностью оправдало!

Ещё в один из общих выходных дней мы всем своим коллективом посетили под Минском мемориал «Хатынь».

Не хотелось бы «в суете» рассказывать все наши впечатления от его посещения. А вот посетить этот мрачный, зловещий памятник войне и его жертвам от которого, по словам экскурсовода, сбежали даже все собаки округи, просто необходимо, особенно тем, кто сейчас вновь начал бряцать оружием!

* * *

Так как же всё - обстояли наши дела на производстве? Меня, как и пообещал начальник. Передали Михалычу. Именно таким образом он и представился.

Ни имени, ни фамилии. Просто «Михалыч», даже не «Михайлович»!

Дальнейшая жизненная и производственная практика показала, что есть такая категория работников, которые умеют в меру и вовремя выпить, поддержать, так сказать, коллектив, запросто поделиться взятым с собой обедом или одолжить некую не обременительную для себя сумму и никогда назад её не требовать, если взявший в долг забудет отдать своевременно. А, главное, для них предприятие, по жизни, роднее собственного дома. Эти работники знают всю продукцию, выпускаемую цехом, умеют работать на любых станках в цехе, и способны наладить и отремонтировать эти станки. Обучить работать на них даже обезьяну.

Такие как раз и становятся Михалычами, Николаичами, Савеличами, Петровичами...

Ни фамилии, ни имени, но придёшь в цех и спросишь у первого попавшегося:

- Где найти Петровича?

И тебе тут же расскажут, а то и проведут и покажут, чтобы не блудил в незнакомом помещении.

Вот такой же Михалыч достался мне в качестве наставника. Первым делом он у меня спросил имя и тут же повел в инструменталку.

- Здесь будешь получать чертежи у технолога и инструмент у инженера или кладовщика. Всё под роспись! Получай!

- А что получать?

- Как что? Протяжки!

- Так они разные для разных отверстий: круглых, зубчатых, шлицевых, плоских, имеются первые, вторые и даже третьи... А я даже не знаю, что мы будем протягивать!

- Ну, я - то смотрю, ты молодец, соображаешь! Девочки, вот чертёж мне мастер передал. Запишите на практиканта и ещё подберите протяжки!

Взяв в охапку всё полученное в кладовой, я пошёл за наставником. Вот станок, вот на тележке детали. Устанавливаем оправку со стеллажа и адаптер под размер протяжки.

Всё! Поехали!

Протянув парочку деталей самостоятельно и удовлетворив - шись качеством, он ушел на своё рабочее место и оставил меня одного.

Процесс протягивания деталей не длительный если всё настроено и, если не перепутаешь очередность первой и второй протяжек.

В данном случае всё прошло нормально, ОТК продукцию приняло. Оставалось ещё более половины смены, и я пошёл к мастеру за очередным заданием.

За скорость и качество меня мастер похвалил и выдал новое, более

сложное задание, потому что предыдущее отверстие было круглым, а новое отверстие было на карданной детали.

Я отправился искать Михалыча. Тот оказался занятым и мне пришлось ждать его полчаса.

Не теряя времени, я пошел по цеху поискать моих товарищей, посмотреть, чем заняты они.

Первым, кого я увидел, был Кадыров.

Он стоял за зубофрезерным станком и фрезеровал небольшие шестерёнки для шестерёнчатого насоса из металлических цилиндр - риков, которые он одевал на оправку и вертикально крепил в станке, опустив центр и зажав фиксатор.

Не отвлекая Николая, я со стороны наблюдаю весь этот процесс и вдруг вижу, что очередную деталь он, опустив центр, не зажал фиксатором.

Подошедшая фреза начинает с усилием врезаться в металл, оправку выдавливает в сторону ... и вырывает из центров вместе с надетой на неё деталью.

Вся конструкция прямо – таки выстреливает из станка с очень большой скоростью, ударяется в стойку станка и летит в мою сторону. Моей молодой реакции хватило, чтобы увернуться от летящего снаряда.

Всё закончилось хорошо: все целы, станок не поломался. Заменяй оправку новой и продолжай работать дальше...

Вот только у меня в животе подступила тошнота, а Николай, побледневший осел на табуретку.

Несколько успокоившись, Коля говорит:

- Пойдём к Виталику сходим, развеемся. Он здесь не далеко работает на радиально – расточном станке.

Заходим за загородку, где стоят радиально – расточные станки.

Станки на столько большие, что деталь стоит на вращающемся столе метрах в пяти от станочника, резцы или в данном случае торцевая фреза опускается по направляющим сверху, а оператор стоит вдали и управляет всем процессом с кнопочной станции.

Виталик обрабатывал корпусные детали двигателя. Отлиты они из алюминиевого сплава, а это очень неудобный и привередливый для обработки металл: мягкий и очень вязкий. Увеличишь подачу или скорость вращения детали и металл начинает оплавляться.

Мы же заглянули по драматургии события прямо вовремя. Как раз в тот момент, когда нашему другу надоела медленная работа и он начал экспериментировать со скоростью и подачей.

Наверное, до определённого момента у него получалось неплохо, потому что он «ввалил» станку такое сочетание скорости и подачи, что металл будущего корпуса поплыл и стал запаивать своей расплавленной массой резцы фрезы.

Такого безобразия они не пережили и стали поочерёдно обламываться.

Некоторые осколки заплывали алюминием, а те, которые пошустрее стали со свистом стрелять по всему помещению, в том числе по экспериментатору и по его соперничающим зрителям... то есть по нам!

Мы, приседая и уклоняясь, уворачивались от обстрела. Этим же был занят и Виталий. Наконец он вспомнил о пульте и остановил станок.

- Ну, ни хрена себе, развеялись! – сказал облегчённо Микола.
- Согласен! – подал свой голос и я.
- В смысле, «развеялись»?
- Да меня вот только сейчас, Микола чуть не прострелил своей шестерёнкой. Теперь ты пластинами от зубьев фрезы...

- Пойду, пожалуй, лучше на своё рабочее место. Наладчик уже должен, по идее, освободиться.

Появился я вовремя. Как раз при моём появлении Михалыч освободился и ему не пришлось меня искать.

- Ты где бродил? Не видно было тебя. В туалет, что ли, ходил?

- Практически, да!

- Не понял, но не важно! Пошли настраивать станок.

Подойдя к станку Михалыч взял в руки протяжку и, чтобы прикинуть длину рабочего хода штока протяжного станка, сдвинул шток в стартовое положение, приложил к нему протяжку и полез в настройки станка, желая укоротить длину холостого хода.

Ему это удалось, и он решил, по – видимому, устанавливать оправку, но для этого ему нужен был замок, цепляющий инструмент у места захвата протяжки.

Михалыч нажал кнопку возврата штока и тут же, моментально вспомнил, что внутри, на направляющих штока лежит протяжка. Реакции этого пятидесятилетнего мужика мог бы позавидовать чемпион Мира по боксу в лёгком весе.

Крикнув в воздухе:

- Ложись!!! – он упал за станину станка и был полностью обезопасен от травм, в отличие от всех остальных, включая меня.

Закалённое тело протяжки из инструментальной стали от резкого и сильного удара со звуком выстрела раскололась, а тысячи мелких и крупных осколков с жутким свистом и жужжанием полетели по цеху, в основном вверх. Разбили стекла фонарей остекления цеха и уже оттуда посыпался основной и самый опасный дождь из больших и малых осколков стекла. Они падали вертикально вниз, некоторые имели форму ножей или сабель, причем не мало из них и достигали таких же размеров.

Но всё обошлось и здесь без отягчающих последствий. Вот только за станок сегодня, как – то, не очень хотелось вставать.

Пришедший в себя, видевший весь этот концерт, мастер, разразился в адрес Михалыча, меня и всего обслуживаемого Михалычем оборудования непередаваемой игрой слов, что всё же позволило ему «разрядиться».

- Значит так! Ты сегодня свободен – это он мне, а потом Михалычу:

- А ты настраивай станок, завтра он придет и сразу станет протягивать карданные детали, они как раз подспеют ко второй смене.

Затем снова мне:

- Детали срочно нужны на сборку. Завтра они подспеют ко второй смене и тебе будет задание их все протянуть, если требуется, то сразу прошу задержаться на работе, пока все не протянешь!

Спорить не чего! Приехали помогать производству, значит, надо помогать.

К началу работы Михалыч мне подобрал нужную оправку, а вот про ориентирующий фиксатор забыл.

- А как я буду устанавливать правильно деталь?

Наладчик почесал затылок и сказал:

- Вот эти лепестки должны смотреть вот в эту сторону.

- И всё?

- И всё!

По молодости лет ума не хватило посмотреть самому в чертёж на указанные допуски на отклонения. Михалыч – специалист, его словам поверил. Как научил, так и сделал.

Работал долго и усердно, прихватив половину следующей смены.

С чувством исполненного долга ушел на отдых.

На следующий день, когда пришёл на своё рабочее место, то немало удивился, что все детали продолжали лежать на том же самом месте, где я их оставил вчера.

А вокруг этой маленькой кучи собрались мастер участка, контролёр ОТК, технолог цеха и начальник цеха со своим замом по производству.

Все они, как один, держали в руках мою продукцию и тупо её рассматривали.

- Вот и наш герой труда пришёл, раздался ехидный голос.

- А в чём дело?

- Дело в том, дружок, что все детали ты отправил в брак! Все!!!

- Как это в брак?

- А так, что ни одной детали ОТК принять не может и на сборку не пропускает.

- Из – за чего брак?

- Не выдержаны допуски по осевому отклонению.

- Вот оно что, подумал я, именно то, что меня смутило вчера.

Мне же наладчик так настроил станок. Я же у него спросил:

- Как деталь ориентировать?

- Да? А он что сказал?

- Говорит: надо, чтобы лепестки были сориентированы в эту сторону и всё!

- Так ты будущий инженер, не мог посмотреть чертёж?

- Я и спросил, после того, как посмотрел чертёж.

- И что, он ничего не ответил?

- Я думаю, что он ещё не отошёл от разрыва протяжки, не совсем соображал.

- Какой ещё разрыв. Какой протяжки?

- Я Вам докладывал вчера, что разорвало протяжку. Поразбивало стёкла фонарей...

- Разбирайтесь здесь сами с технологом, Вы, Иван Романович, это он к заместителю, закажите срочно литейщикам новые отливки, эти оформите браком на ученика и отправьте их с глаз долой!

И, хотя в последствии всё шло нормально и никаких претензий по качеству работы ко мне не было, но именно так я стал самым большим бракоделом из нашей студенческой группы.

Но работа – работой, а в середине августа подкрался мой день рождения.

В один день со мной родился ещё и Остроносков Слава. Выпала столь замечательная дата на выходной день, на субботу.

Каждый из именинников в своём кругу отметил день своего рождения. Потом компании слились в единую и вновь отметили это дело уже совместно.

Жара стояла сильная. Поэтому мы не стали напрягать организм тяжёлыми напитками, а предпочли по рекомендации Дудина уже из числа испробованных им местные креплёные плодово – ягодные вина или как местные их называли «чарнила».

Этого нам вполне хватило, чтобы возникло желание пойти на танцы к дому культуры автозавода. Да и местные парни нас давно приглашали.

По пути мы зашли в соседний двор и прихватили с собой ещё одну группу своих ребят. Славика хотели оставить, поскольку из двух именинников этот был уже полостью «готов», но он всё равно пошел со всеми.

Танцплощадка находилась в очень зелёном месте у дворца культуры: кругом было настолько много деревьев, что, находясь метрах в тридцати магистраль, было совершенно не видно и не слышно. Да, говорят, и наоборот. С магистрали музыка точно так же слышна не была. По другую сторону от танцплощадки, где – то совсем рядом находилось здание дворца культуры, но его увидеть тоже не получилось.

По периметру всего сквера росли густые колючие, красиво цветущие кустарники.

Пробраться через кусты было не реально. Так что эти кусты обрамляли полностью культурное место и тянулись они с двух сторон до рожек, радиально отходящих от танцплощадки в сторону дороги, являясь естественным забором. Один радиус уходил в сторону центра города, другой, в сторону остановки транспорта, идущего в направлении нашей окраины.

Народу на площадке было не меряно!

Вся публика из ребят и девчат заводчан. По именам мы их, конечно, не знали, но уже многие лица были знакомые.

Всё шло очень дружелюбно до того момента, пока на арену не вышел пьяный Славик.

Он стал распихивать нас, других танцующих, попадавшихся ему под пьяную руку. Такое поведение не могло ускользнуть от зоркого, хотя и тоже изрядно пьяного, взора местного «короля».

Тот подошел к нашему Славике нетвёрдой походкой и стал с ним, о чем – то беседовать, явно желая «нарыть» скандал.

Не такой человек Слава, чтобы заставлять других себя о чём – то

долго просить. Ему очень быстро надоело пьяное бурчание незнакомого типа ему в лицо. Он отклонился на нетвёрдых ногах и резко подался вперёд головой.

Удар пришелся «в яблочко»!

Нос местного «короля» моментально превратился в кровавое месиво, а по обоим глазам наплыли фиолетовые круги.

Почти тут же танцплощадка полностью опустела от парней. На ней оставались лишь часть девчонок и мы.

Всё ясно! Нас ожидает весёлое окончание танцев и томный вечер.

А в скорости и музыка прекратилась. Пора возвращаться домой.

Да, и это главная задача! Нам предстояло добираться до дома. И проблема была бы нулевой, если бы ни пьяный, не стоящий на ногах Остроносов, которого не бросишь на растерзание.

Подхватив Славика под плечи вдвоем, в окружении остальных человек десяти мы вышли с площадки.

Здесь начинались две радиальные тропы.

Посоветовавшись, мы решили пойти, всё – таки по той, что вела к остановке, потому что, скорее всего, нас ждут с обеих сторон.

Движемся по совершенно пустой дорожке и тут в её конце слышим крик:

- Вот они!

Нас встречало народу как первых космонавтов в Москве.

На нас надвигалась громадная толпа народу, и Славик сейчас был для нас тяжёлой обузой. С оглядкой продвигаясь, мы всё – таки настигли места остановки транспорта.

Отсюда никуда! Придёт первый попавшийся транспорт – прыгаем в него и едем!

В это время выпрыгивает из толпы кто – то один и летит на нас вперёд ногой.

Увернувшись от ноги, мы упустили из рук ничего не соображающего нашего друга. Тот падает на асфальт. Его свёрнутые в спираль ноги придают телу вращательное движение и он, упав, закатывается под лавку.

Пролетавший мимо меня кулак одного из нападавших я увидел в последний момент. Полностью уклониться от удара мне не удалось.

Летевший с большой скоростью кулак успел лишь терануть меня по губе и причинил что – то типа ожога. На губе моментально вскочил водянистый пузырь.

В этот момент подъехал к остановке наш троллейбус. Мы быстренько в него заскочили и не пустив никого из местных спокойно уехали.

Доехав до своей остановки, мы обнаружили потерю «бойца».

Славика с нами не оказалось!

Делать нечего. Требуется возвратиться чтобы разыскать его где – то на поле боя.

Пересев в идущий в обратную сторону троллейбус, мы вернулись.

Всю дорогу мы слышали воинственные крики молодёжи, которые нас потеряли, но доехав до места, мы увидели, что народ отсюда «рассосался», остановка пустая.

Но где искать нашу потерю? Главное, никто не помнит, куда он делся.

- Кто Славика нес?

- Я и Боря Хохряков!

- И куда вы его дели?

- О! Вспомнил! Когда на нас напали Славик упал на асфальт.

- Так его испинали?

- Нет, вроде. Не было такого. Не помню точно! А если «отметелили», то уже с остановки должны подобрать либо скорая, либо милиция.

С такими разговорами мы подошли к остановке.

По озирались по сторонам и вдруг видим, что под лавкой вроде что - то лежит, похоже на куртку Славика.

Подошли ближе, заглянули, а там наш Славик, цел и не вредим, спит как дома в кроватке!

Быстренько его извлекли из - под лавки.

Сейчас же подошел следующий троллейбус, идущий в нашу сторону. Мы теперь уже точно все погрузились и благополучно добрались до дома.

Дома успокоившись, сидим и думаем...

Ладно! Сегодня всё благополучно обошлось. А в понедельник нам на завод идти к эти же парням. Там то, каково будет?

И вот он, понедельник, наступил!

Приехав на завод, мы ничего страшного не увидели. Только заметили сильно увеличившееся к нам внимание окружающих.

Они нас внимательно рассматривали, что - то обсуждали меж собой и периодически тыкали в нас пальцами: то в одного, то в другого.

В цехе до обеда всё шло примерно так же. Но приставаний не было.

В сам обед, когда вышли из столовой, то увидели у входа довольно большую толпу молодёжи. Они явно нас дожидались.

- Ну что, пообедали?

- Пообедали.

- Как самочувствие после субботней взбучки?

- Да всё хорошо.

- А как мы вас погоняли?

- Да так, неплохо, главное за дело!

- Это точно, что за дело. Только вы не подумайте, что за того хмыря, конкретно. Он гад такой, что ему точно рожу нужно было набить. И вы это правильно сделали.

Просто вы гости, а в гостях стали задираться к местным. Вот только из – за этого всё и случилось.

- Так мы, наверное, если бы пошли в другую сторону, то спокойно ушли?

- Нет! Мы вас с обеих сторон ожидали. Человек по шестьдесят с каждой. А вы так ловко проскочили и почти никому не досталось.

- Да, можно сказать, что вообще никому и ничего не досталось. Только одному остаток от удара немного ухо рассёк, и мне губу обожгли.

- Как это «обожгли»?

- Да кулак пролетел с таким свистом, что, вскользь задев губу, не разбил её, а вот волдырь изготовил. Вот, видите волдырь вскочил?

Все дружно начали смеяться.

- А вы нормальные мужики. Вы откуда приехали?

- Из Томска! Это Сибирь, до нас четверо суток на скором поезде!

-А у вас все такие как вы?

- Ну все не могу быть одинаковыми. Могут случиться и говнюки, но наш город студенческий, поэтому говнюки у нас не приживаются. Вот приезжайте сами к нам, увидите, а мы всегда будем рады вас встретить!

- Нет! Уж лучше вы приезжайте. Будем рады вам!

- А мы вам!

На этом весь конфликт был полностью разрешен.

Прослышал про наш конфликт и хозяин дома, в котором мы жили.

Он работал водителем – дальнобойщиком, ездил по Европе, возил всевозможные грузы. Был громадного роста и имел соответствующий его габаритам выдающийся живот.

Нас поселила его жена пока он был в рейсе.

Приехав, и увидев пятерых взрослых парней, он тут же поехал куда – то в совхоз и скоро вернулся, привезя половину кузова яблок. Он подъехал к дому со стороны нашего входа и вывалил весь груз прямо на траву.

- Это вам, парни, ешьте!

Через неделю он попросил нас помочь ему по хозяйству с выполнением строительно – ремонтных работ. Он наметил в саду бетонные дорожки и вот нас попросил их залить. Работы было не много, думаю и работа сама была не спешная, даже скорее всего надуманная. Просто ему очень хотелось с нами поближе пообщаться.

Пока мы работали, хозяйка накрыла стол с богатым угощением. За столом, за стаканом водки он спрашивает у нас:

- Дык вы откуда приехали?

- Из Томска.

- Из Омска?

- Нет! Из Томска.

взрослый пройти точно не мог. А я, когда иду, то подо мной болотная трава проваливается почти на глубину моего роста. Я выходил из дома, заходил в болото и меня уже никто не видел. Я шёл без опаски, но было очень тяжело. Потому что всё время приходилось как бы в горку идти. Представляете?

Мы представили пацана лет двенадцати – тринадцати бредущего по продавливаемому грунту, а под ним нет дна, который идет к своим и несёт какую – то важную информацию, а возвращаясь, он в любой момент может попасть под немецкий обстрел, а ещё хуже если схватят в гестапо...

- Да! Сильный, смелый, отважный народ белорусы! Просто – настоящие люди!

Хозяин довольный самим собой, довольный нами и произведённым на нас эффектом, ласково оглаживая своё огромное круглое пузо нежно произнёс:

- Это точно! Ежели взять белоруса, али какого другого народу – большая разница!

Глава 14

Impression
(Впечатление)

титься вниз по не просто крутому обрыву, а вертикальному. Местами берег обрывался даже с «поднутрением» в грунт. Высота же обрыва в этом месте была метров тридцать – тридцать пять. Внизу повсеместно пробивались родники, сбегаящие к реке, делаая берег неустойчивым, очень опасным, постоянно обрушающимся. Этому процессу способствовало ещё и искривление русла под прямым углом и весь поток воды, а весной он представлял собой очень могучее зрелище, с разгона ударялся в берег и нещадно рушил его.

Бывало, что сегодня пришел на берег, постоял на крутизне, полюбовался далью, а на завтра этого места уже как не бывало! Внизу же лежит огромная глиняная куча вперемешку с деревьями и кустами.

Восточная часть сада нехотя становилась положе, постепенно понижаясь и переходя в Потаповы лужки. Дальше, за несколько километров отсюда виднеется место, где Томь делает ещё один крутой поворот. Это место всегда находится в голубоватой дымке и представляет собой такой же высоты выступ скального грунта и называется Синий утёс.

С северной стороны Лагерный сад упирается в самое начало центрального городского проспекта. Проспект тянется через весь город, нанизывая на себя корпуса институтов, жилые дома, театры, городскую и областную администрации, промышленные предприятия и многое - многое другое. Именуется он, конечно, проспектом Ленина. А как же иначе? Хотя ему больше бы подошло название «Университетский». Поскольку начинается он сразу несколькими большими корпусами нашего института, а дальше... Ну где ещё имеется такой город, где на одной улице, больше того, по её одной стороне стояло бы сразу четыре главных корпуса четырех больших университетов!?

Сейчас в Лагерном саду стоит величественный монумент в честь защитников Отечества. Большая площадь перед монументом

и все дорожки заасфальтированы или уложены тротуарной плиткой, а когда мы учились тропинки имели более естественный, дикий вид. Вдоль сада параллельно берегу реки тянулась одна заасфальтированная тропинка, да и то вся вспученная и порушенная корнями деревьев, растущими под ней. Все остальные узенькие, петляющие среди зарослей или широкие и достаточно прямые, все были проложены и поддерживались подошвами ног гуляющей публики.

Зимой они все были завалены глубоким снегом и превращались в тропинки, где можно было идти только вдвоём, тесно прижавшись друг к другу, любуясь друг другом, белизной, и чистотой природы.

Весной снег начинал постепенно оседать, слегка темнеть, но ещё долго – долго лежал, даже когда уже его полностью вывозили из города.

Таять снег начинал вокруг деревьев. От яркого солнышка и увеличивающегося дня стволы деревьев прогревались и долго хранили в себе это тепло, постепенно отдавая его таящему снегу. Всего за несколько дней тепла вокруг деревьев образовывались глубокие, вытаявшие до самой земли круглые ямы. И, несмотря на то, что зима ещё ни один раз вернётся до наступления устойчивого тепла, около стволов деревьев из слегка оттаявшего грунта уже повыскакивали коротенькие, почти не зелёные палочки и ждут пригрева. Вот зима слегка отступила и эти палочки оказываются цветущими ярко жёлтым цветом шариками цветов мать – и – мачехи.

Летом, гуляя по Лагерному саду можно ощутить себя далеко за городом, в лесу. Через заросли больших и маленьких деревьев шум совсем рядом расположенного города, совершенно не долетает, а на глаза попадают кроме всевозможных деревьев кусты ягодника, под ногами можно увидеть грибы. По деревьям и

по тропинкам скачут сказочной красоты белки, совершенно ручные. Прыгают среди людей и выпрашивают для себя семечки или орешки. В кронах деревьев поют лесные птицы. Дятел добывает из - под коры питательных личинок, поэтому немилосердно долбит своим клювом по стволам деревьев. И этот стук разносится на всю округу. Дополняет картину леса поселившаяся в Лагерном саду кукушка. Она своим пением вещует каждому желающему о продолжительности его жизни...

Много прошло времени с тех пор.

Сейчас центральную аллею занимает целый мемориальный комплекс, куда приходят Томичи поклониться солдатам, когда – то отдавшим свои жизни за мирную жизнь людей. Сейчас это место в городе не менее любимо, но мне вспоминается милый сердцу старый Лагерный сад.

Она Томичка...

Согласно учебного плана нам надлежало сдать всем поголовно нормативы комплекса ГТО.

Если для сдачи основных видов программы нам вполне хватало не совсем оборудованного, но собственного стадиона, то с нормативами по плаванию задача так просто не решалась. Бассейнов в городе было «кот наплакал»: если сильно упереться в воспоминания, то, пожалуй, два вспомню, не то что сейчас...

Ближе всех к политехническому располагался бассейн стадиона «Труд». Да и контакты, похоже, были между ними давние и устойчивые, поскольку «прогнать» через одну ванну больше пятнадцати тысяч студентов – это надо было оккупировать бассейн не на одну неделю. При этом было одно «притирочное» занятие, а на втором непосредственно сдача нормативов.

Зачётный заплыв проходил у нас первой парой и освободившись

около половины десятого ещё даже утра, мы направлялись на продолжение учёбы.

От бассейна добираться совсем не далеко до учебных корпусов – сов. Но утреннее плавание забрало довольно много физических сил, а в сторону учёбы нужно было идти по улице, поднимаясь вверх. По – зимнему одетыми, после купания, да ещё скользить по раскатанным тропинкам...

Нет! Ну никак не хочется!

- Поехали на трамвае?!

- Поехали.

Идём к трамвайной остановке. Нам по Советской ехать влево, от центра города, и нашего трамвая ещё нет, мы не спешим.

В это время подходит к остановке трамвай, идущий в город. Время такое, что рабочий день уже начался давно у рабочих на предприятиях и у служащих в учреждениях, поэтому транспорт, зачастую ходит просто пустым. Но этот оказался не пустой. В нём находился один пассажир, точнее пассажирка, ещё точнее девушка очень красивая с мягкими чертами лица, с лучезарной улыбкой. Она улыбалась сама себе: потому что молодая, потому что у неё всё хорошо, потому что светит солнце в это зимнее утро... Просто потому, что она красивая девушка и она знает об этом.

Она улыбалась и смотрела в окно, видя, наверное, только себя, но взгляд её был устремлён в нашу сторону, и я его поймал.

Он меня приворожил, привлёк, потянул за собой. Это было сильнее меня, я безропотно пошел на этот взгляд. Девушка увидела загипнотизированного ею парня.

Она этот свой гипноз усилила, призывно махнув мне рукой, приглашая к себе в трамвай.

По мановению её руки я изменил маршрут и пошёл на её призыв

Но перед самым моим подходом, когда оставалось только сделать шаг, чтобы войти в вагон, дверь закрылась и трамвай уехал, увозя с собой прекрасный облик красивой девушки - томички. Обалдевшие от этого зрелища мои друзья потом долго меня пытали: куда я пошел, куда собрался ехать, зачем решил прогулять занятия? И вообще, почему я молчал и не откликался на их крики?

Ни на один их вопрос у меня ответа не было. Я про друзей не помнил, я друзей не слышал...

А вот полученное впечатление преследовало меня долго, пока я не понял, что это была не просто девушка, а мне показали, что моя любовь может быть только с первого взгляда. С этим пониманием я живу всю жизнь.

Что может быть красивее?

Если во время напряжённой учёбы мы все вместе решали немного отдохнуть и пойти погулять, то это было чаще всего уже довольно поздно, и нередко наши прогулки доходили до Лагерно - го сада. Там мы шли привычным маршрутом: по заснеженным или засыпанным падающей листвой тропинкам от главной аллеи в сторону Горбольницы. А там на свою улицу Вершинина и напрямик вдоль заводского забора к родному общежитию.

Наш сегодняшний маршрут выглядел именно так. Продвигались мы уже по Вершинке совершенно без всяких помех и препятствий, веселя друг друга кто как может.

Мы уже миновали заводскую территорию и вышли к перекрёстку улиц Вершинина и Учебной. Нам только миновать перекрёсток, дом, где проживали преподаватели нашего института и мы у цели.

Транспортом город забит не был, да и время было уже когда люди поужинав и отдохнув с газетами и у телевизора, укладывая –

лись спать. Стало быть, перейти дорогу даже не нужно было дожидаться переключения светофора, всё равно никому мы не мешали.

Тем более в такой ситуации нас здорово удивило, когда Серёжа Дудин остановился на одном месте и сдвинуть его просто не представлялось возможным.

Серёжа стоял не двигаясь, ничего не объясняя, молча поводил головой, но при этом стараясь не менять своего обзора.

- Серёга, пошли!

- Серёга, что с тобой случилось? - на него никак не действовали наши обращения.

Постепенно до него дошло, что он стоит «замороженный» в одной позе и молчит, а обеспокоенные его друзья суетятся вокруг.

- Вон! – сказал он и только повёл глазами.

- Да что произошло, покажи!

- Да вон же, ну не буду же я тыкать пальцем! В окне общаги, на втором этаже...

Пока мы разбирались в каком окне второго этажа, вертели головами, скользили глазами по окнам, Дудин объявил:

- Ну всё! Кончилось, пошли.

- Что кончилось, что там было?

До самой нашей комнаты в общежитии он ничего не говорил. И только уже дома, сильно смущаясь и стесняясь он нам поведал, что проживающие на втором этаже девушки из меда, считая, что раз напротив их окон нет жилья и сами они проживают на втором этаже, то этого вполне достаточно, чтобы не закрывать шторы.

Серёга их застал в момент переодевания с учебной одежды в домашнюю, причём, по его словам они от одежды освобождались

полностью, а он с расстояния тротуара и высоты своего роста комнату простреливал от окна до самой двери.

Долгие месяцы его, бедолагу, с тех пор преследовали эти видения. При этом он всегда приговаривал, что ничего красивее женского обнажённого тела он в жизни не видел.

С этим его мнением были согласны все жители нашей комнаты!

Гудок.

Железная дорога в Томске является тупиковой. За это низкий поклон недалёковидным Томским купцам, занимающимся конным извозом. Боялись потерять свой барыш, а потеряли перспективу развития своего города на многие годы. И не факт, что сейчас самым крупным городом в Сибири был бы бывший Новониколаевск. Скорее бы Томск вырос до таких размеров.

Но между тем железная дорога имеется и выехать из города, равно как и приехать на поезде можно, а вот дальше – то ехать и некуда.

Строго говоря путь ещё тянется за город километров на двести на северо – восток, мимо небольших поселков и маленьких деревень, но никуда не уходит.

Навстречу ему с севера – запада к этому окончанию тянется тоже железнодорожная ветка, но тянется она, тянется, а дотянуться не может. Разделяет эти два хвоста несколько сотен километров непроходимых болот и глухой тайги.

Поскольку дальше Томска пассажирам ехать не куда, то стало быть они где – то здесь, поблизости и проживают. Стало быть, приехав в Томск на поезде и проголодавшись они, скорее поспешат домой, нежели в привокзальный ресторан. Значит и ресторану особо стараться не для кого. Вот знатоки ресторанной кухни и не баловали его своим присутствием, не считали изысканными блюда этого ресторана.

Были в городе другие рестораны, в какие народ любил ходить, а уж в этот, называемый не очень уважительно «Гудок» народ шел если больше ни в одном из других не находилось места.

По аналогии с этим рестораном существовал в понимании Томичей и другой «Гудок». Он находился тоже на железнодорожном вокзале, только не в Томске, а в соседней станции Тайга.

Расположена станция в восьмидесяти километрах от Томска и в отличие от него, находится прямёхонько на Транссибирской магистрали.

Поездов чрез Тайгу всегда проходило огромное количество: все поезда, идущие с Запада до Мариинска и далее до Владивостока не могли миновать Тайгу. Ну и, конечно, обратные поезда тоже. Поэтому и пассажиров на вокзале было, что называется «не протолкнуться».

Ресторану местного железнодорожного вокзала всегда было кого кормить вкусно и качественно. Кроме того, в ресторане всегда имелось свежее пиво в неограниченном количестве, чего в Томске всегда не хватало.

Все эти факторы подвигали некоторых представителей класса студентов к прогулке на электричке.

На самом деле такая поездка была прямо спланирована расписанием движения электропоездов.

В субботу, после окончания занятий, собравшись группками, народ выдвигался к вокзалу.

В половине пятого вечера от вокзала отходила электричка в сторону Тайги.

Через два часа и за двадцать пять копеек она туда привозила транзитных пассажиров и желающие посетить ресторан.

Кто хотел попить пивка, сразу там и оказывались.

Обратно вечерняя электричка уходила в половине одиннадцатого вечера.

Четыре часа нахождения в ресторане вполне было достаточно, чтобы как следует, вкусно и не дорого покушать, выпить пива столько, сколько входит в ещё не растянутый живот студента и вполне довольным сесть в электричку и уехать обратно в Томск.

В половине первого ночи, когда ещё не весь народ после субботнего танцевального вечера разбрёлся по своим комнатам, сытые и довольные путешественники возвращались в общагу, создавая иллюзию своего постоянного присутствия в городе.

Летайте самолётами аэрофлота.

После окончания очередных летних каникул я возвращался на учёбу в Томск.

Я ранее уже упоминал, что каждое лето у нас что – то было, что существенно сокращало потенциальное время, отведенное на каникулы: стройотряд, производственная практика, военные сборы... Время на сам отдых оставалось не более двух недель.

Родители, чтобы максимально продлить каникулы, всегда отправляли меня на занятия самолётом.

Чтобы приобрести билет до Томска, нужно было вначале заказать бронь для пересадки в Новосибирском аэропорту на Томский рейс, а уже получив эту бронь, билет продавали.

Ответ на запрашиваемый полёт не всегда приходил положительным. Тогда брал билет просто до Новосибирска, а уже на месте ориентировался: можно было случайно «урвать» место на самолёте, можно было ехать по железной дороге на поезде, идущий до Томска, можно было с тремя пересадками добираться электричками. Варианты были всегда.

Этот раз возник нестандартный ответ при покупке билетов:

- Новосибирск бронь не дал. Предлагаю лететь через Омск. Из Омска один раз в неделю летают самолёты до Томска, и Вы в этот день как раз летите. Правда, этот полёт будет немного дороже.

Я согласился и сразу приобрёл билет.

По времени полёта получается несколько дольше, но попадаю в Томск, практически, минута в минуту с планируемым рейсом. Да и маршрут у самолётов один и тот же: из Караганды самолет летит до Павлодара. Там короткая посадка и один летит в Новосибирск, а другой в Омск.

Настал день отлёта.

Погода прекрасная, а иной в Казахстане, особенно летом и не помню, небо ясное. Самолёт отправили своевременно и посадку в Павлодаре тоже совершили по графику. Там на всё про всё даётся тридцать минут: пассажиры все покидают самолёт и ждут объявления посадки в аэропорту.

За это время в аэропорту регистрируют новых пассажиров и вместе с остальными их провожают на самолёт.

Но новых пассажиров зарегистрировали, тридцать минут прошло, а посадку не объявляют.

Я немного встревожился, вдруг прослушал объявление о посадке, но осмотревшись внимательно я заметил знакомые лица людей, с которыми выходил из самолёта, они были встревожены не меньше моего.

Собравшись небольшой кучкой мы ситуацию обсудили и решили обратиться в справочную службу аэровокзала.

Там сказали, что с самолётом и экипажем всё нормально, но не «дают неба для полётов»!

Погода совершенно не испортилась, поэтому в нас кипело возму –

щение. И только через три часа после посадки нам объявили отправление рейса.

Сформировался и взлетел самолёт без всяких проблем.

Через час с небольшим он благополучно приземлился в Омске. Но благополучно, может быть для всех, кроме меня, поскольку рейс, на который у меня было забронировано место уже к этому времени улетел в Томск.

Как и положено транзитному пассажиру, я обратился в соответствующую кассу. Там удивлённая тётенька, глядя на меня спросила:

- А где ты был? Мы тебя по громкой связи пятнадцать минут звали!

- Да я только что прилетел из Павлодара. Там наш рейс задержали на три часа!

- Из Павлодара, говоришь? Ну – ну! Понятно! Давай – ка свой билет. Сейчас что – ни будь придумывать будем.

Она отсутствовала не долго. Минут через пять, не больше, вновь появившись в окне своей кассы, спросила у меня:

- Тебе в Томск?

- Да!

- А в Новосибирск полетишь?

- Когда? Сейчас? Полечу!

- Отлично! Прямо сейчас прибывает самолёт Москва – Владивосток за вчерашнее число. На нём имеется одно место до Новосибирска. Полетишь?

- Спрашиваете! Конечно полечу! А что, правда вчерашний?

- Правда! Он по техническим задержался с вылетом из Москвы. Это последний рейс самолёта ТУ104. После этого полёта его списывают.

- А с нами не спишут?

- Что ты! Неисправный не выпустят в полёт, не бойся!

А я как – то и не боялся. Просто кассирша оказалась словоохотливая, да и я сам не прочь был потрепаться.

За время нашей непродолжительной беседы женщина оформила мне место на проходящий рейс, посадку которого тут же объявили. При объявлении они так и сказали, что самолёт за такой – то (вчерашний) день и пригласили желающих лететь до Новосибирска, на самолёте имеется одно свободное место, которое мне уже отдали.

После короткой передышки в Омске самолёт, прихватив с остальными пассажирами и меня полетел дальше.

Расстояние километров семьсот самолёт преодолел меньше чем за полтора часа. Не знаю, чем он так устарел этот ТУ 104, но мне он понравился. Внутри очень похож на более молодой ТУ 154, но только заметно теснее внутри салона.

Прибыли в Аэропорт Толмачёво города Новосибирска по расписанию, если можно так сказать про опаздывающий на сутки рейс. Впереди у меня было ещё пол – дня, чтобы разобраться: что же дальше предпринять, чтобы добраться до Томска.

Но самый первый и важный ритуал, который должен совершить каждый транзитный пассажир я решил совершить и обратился в кассу для таких пассажиров, так же как сделал это в Омске.

Но если в Омске реакцию работницы как – то предвидеть было можно, то здесь случившейся реакции я никак не ожидал.

Девушка, находящаяся за стеклом, несколько раз молча с недоумевающим видом бросила свой взгляд на мой, уже весь испещренный всякими штампами билет. Попросила мой паспорт

и внимательно сличила содержимое фотографии паспорта с находящейся физиономией за её стеклом и задала вопрос:

- А как Вы здесь оказались?

- Прилетел из Омска на рейсе (я назвал его номер).

- Но Вы же должны были лететь в Томск, почему прилетели в Новосибирск?

- Меня на этот рейс посадили.

- Ничего не понимаю! Зачем Вас сюда отправили вместо Томска?

- А до Томска самолёт улетел, вот меня сюда и отправили.

- Улетел без Вас? Значит Вы опоздали на рейс?

- Не я опоздал, а рейс опоздал, и, когда добрался до Омска, то Томский рейс уже улетел.

- Я сама не могу разобраться. Подождите немного...

И куда – то убежала с моим билетом.

Немного погодя вернулась, но не одна, а с более старшей женщиной в форменной одежде Аэрофлота.

Та задала мне те же самые вопросы и получила те же самые ответы. Выслушав меня и немного подумав, она уточнила:

- Тебе куда всё – таки надо: В Новосибирск или в Томск?

- Ну конечно же в Томск. Если бы в Новосибирск, то я бы уже уехал домой!

- Так! А в Томск полетишь?

- Полечу! А когда по времени?

- А прямо сейчас. У нас рейс через час отходит до Томска. Место я тебе даю.

- Отлично! Конечно лечу. А откуда взялся этот рейс. Как я помню из Томачёво всего один летит в Томск и тот по времени должен был улететь.

- Да тут наплыв пассажиров и поэтому выделили дополнительный рейс до Томска. Осталось как раз одно место. Катя, оформишь билет, но вначале вот это...

И она положила на стол бланки протокола и ведомости.

На душе заскребли кошки.

Как – то мне доводилось видеть такой комплект документов в Томском аэропорту. Тогда по своей невнимательности я пропустил посадку на свой рейс до Новосибирска, и, когда подошел к стойке регистрации, чтобы узнать причину задержки, то мне сказали, что мой рейс уже отправляется, а я опоздал на него. Могут отправить на следующем, но придется заплатить штраф.

Благо, что в эти годы самолёты между Томском и Новосибирском летали каждый час, и прилетев следующим рейсом, я на свой самолёт не опоздал. А штраф, который пришлось заплатить был мизерным, поскольку билет полностью стоил шесть рублей. А по студбилету и вовсе три рубля.

Что же мне предстояло заплатить сейчас я прикидывал в уме. Полет между Омском и Новосибирском больше чем в два раза превышает маршрут Новосибирск – Томск. Стало быть, и билет может стоить рублей пятнадцать. Вряд ли они сделают скидку на студенческий билет при начислении штрафа, а потом надо будет ещё неизвестное количество дней дожидаться стипендии...

Да всё – равно, думай – не думай, лететь надо!

За время моих размышлений заполнился протокол и появилась запись в ведомости: семнадцать рублей пятьдесят копеек.

Девушка по имени Катя, как я успел уже услышать, передала мне в окошко бумаги и сказала:

- Идите к старшему кассиру!

Я пошел по длинному ряду окошек с аналогичными надписями: «Касса», только отличавшиеся стоящими рядом номерами этих касс. Прошел от двузначных номеров к однозначным и по уменьшающей дошел до первой. А рядом с ней была надпись: «Старший кассир».

Я подал находящиеся у меня в руках бумаги в окошко и полез в карман за кошельком. Но женщина попросила у меня мой паспорт, вернула ведомость и попросила расписаться в графе после указанной суммы.

Я расписался и отдал ей ведомость. Она тем временем отсчитали мне семнадцать рублей пятьдесят копеек. Вложила в паспорт и передала мне в окошко.

- Что теперь, спросил я, куда идти?

- А теперь беги бегом в кассу транзитных, забирай билет и скорее на посадку, а то опоздаешь на свой самолёт!

Мой билет, купленный в Караганде с местом прилёта в городе Томске выдали мне назад в кассе транзитных пассажиров. На нём добавилось ещё столько всевозможных штампов, так что прочесть что – либо на документе уже не представлялось возможным.

- погоди, сказала Катя, вернув мне билет. Я тебе выпишу посадочный талон на рейс, а то на регистрации в твоём билете не разберутся.

В принципе, Катя оказалась права. Там действительно девушка очень долго смотрела на билет, разбираясь в штампах и надписях. Потом всё – таки взяла в руки посадочный талон, заявила мне, что он ей не нужен и позвонила в транзитную кассу. Единственное, что она громко сказала это то, что, в переводе на русский, ей посадочный талон нужен как собаке пятая нога и пропустила меня на посадку в самолёт.

Ещё каких - то полтора часа, и я сидел уже в своей комнате общежития с друзьями. После прослушивания моих сегодняшних воздушных приключений мы стали обсуждать самую большую проблему:

- Куда применить нежданно – негаданно свалившуюся сумму, так великодушно выделенную мне Аэрофлотом. Решение было принято вполне естественное и незамедлительно выполнено.

А на следующий день, читая свежую газету, я прочел, что в то время, когда меня держали в Павлодаре, в космос был запущен очередной космический корабль, а во время запуска, конечно, небо над Казахстаном было для полётов закрыто!

Осталось впечатление какой – то причастности к этому полёту героев.

Глава 15

Куда уходят здоровые инженеры?

Время шло размерено, учёба тоже двигалась без особых толчков и непредвиденных сюрпризов, когда что – то произошло с Дудиным Сергеем.

Вроде бы ходил, как обычно, на занятия, не пропуская даже первых пар, вроде бы сидел порою за выполнением заданий, и мы долго не обращали внимания на внешние изменения, но они нарастали и в один момент переросли в глубокомысленное умозаключение, которое Сергей Никтарьевич стал применять к себе ежедневно.

Выразилось это таким образом.

Придя с занятий после третьей пары, Серёга шел с нами вместе в столовую на обед. После обеда мы всей комнатой садились за подготовку к завтрашнему дню, а он, со словами: «Стране нужны здоровые инженеры!», ложился спать.

Нас это просто забавляло, тем более, что, проспав полтора – два часа он поднимался и садился за занятия.

Но если мы, поработав, могли с чистой совестью в двенадцать или в час ночи ложиться спать, то он повторял наши действия.

Мы долго думали, что он успевает, и с юмором относились к ежедневным его изречениям: «Стране нужны здоровые инженеры!», произносимые перед дневным сном. Даже стали и сами применять его по отношению к себе, правда укладываясь почивать уже за полночь.

Однако постепенно стали замечать, что его дневной сон подрос уже до трёх и четырёх часов.

Он так привык спать, что ещё по дороге из учебного корпуса домой он уже начинал зевать и его только – только хватало на поход в столовую. А на ночь он так и продолжал укладываться с нами вместе.

Таким немудрёным способом наш Никтарьевич довёл свой суммарный сон до чистых двенадцати часов в сутки.

Это была небывалая величина, если судить по нашей учебной нагрузке.

В конце – концов, увеличение продолжительности сна студента не прошла мимо деканата.

У Серёги появились задолженности по предметам.

Наше попытки положительного влияния на него возымело воздействия не больше деканатского.

Дудин продолжал увлеченно увеличивать суммарную длительность своего сна, поставив целью, как он сам объявил, довести его до пятнадцати часов в сутки.

И если мы, его друзья, на это взирали равнодушно, учиться – то, надо, а продолжительность его сна нас не колыхала, то деканат не стал дожидаться установления «Мирового рекорда» и включение его в «Книгу рекордов Гиннеса».

Пригласив на собеседование Сергея ещё раз, декан поставил задачу наверстать отставание до конца семестра, иначе его не допустят к сдаче сессии.

Декан привык выполнять свои обещания и выполнил – таки, но задолго до приближающейся сессии. Видать оценив объём накопившейся задолженности, как невозможный к исправлению.

В начале ноября Серёга был отчислен из института, подписал обходной лист и уехал домой в Назарово.

Задерживаться в Томске ему резона, не было никакого, потому что шел период призыва в Армию и день – два не больше и его отправят на службу из Томска.

Серёга же быстренько уехал домой, там встал на воинский учёт и тоже попал в эту же призывную компанию.

В один из дней мы получили от него письмо с указанием даты его ухода на службу и приглашение на его проводы.

Быстренько подогнав необходимое по учёбе, всё – таки мы уезжали на три дня, собрались и поехали провожать друга.

Компания подобралась довольно большая: вся наша комната за исключением Миколы и две девушки – подруги с ХТФ.

Ехать не слишком далеко, но прямого поезда из Томска не было. Можно ехать прицепным вагоном, но туда билетов не достать, а кроме того он ходил не каждый день, а время дорогое, поэтому поехали через станцию Тайга с пересадкой.

От Томска до Тайги доехали быстро, всего два часа на последней электричке, а вот попутного поезда пришлось ожидать почти всю ночь.

Пока ждали поезда, мы поняли, что кого – то на проводы Серёга ожидает, или точнее сказать надеется хоть на кого – то, но явно ни такого людского наплыва.

Необходимо его предупредить о грозящем бедствии.

Пришли на почту, решив отправить телеграмму.

Взяв бланк, написали адрес и текст: «Строй шалаш, выезжаем всем колхозом».

Смысл нам понятен, думаем ему тоже и весело и никакого официоза...

Девушка на приёме телеграмм, прочитала текст, осмотрела нашу весёлую компанию, и вдруг заявила:

- Вашу телеграмму не приму!

- Почему, что в ней не так?

- Шифрованные тексты отправлять по телеграфу запрещено инструкцией.

- А где здесь «шифрованный текст»?

- А это что?

И она ткнула в текст нашей телеграммы. Что значит «строй

шалаш»? И что значит «выежаем всем колхозом»? Строй шалаш означает, что нас едет много, а дома у него вряд ли найдётся столько места. Пусть подготовится и где – ни будь найдет жильё.

А выезжаем всем колхозом подчёркивает большое количество людей и поясняет, что все ему знакомые.

- Вот видишь? Значит текст на самом деле зашифрованный? Ещё вопросы имеются?

- Нет! Не имеются. Давайте другой бланк, напишем текст по - другому.

В итоге написали скучным текстом примерно следующее: «Встречай шесть человек. Поезд такой – то, дата такая – то». Скучно, но по правилам. А по правилам всегда скучно! Вот только поезд, который мы ожидали, был, в отличие от телеграфа «неправильный».

Пора была предпраздничная, а в эти дни очень много студентов стремятся попасть домой: навестить своих родителей, друзей, отъестся, отоспаться...

Учатся все они в Томске, а приехали из соседних городов, сел и поселков, расположенных по железной дороге в западном и восточном направлениях от Тайги.

Вот нам путь лежал на восток.

Количество желающих уехать из Тайги этим поездом превышало вместимость поезда многократно. У всех билеты были в общие вагоны.

Указывались в билетах только номера вагонов, потому что мест, как таковых, занять всё равно никому не удавалось.

С огромным трудом втиснувшись в свой вагон подошедшего

поезда, мы все оказались в тамбуре, и дальше продвинуться не представлялось никакой возможности.

Народ стоял настолько тесно друг к другу, что при вдохе грудная клетка не распрямлялась полностью. И даже при открытой двери тамбура в вагоне не проветривалось. Так что это даже не плохо, что мы застряли в тамбуре.

Но духота достала и здесь!

А ещё сказалось то, что мы всю ночь не спали, так что в этой духоте усталость просто навалилась на нас и стала клонить в сон.

Правда «клонить» или «валить» это сказано не к месту. На самом деле валиться было некуда.

Тем временем поезд тронулся, и мы поехали в сторону Красноярского края.

Под равномерное покачивание поезда и перестук колёс я заснул.

Спал, пожалуй, не меньше получаса. Проснулся от ощущения, что я проваливаюсь в пропасть.

Открыв глаза, я убедился, что сон был правдивым. Я действительно проваливался, но не в пропасть, а на пол вагона.

Заснул я «по – лошадиному» стоя, зажатый между студенческих тел и стеной тамбура. От движения поезда народ как – то «утрясся» и стало немного просторнее. Давление на меня ослабло, и я пополз вниз на неустойчивых ногах.

Но даже такой ненормальный и короткий сон меня хорошо взбудрил и всю оставшуюся дорогу, более двух часов до Мариинска и потом ещё более трёх до Ачинска и далее до самого Назарово, я не спал.

Сергей нашу телеграмму успел получить, поэтому пришел нас встречать. Но даже если бы и не встретил, с нами был наш товарищ

родом с этого же городка, Виноградов Борис. Он сразу сказал, что звонил Митричу, своему отцу, и тот нас всех зовёт к себе на постой.

Серёга привез нас всех к себе домой, познакомил с родителями, сестрой.

Они нас, вечно голодных студентов, покормили и Борис сказал, что нам пора ехать к его отцу.

Назарово, конечно, городок небольшой, но тем не менее это другая его часть – «Посёлок энергетиков», а добираться до него надо автобусом.

Доехали быстро, не успев рассмотреть городок, да и видимость была плохая.

Уже вечерело и сгущался мороз, который всегда приходит с туманом. А в городе, в добавок ко всему стояла ТЭС, которая сбрасывала тёплую воду в открытый водоём, а уж над ним стоял совершенно непроглядный туман, растекающийся по городу.

На месте немного огляделись.

Это действительно отдельный посёлок в черте города.

И дома, и планировка улиц заметно отличались от остальной части города. А вот внутри домов квартиры оказались привычными многим, «хрущёвками».

Именно в такой трехкомнатной квартире нас ожидал Леонид Дмитриевич.

Он нас всегда удивлял и поражал с первого дня знакомства, своим умением ориентироваться в новой обстановке, моментально подстраиваться под изменившуюся ситуацию, умением комфортно устроить свою жизнь за счёт женщин.

А женщины при этом не чувствовали себя обманутыми, ущемлёнными или просто обиженными на него. Они, прямо,

воспринимали устройство его комфорта своею жизненной обязанностью, своим предназначением на Земле!

Наша весёлая компания из шести человек ввалилась в квартиру одинокого мужика в солидных годах и первое, что бросилось нам в глаза, огромный стол во всю комнату, полный всевозможных яств: красивых, экзотических, благоухающих, манящих к себе.

От неожиданной картины мы опешили.

Да разве способен одинокий мужчина накрыть такой шикарный стол. Да ещё для топы вечно голодных студентов?

От появления первых живых существ этой квартиры мы вообще пришли в ступор. Это были две особи женского пола. Одна постарше, другая помладше.

Быть может квартиру спутали?

Мы вопросительно посмотрели на Бориса, который нас привёл к своему отцу.

- Боря! Такое впечатление, что ты их не знаешь! Мы, вообще, туда зашли? Может ты запоматывал и привел нас не в тот дом или квартиру перепутал?

Ответить нам что – либо вразумительное он не смог, удивлённо взирая на окружающую нас картину, потому, что на встречу нам вышла с руками полными ещё каких – то блюд моложавая симпатичная женщина лет сорока – сорока пяти, не больше, в сопровождении аналогично загруженной девушки лет семнадцати.

Они нам приветливо улыбались и, расставляя тарелки по столу, пригласили проходить в квартиру.

- Да ну вас! - подал голос Борис, что я, в самом деле, свою квартиру перепутать смог, что ли?

- Леонид Дмитриевич сейчас придёт. Он вышел в магазин. Сказал, что он вас знает, как вы можете пить натошак. Поэтому под хорошую закуску у него запасов спиртного не хватит. А вон уже в дверях ключом ковыряет. Слышите? Пришел хозяин!

В тесный коридор, который мы ещё не успели покинуть, ввалился хозяин квартиры.

- Поплавки! Уже здесь? А я вот отлучился ненадолго в магазин, а то моих запасов может не хватить на всю ночь.

Он сгрёб нас всех в охапку и крепко сжал. Сразу вспомнилась сегодняшняя поездка в тамбуре поезда.

- Ну, давайте по – быстрому проходите, раздевайтесь. Руки мыть, кто хочет пописать, там же... И быстренько за стол, я заждался!

- И хозяйки мои тоже всё успели! Успели?

- Успели, Лёня!

- Молодцы! А теперь собирайтесь домой. Жду вас завтра утром. Ребят надо будет покормить, прежде чем они поедут на проводы.

Не возразив ни единому слову, обе женщины, молча, собрались и пошли домой.

- Митрич! А что они уходят, куда? Они разве не здесь живут?

- Нет! В соседнем доме.

- Так пусть останутся, а то нам неудобно. Всё готовили, стол накрывали и вдруг пошли.

- Слушайте, парни! Учю я вас, учю, а вы не меняетесь. Женщина должна знать своё место! Работу выполнила, для которой позвали и свободна как Африка! Расчёт с ней - это моё дело. Нет! Ну, если вам девочек, которые приехали с вами не хватает, то пусть Аня

останется. Я не против.

- Сама – то как, хочешь остаться?

- Хочу!

- Оставайся!

- Нет уж, нет уж! Останется она! Ещё чего не хватало. Быстро пошли домой!

Мать прихватила дочку, и они ушли.

А мы остались у Митрича за полностью забитым всевозможными блюдами столом.

Как радушный хозяин и как удачливый охотник и рыболов он не мог умолчать о том чем собирается потчевать гостей.

Тут у хозяина тушёная зайчатина, жареные рябчики, жаркое из медвежатины, паштет из дикой утки, вяленая, копчёная, солёная рыба, о которой мы только слышали, но даже не видели. Полный холодильник и ещё в сетке за окном наклепленные пельмени с лосятиной. А кроме того всевозможные соленья из огурцов, помидоров и прочего, произрастающего на Сибирской земле.

И обойтись застолье не могло без грибов: маринованные опята и белые, солёные грузди в сметане и с маслом, полная сковорода жареных лисичек, каким – то хитрым способом сохранённых до ноября.

Казалось бы, что толпа постоянно голодных студентов сейчас всё сметёт со стола, да ещё под водочку.

Не тут – то было.

Митрич нам приготовил сюрприз, начав своё угощение с жареной медвежатины. И оказалось, что всего одной сковороды этого блюда хватило, чтобы всех нас тут же накормить.

После этого, довольный собой хозяин нам пояснил, что это очень сытное мясо. Его очень удобно брать с собой в тайгу. Туда много не

утащишь в рюкзаке, поэтому он берёт с собой медвежатину и ему надолго хватает этим мясом питаться.

- Да и за столом очень хорошо. Вы ведь уже наелись, а теперь и выпить можно. Это вам не на голодный желудок бормотуху пить, ха-ха-ха!

Мы поняли, что он вспомнил тот случай, когда он к нам приехал, а мы набрали плодово - ягодного вина. Оно слабенькое, легко и приятно пилось, как яблочный сок, но после пятнадцати бутылок, на утро все ползали на полусогнутых от рези в желудках и тошноты там же.

- У меня можете не бояться. Водка проверенная, закуска отличная, да и если понадобится, то спальня рядом, в соседней комнате. Пойдёмте, посмотрите.

Мы зашли в спальную комнату, в которой не было ни каких тумбочек, шкафов, кроватей и прочего надлежащего скарба.

Зато на полу лежала огромная, покрывающая весь пол, медвежья шкура.

- Да вы пройдите на шкуру, походите по ней.

Он нас легонько подтолкнул вперёд, и мы шагнули на такой ковёр, какого в жизни не видели и не трогали.

Толстая медвежья шкура была покрыта мехом сантиметров пятнадцать длиной, густая на столько, что через мех не ощущался пол.

- Вот здесь вы будете спать, прямо на полу. Одеял вам, поверьте мне, не понадобится. И практика показал, что он и в этом был прав.

Позже мы здесь спали вповалку на медвежьей шкуре без одеял, да ещё и форточку открыли настежь, хотя за окном был мороз ниже тридцати! И никто не простыл!

А до этого мы вернулись за стол. Вели непринуждённые беседы, рассказывали анекдоты, очень много смеялись, выпивали, закусывали и были очень довольны собой и жизнью.

В это время я сидел со всеми за столом и думал:

- А зачем я сюда приехал? Нет, благородная цель нашей поездки мне вполне ясна, она лежит на поверхности. Проводить близкого друга на военную службу. Но ведь подтолкнуло это сделать что – то ещё?

Вот взять нашу Ниночку.

Красивая, умная, добрая девушка.

Она прекрасно понимает, что очень нравится нашему Дудину, но у неё парень, который ей нравился, служит в это время в армии. Не могла она его бросить ради Серёги.

Вот! А, возможно, это стало главной причиной, что он бросил учёбу.

А Нина не смогла себя повести неблагородно и поехала со всеми. Чтобы проводить жертву неразделённой к ней любви. Молодец! Её за это можно и нужно уважать!

Батя поехал, потому что они с Дудиным ещё в абитуре в одной комнате жили. Дольше всех по времени дружат.

Виноградов, тот понятно. Он и так здесь живёт. Поэтому совмещает проводы с пребыванием дома.

- Я поехал...

- Ну со мной тоже всё ясно.

- Кроме того, чтобы проводить Серёгу мне очень хотелось быть рядом с ней!

- Да! Вот ты и попался!

- Ты поехал ради Люды. Всё так прозрачно оказалось.

- А поехал бы ты, если бы Люда не поехала? Нет! Понятно! Она чудесная девушка, ко всем нам относится очень хорошо. Может быть, лучше меня знает причину, по которой Дудин закончил свою учёбу. Всё же они с Ниной близкие подруги. И она в поддержку подруги поехала чёрт – те куда, чёрт – те, с кем. Нет! Всё же у нас очень хорошие дружеские отношения и девчонкам с нами, наверное, совершенно не страшно, они нам себя полностью доверяют, это просто удивительно!

Но только ли по этой причине она поехала?

Всё – таки девушки всех парней насквозь видят. Она прекрасно должна видеть, что мне очень нравится. Но есть же ещё Борька!

Он сам мне говорил, что Люда ему очень нравится.

Значит, если это всё она видит, значит поехала, чтобы сравнить нас в необычной обстановке.

Просидев за столом далеко за полночь, повеселив друг друга до слёз, мы решили идти спать.

Раздеваться до нага никто не собирался, поэтому располагались на ночлег все вместе, на одной медвежьей шкуре.

Улеглись Батя, я, Юхин, Нина. Не было только Бориса. Он мог и в другой комнате улечься, всё – таки он дома. И не было Люды...

У меня закралось подозрение, что выбор сделан и не в мою пользу. На друга за это я, конечно, обижаться не буду. Мы сами дали право этого выбора Людмиле. Так что обижаться в данной ситуации могу только на самого себя!

С такими невесёлыми мыслями я заснул.

Мне сны, что называется, не снятся. Правда специалисты говорят, что человек их просто не запоминает, поэтому и я не помню, что мне снилось. Но только помню, что было страшно жарко и душно, будто тонул в горячей воде.

Проснулся, когда уже стало заметно посветлевшим окно.

Я лежал вместе со всеми на полу на медвежьей шкуре, и, несмотря на то, что у нас над головой была настезь открыта форточка, из которой клубами валил холодный пар, спать было очень жарко. А душно казалось, наверное, потому что носом уткнулся в медвежий мех.

Поднявшись на ноги и осторожно ступая, чтобы не наступить на своих товарищей, двинулся к двери.

И тут пришла нежданная радость!

Чуть поодаль от нас, парней, спали, прижавшись друг к дружке, наши девушки.

Я оглядел всех и увидел, что Борис тоже с нами спит, под боком у Бати.

Что ж. Нечаянная радость мне дала небольшую надежду.

Уже за столом у Дудина дома Борис сказал, что с Людой ещё довольно долго разговаривали, и она сказала, что его она считает только отличным другом, не более.

Стало быть, предпочтение ему не отдаётся.

Это давало несколько обнадеживало, но пока не более.

Однако, дорога открыта. И надо постараться сделать так, чтобы неопределённая эта фраза приобрела определённую по отношению ко мне!

После проводов был наш отъезд в Томск.

Я уже говорил, что студентов курсировало в праздничные дни между местом учёбы и местом проживания родителей несчётное количество!

В этот поток мы попали, когда ехали в Назарово, в него же мы попали и, возвращаясь обратно.

Придя на вокзал, мы увидели неисчислимую толпу студентов, стремящихся уехать на учёбу.

Весь кассовый зал был полон и даже не вмещал всех желающих приобрести билет на поезд.

Реально купить билеты и попасть на нужный поезд было невозможно, без какой - ни будь сторонней помощи.

И эта помощь пришла в образе тёти Серёги, которая имела некоторое отношение к железной дороге.

Какое конкретно, времени выяснять не было, поскольку лишь она вынесла нам с торца вокзала билеты, уже надо было бежать на посадку.

В обратной дороге ничего примечательного не случилось, если не считать, что когда мы ехали в Назарово, то переполненный поезд постепенно разгружался, по мере его удаления от Томска, а здесь всё происходило в обратном порядке. В уже переполненный поезд на каждой остановке подсаживались всё новые и новые пассажиры и к вокзалу Тайга поезд пришел в образе перезрелого арбуза, к которому только притронулся остриём ножа, и он тут же лопается огромной неровной трещиной. Здесь же вместо трещины разверзлись двери вагонов и оттуда совершенно неуправляемо, вывалилось такое количество людей, что население города сразу увеличилось на десять процентов!

Завершающий отрезок пути от Тайги до Томска преодолели в привычно переполненной электричке. Такому явлению никто не удивлялся, поскольку в свободной электричке никому из нас ездить не доводилось.

* * *

Спустя много лет я стал вспоминать и сопоставлять факты из жизни: один с другим и, вдруг, неожиданно для себя с понял, что

наш Юхин Виталий Сергеевич в некоторых чертах характера схож с Митричем.

В тот период, когда осенний семестр уже неуклонно катится к предстоящей сессии, но при этом до неё ещё обозримо далеко, наступает знаменательный день для Виталия – его день рождения.

Об этом дне Виталий нам объявил заранее, но сказал, что праздновать мы его будем не в общаге, а где – загадка!

В это же время с ним случилась небольшая неприятность.

Его красивая кудрявая русая шевелюра стала резко терять свою пышность, и при этом невыносимо заболела кожа под шевелюрой.

Он низко повесил свой горбатый нос, не зная, что предпринять.

Решение он принял радикальное: пошел в парикмахерскую и остригся «под ноль».

Вот таким неожиданным для всех он пришел в комнату, а у нас включён телевизор и идёт отличный фильм «Угрюм – река».

Почти одновременно с Виталием, объявившемся в дверях комнаты, на экране телевизора появляется верный слуга Прошки Громова - Ибрагим.

Проход Громов его представляет: «Знакомьтесь, Ибрагим!»

Мы смотрим.

На экране телевизора появляется крупным планом горбоносая, бритая наголо голова черкеса Ибрагима, а в это время в дверях появляется горбоносая, лысая голова нашего Юхина.

Нам даже ничего выдумывать не надо было, ведь его сразу нам представили, как Ибрагима. Вот так русский красивый, добродушный парень получил себе имя кавказского разбойника, отбывающего ссылку в Сибири.

Итак, у нашего Ибрагим приближался день рождения.

В назначенный день он нам объявил, что мы все дружно идем в гости.

Долго проехав на троллейбусе, мы оказались где – то в старинном районе города, где стояли только одно – и двухэтажные деревянные дома с причудливой деревянной резьбой снаружи и не обустроенностью внутри.

Вокруг всех домов стояли традиционные для Томска того времени высоченные деревянные заборы, поставленные сплошной стеной без зазоров и щелей, вдоль которых тянулись деревянные тротуары.

Виталий завёл нас в один из домов, мы прошли внутрь квартиры.

А там, как по мановению волшебной палочки были накрыты столы с выпивкой и закуской, и никого кроме нас!

Мы попали в гости на правах хозяев!

Подняв пару раз тосты за здоровье новорожденного мы и не знали, что делать дальше.

В отдельной квартире находилось нас шесть человек парней и чем себя развлечь мы даже и не знали.

Как полагается в подобной ситуации, нашелся «рояль в кустах», а точнее гитара во второй комнате.

Мы тогда ещё и не предполагали, что Виталик умеет хорошо играть на ней, да и поёт он, оказывается, вполне прилично, в отличие от всех нас. И он заиграл знакомую мелодию и произнёс первые слова песни, которую знали все. Это привело к возникновению хора исполнителей. Точнее секстета. Мы пели не голосом. Этого требовала и исполняла душа, поэтому на качество пения никто внимания не обращал. Вокруг были все свои, стесняться тоже было некого.

Дурными голосами мы прокричали:

Ты у меня одна
Словно в ночи луна
Словно в степи сосна
Словно в году весна!

Нету другой такой
Ни за какой рекой,
Нет за туманами,
Дальними странами...

Следом, не поддерживая стихийно возникшего лирического настроения, он запел то, что нередко мы горланили и без гитары.

Всего один мотив
Доносит с корабля
Один аккредитив
На двадцать два рубля

А жить ещё две недели
Забот на восемь лет
Но я докажу на деле
На что способен аскет.

В столовой номер два
Всегда стоит кефир.
И мыслей полна голова.
И все про Загробный мир!

Одну в кафе позвал.
Увы, романа нет!
Поел и побежал
Как будто в туалет.

Дежурная по этажу
Грозилась мне на днях.
В гостиницу вхожу
Бесшумно, на руках!

А жить ещё две недели.
Забот на восемь лет!
Но я докажу на деле
На что способен скелет!

Нет! Это всё - таки не то! Всё же лирическая песня оказалась сильнее разбитной, весёлой!

-Ребята! А я как – то в кино услышал стихи. Автора не знаю, даже название фильма забыл, а вот стихи помню. Буквально восемь строк, но они, что называется, запали...

Я без тебя не могу жить!
Мне без тебя и в дожди – сушь.
Мне без тебя и в жару – стыть.
Мне без тебя и в Москве – глушь!

Мне без тебя и день – год.
Если время мельчить дробя.
Мне даже синий небесный свод
Кажется, каменным без тебя!..

-Здорово! А это всё?

- Даже не знаю. Не интересовался, честно. Но лично мне этого вполне достаточно!

- Тогда специально для тебя, Серёга, я спою песню, которая мне очень нравится.

И Виталик запел...

Заметеливался снег пеной
Расплывались, как во сне стены.
И свисала с потолка лампа.
И лежала на руках Ланка.

Все замолчали замороженные нежной лирической мелодией
и необычным именем героини песни.

Помнишь, Ланка, пузыри, пары?
Маяковку, фонари, фары.
И лохматую как плед полночь,
Два коктейля на столе, помнишь?

Мы все окунулись в затенённое пространство уединённого
кафе, где происходит это свидание.

Отпечатались следы в слякоть.
Было столько ерунды всякой...
Было столько горьких ссор, Лана...
Ты прости меня за всё, ладно?

Вся радость любви и печаль расставаний...

Они так близки и понятны всякому в двадцать лет.

И задумчиво назвав другом,
Разрешит поцеловать руку,
Просто так поцеловать, просто,
За горящие слова в прошлом.

Кому – то из присутствующих это чувство расставания с
любимой уже знакомо и пережито, кем – то нет. Но разве кто – ни
будь посмеет сказать:

-Лично я не хочу этого!

Напротив, судя по тому, как слушали исполнителя, каждому хоте –

лось бы пережить такие чувства, которые все вместе сливаются в сладкую сердечную боль!

Сердце бьётся под рукой ранкой.
Я не знаю, никакой Ланки.
И двух ямочек у рта хмурых...
Это так я, наболтал сдуру...

Песня действительно всех задела!

Мы попросили Виталика спеть её ещё раз, потом ещё, потом, уже немного подпевая, спели вместе. Никто не горланил и не кричал дурными голосами, все старались для и ради этой песни.

Так песня неизвестного нам автора стала нашей любимой песней до конца учёбы. Да и сейчас при редких встречах Юхин нам поёт, а мы слушаем!

Поев, попив, попев, закончив торжество, мы, так же точно, как пришли, покинули помещение. Убирать посуду Ибрагим запретил.

- Сами уберут! - сказан он и мы как пришли, так и ушли назад в общагу.

Сразу после дня рождения и многие годы спустя меня мучил вопрос: где мы были в гостях, и у кого дома гуляли? Оказалось, что тут жили две девушки, одноклассницы Юхина, которые учились одна в меде, другая в универе и снимали себе это жильё. Поступили одноклассники по законам того места, в котором родились и выросли, то есть Узбекистана.

Женщина всё готовит, накрывает стол и уходит. Мужчины пьют, едят, ну и что там ещё вытворяют! Короче, гуляют. Потом женщина возвращается и наводит порядок!

Кто были наши приветливые хозяйки, я до сих пор не знаю. Но аналог отношения Виталика и Митрича я для себя проследил и отметил.

Глава 16

Как важно слышать самого себя...

Несколько раз в жизни меня настигало озарение, выразившееся в произнесённой вслух фразе:

- Стоп! Я, кажется иду не туда!

И фраза эта относилась не к поиску какого - то конкретного адреса в городе и даже не тропинки в лесу, способной вывести на знакомую поляну...

А вот два таких наиболее ярких случая запомнились мне очень отчётливо.

Начну, пожалуй, со второго.

Второй раз такое озарение пришло ко мне в тот момент, когда я, отработав на производстве уже ни один год и имея полноценную семью с ребёнком, оказался призванным в ряды Советской Армии.

Случилось это таким образом:

Я последний раз вносил изменения в учётную карточку офицера запаса, когда после окончания института вставал на воинский учёт. Случилось это при устройстве на постоянное место работы по распределению. С тех пор прошел не один год.

За это время произошёл карьерный рост с должности мастера до секретаря комсомольской организации завода. Произошел так же мой социальный рост: родился ребёнок, получил какое – ни какое отдельное жильё. Тем самым сменил адрес проживания. Вступил в ряды коммунистической партии.

И тут случайно мне вспомнилось как военкоматы рьяно расправлялись с нами – студентами: перешёл с курса на курс, не сообщил в военкомат – нарушил правила учёта военнообязанных! Не меняя прописки сменил комнату проживания и не сообщил – опять нарушил эти пресловутые правила! А помимо того: женился, развёлся, родил ребёнка и т. д. и т.п. – всё нарушил, нарушил, нарушил!

За каждое такое нарушение карали штрафом размером в десять рублей.

Для студента сумма не маленькая при стипендии в сорок рублей.

Но сейчас, когда уже работаю, такая величина штрафа, конечно, не страшна, хотя и не приятна.

Но большую неприятность таило то, что о зафиксированных нарушениях сообщают по месту работы. И будешь после этого чувствовать себя облитым грязью с головы до ног.

Поэтому, выбрав момент, я отправился в райвоенкомат, прихватив с собой военный билет, паспорт и партийный билет.

Когда я в окне регистрации офицеров запаса объявил о том, что пришел внести изменения в личную учётную карточку, работница военкомата высунулась из своего окна по пояс, чтобы внимательно меня рассмотреть.

Своё действие она прокомментировала одой фразой:

- Первый раз вижу такого человека, который добровольно пришел в военкомат!

А мне при этом, почему – то отчётливо слышалось:

- Первый раз вижу такого ДУРАКА, который добровольно пришел в военкомат!

Итоги этого моего похода в военкомат оказались для меня не радостными.

Услышавший этот разговор капитан, начальник отдела, вышел из своего кабинета и спросил:

- А кто это тут у нас работает секретарём комитета комсомола завода? Ты?

- Да, я.

- В Армии политработников не хватает, а ты до сих пор на гражданке прохлаждаешься.

- Ну не хватает и не хватает. А я - то тут при чём?

- Служить пойдёшь, дорогой, служить...

- Да я, собственно, не собирался.

- А теперь тебя никто и не будет спрашивать, я сказал, значит пойдёшь.

И выписал мне сразу и вручил повестку бессрочную с ближайшей субботы первая дата явки.

- Значит так! По этой повестке в субботу являешься на сборный пункт, в ДК ТПИ и поедешь на переподготовку в посёлок Итатка. Там находится танковая дивизия. В ней будешь проходить переподготовку. Ездить будешь без предупреждений через неделю!

И того я получил «отличный» подарок! Наше предприятие работало по пятидневной рабочей недели, но с рабочими субботами. Каждый месяц было по две рабочих субботы, а вот в выходные субботы я на целый день уезжал за пятьдесят километров от дома и там проводил весь день. Уезжали мы затемно и возвращались тоже затемно.

Так я провел всю зиму и половину весны. В это время меня вновь пригласили в военкомат, и, выдав повестку на прохождение медкомиссии, предупредили, чтобы я сходил обязательно в отпуск, поскольку меня точно призовут на службу.

После медкомиссии я доездил ещё полтора месяца в войска в качестве экскурсанта. В мае закончился в войсках зимний учебный период, а в июле я уже был направлен Отделом кадров Политуправления военного округа на действительную службу в город Сургут, где «весело и интересно» провел ближайшие два года.

Отслужив первый год из двух причитающихся, я вдруг обратил внимание на то, что времени у меня хватает ровно на то, чтобы ежедневно, отработав на службе, поспать дома. А читать доводилось только статьи из журнала «Коммунист вооружённых сил» при подготовке к политзанятиям.

Мысли стали плоскими и мелкими, язык оскудел.

Это собственное заключение меня повергло в шок!

Что я буду делать через год «на гражданке», если уже сейчас связать двух фраз становлюсь не в состоянии? А разговариваю только статьями Воинского Устава и нецензурными словами?

Тут я понял, что иду не туда...

Выручила меня русская классическая литература.

Поставил перед собой задачу укладываться спать не позже двенадцати часов ночи (позже нельзя, иначе не успею отдохнуть). А сколько бы времени до этого ни оставалось – посвятить его чтению!

Так, понемногу, прочел несколько произведений Гоголя, Тургенева, Достоевского, прочел даже «Войну и мир» Л. Толстого. Согласитесь, где же ещё, если не на службе в армии читать «Войну и мир»!

Вновь начал чувствовать себя цивилизованным человеком и через год вернулся в родной культурный город полноценным его гражданином.

Так вот этот яркий случай в моей жизни был значительно более поздним жизненным озарением.

А первый произошел ещё на третьем курсе института.

Я уже уточнял, что третий курс это именно тот, с которого студент гордо зовётся «старшекурсником». К этому времени полностью втянулся в учебный режим, и, не смотря на не спада –

ющую учебную нагрузку, у тебя начинают появляться проблески свободного времени.

Это так непривычно!

Поэтому многие именно с этого курса начинают заниматься научно - исследовательской работой. Это полностью заполняет образовавшиеся «временные пустоты».

Но это в обычные рабочие дни, когда аспиранты, с которыми ты трудишься по вечерам, никуда не спешат. Им ещё вечером предстоит проводить лабораторные или практические занятия со студентами - вечерниками.

А в субботний вечер аспиранты выметались из лабораторий как можно раньше.

Все они люди – человеки, у многих семьи. Всем охота отдохнуть и провести хоть немного времени в кругу семьи.

Так вот наши субботние вечера считались «выходными днями»: отмечали праздники, дни рождения, ходили на танцы...

В конце – концов родилось в голове:

- Что – то не так делаю, не туда двигаюсь!

Надо было как – то менять проведение субботних вечеров.

И вот однажды, когда уже все были в ожидании танцевального вечера, я незаметно для всех оделся и вышел из общаги. Поскольку географически общежития студгородка находились в цивилизованном районе, но фактически расположенном на окраине города, то путь мой без выбора был направлен в сторону центра города.

Пройдя некоторое расстояние, я начал встречать афиши театров, концертных залов, выставок и других мест культурного отдыха интеллигентных людей.

Незаметно оказался около здания краеведческого музея.

Здание это – большой, старинный особняк построенный некогда купцом Асташевым. Его ещё в Томске знают, как «Архиерейский дом».

В этом доме купца Асташева проживал в своё время архиерей Томской губернии. Его величественный кафедральный собор находился неподалёку. С балкона дома, где архиерей откушивал чаю, собор хорошо просматривался.

Для удобства проживания архиерея к дому была пристроена домовая церковь с колокольней.

По непроверенной легенде архиерей повздорил с другим богатым купцом – золотопромышленником Кухтериним. И, чтобы насолить архиерею, Кухтерин сказал, что построит дом и не даст архиерею любоваться своим собором с балкона.

Для этого нужен был большой, высокий дом, который и был построен: здание в три этажа, с помещениями под магазин на первом этаже и с куполообразной крышей над третьим.

Героев этой легенда уже давно нет на свете, да и сам грандиозный собор был товарищами атеистами разрушен полностью в тридцатых годах двадцатого века, а сами дома живут, украшают город и приносят большую пользу.

Так в доме купца Кухтерина многие – многие годы находится городская администрация. Она там находилась и в советском государстве, вот только название имела другое. А в особняке Асташева, как я уже сказал, находится краеведческий музей, а бывшая домовая церковь стала для Томичей концертным залом.

Для того, чтобы именоваться гордо «Концертный зал» он был очень мал. Но в то же время другого не было. Да и акустика в зале прекрасная, всё – таки церковь строили. В зале помещалось не более трехсот зрителей, они сидели чуть ли не вплотную с небольшой сценой, на заднике которой был смонтирован ещё и орган.

Я подошел к зданию и остановился, разглядывая афиши.

Оказалось, что через полчаса начинается концерт симфонического оркестра.

Авторы музыки и название произведений мне ни о чём не говорили, на столько я был от этой музыки далёк.

Но чисто человеческий интерес взял своё.

Я приобрёл себе билет, разделся и поднялся туда, где предполагалось действие.

В фойе гуляло человек десять взрослых мужчин и женщин и, примерно столько же, пожилых. Я оказался среди них самым молодым и привлек, как я подумал, именно этим к себе их внимание.

Оказалось, что они меня рассматривали просто как «новичка», поскольку, как я понял, они всегда и этого мероприятия и друг друга если не знали лично, то узнавали внешне.

Входную дверь распахнули за двадцать минут до начала и все прогуливающиеся по фойе вошли внутрь зала и расселись по местам.

Зал выглядел пустым.

Меня это обстоятельство несколько смутило: состоится ли концерт? Но время до начала ещё было, и я его провёл, рассматривая зал.

Кроме сцены и органа зал ещё украшала прекрасная лепнина, заходящая даже на высоченный потолок. Отличное сочетание цветов покраски разных частей и деталей стен, лепных украшений и потолка придавали ему вид величественного дворца.

Основную часть зала, где находились удобные, мягкие, красивые кресла для слушателей отделяла массивная аркада, за которой было ещё принадлежащее залу пространство: неширокая паркет –

ная дорожка.

Пришедшие на концерт имели возможность там прогуливаться, коротая время до начала концерта.

Пока я всё это рассматривал подошло время начала концерта. Зрители затихли и на сцену вышла ведущая концерта.

Повернувшись в её сторону, я просто оторопел.

Весь зрительный зал был просто переполнен людьми!

Та горстка людей, которых я встретил самыми первыми в фойе полностью растворилась и исчезла среди молодых, красивых ребят и девушек.

Все сидячие места в креслах, принесённых дополнительно стульев, были заняты. Помимо того вдоль боковой стены ребята стояли, плотно прижавшись друг к другу. Вся задняя стена, где тоже был оставлен проход, была также облеплена молодёжью! И, наконец, «прогулочное пространство» за аркадой представляло из себя зал со стоячими местами для молодёжи.

Зал вместил в себя народу, наверное, раза в два больше, чем мог вместить!

И это была не та молодёжь, которую «в обязаловку» загнали на симфонический концерт для создания массовости, и, которая на протяжении всего мероприятия постоянно ищет чем бы таким заняться, чтобы не уснуть.

Я с удивлением и уважением наблюдал лица молодых людей, получающих истинное удовольствие от видимого и слышимого!

Это меня настолько захватило, что я даже не заметил, как концерт завершился!

Но самое главное, что, не умея ни словами, ни эмоциями передать то, что я слышал, я ушел с твёрдым чувством, что я нашел то, что искал, и, что мне именно сейчас было просто необходимо!

После концерта я вернулся в общагу, когда танцы ещё не закончились.

Спустя некоторое время в комнату стали возвращаться ребята – наши жильцы.

Их интересовал естественный вопрос: «Куда я делся, где был, почему не пошел на танцы?»

Ответить мне хотелось правдиво, честно и коротко, но не вдаваясь в подробности.

- Ходил на концерт.

- Но во Дворце никакого концерта нет, никакой афиши не висит, там сегодня – завтра хоккей.

- А я ходил не во Дворец.

- А куда?

- В концертный зал.

- Ой, что - то ты темнишь, Борисёнок, ой темнишь! И что там было?

- Мужики, достали! Ну сходил на симфонический концерт.

- Какой, какой?

- Симфонический! Сразу скажу, чтобы отстали: что слушал – не знаю, рассказать или исполнить под тру – ля-ля не смогу! Музыку не понял, но понравилось очень!

Чтобы они отвязались со своими вопросами этого хватило.

Сделали заключение: не хочешь – не говори! Но в течении недели каждый из них считал своим долгом поймать меня на враках и выудить из меня «правду», пока, в следующую субботу, я вновь ни пошел в концертный зал.

После моего второго посещения пошли расспросы конкретнее: а

много народу на концерте, а там собирается всё старичьё, а следующий раз, когда концерт будет, а ты снова пойдёшь?

Я им ответил на все вопросы и в течении следующей недели они меня постоянно «прикалывали» моим новым увлечением. А когда настал очередной субботний вечер, и я вновь засобирался – притихли.

Я друзей пригласил пойти вместе. Они уклонились от совместного посещения, но с этого времени «приколы» с их стороны прекратились. Взамен появилось очень уважительное отношение к моим походам.

Правда, как – то на очередном праздничном мероприятии, проводимым за большим застольем с нашими прекрасными подругами с ХТФ, ребята хотели подшутить надо мной по этому поводу. Но эффект оказался обратным: наши подруги сразу восприняли это моё увлечение с уважением. А одна скромно напросилась сходить на концерт вместе со мной.

Внимательно послушав свой внутренний голос, я сделал абсолютно правильный вывод для себя и на всю жизнь!

Глава 17

СЫТЫЙ ГОД.

Отмолотив добросовестно, как дизель в Заполярье, три года без остановки мы, на четвёртом году учёбы поняли, что Дудин Серёжа во многом прав, говоря, что стране нужны здоровые инженеры.

Вот только вывод для себя мы сделали несколько иной: надо не спать больше, а питаться лучше и регулярнее. И этот вывод привел к вполне логическому решению данной задачи.

По примеру своих многочисленных предшественников мы решили создать свою продовольственную коммуну.

Устав её не писали, поскольку «ранешний» опыт предшествующих поколений этого не требовал. А суть коммуны сводился к самостоятельному и, главное, систематическому приготовлению еды на всю компанию, входящую в коллектив.

По опыту предыдущих коммун мы знали, что это не столь сложно: приготовить еду, а потом – это давало какую – ни какую денежную экономию.

Естественно, все в нашей комнате были «за!». Сбросившись по «червонцу», разыграв очерёдность, со следующего дня мы приступили к этому бесспорно хорошему делу.

Изобретать какие – либо разносолы было некогда, и, вспоминая, в чём ты помогал своим родителям в их воскресном совместном приготовлении общего стола, мы приступили к самостоятельному питанию.

Не у каждого хватало фантазии или опыта в приготовлении блюд, а по договорённости нужно было приготовить на три раза покушать.

Дежурство начиналось с ужина.

Потом утром нужно было накормить завтраком и, вернувшись после третьей пары, покормить обедом.

Нас в коммуне оказалось пять человек парней, и чтобы всех накормить

мить, еды требовалось готовить десять – одиннадцать литров, это в пересчёте на суп.

Но супом отделявались редко. Всё же хотелось покушать чего ни будь близкое к домашнему.

Вот Юхин набрал несколько бутылок молока, начистил картошки, порезал её и сварил нам молочный суп из картофеля, разбив туда, если не ошибаюсь, ещё и пару - тройку яиц.

В супе, когда мы его кушали, обнаружили плавающими ошметки толи тряпки, толи ваты...

Приступать к еде было рискованно, поэтому первым обязали попробовать еду автора блюда.

Он ел свой суп прихлёбывая от удовольствия, по ходу движения ложки разъясняя нам, что это воскресный суп его мамы. А в супе никакая не вата, а сваренное куриное яйцо. И зря мы не кушаем, потому что это очень вкусно!

Голод – не тётка! Пирожком не угостит!

Мы с некоторым опасением, но налили себе в тарелки этого супа и стали кушать. Блюдо оказалось необычным, непривычным (ещё бы: в молоке сварена картошка, да ещё и с сахаром), но вполне съедобным и сытным.

Нам вполне хватило его на вечер и даже сытыми легли спать.

Утром и по возвращении с учёбы мы поели некоего рисового супчика с колбасой вместо мяса.

И всё, вроде, нормально, но первым заблажил Батя.

- Ибрагим! К чёрту твой супчик из картошки и молока! Ты знаешь, что у меня «лётку» на прочь забило!

У меня много лет уже строгий режим, как в армии: поднялся с постели, умылся, на горшок... и весь день свободен!

А тут: утром не получилось, днём не хотел, а вечером хочу, но не получается!

Батя, извини! Я забыл предупредить. Этот суп в самом деле вяжущий. У нас в Узбекистане почти всё время кушаешь овощи и фрукты сырые. Поэтому такой суп никому не вредил, вот я и забыл. Ну, если тебе от этого будет легче, то у меня у самого такая же проблема.

В итоге Ибрагимов супчик нас продержал «в напряжении» три дня. Когда же всё разрешилось благополучно и как всегда с хохмами и приколами, Батя с обидой сказал Юхину:

- Что же ты, Ибрагим, не вспомнил про свой супчик, когда мы ливерной колбасы все наелись?

Микола, сильно не заморачиваясь, в своё дежурство ходил в магазин и брал из продуктов, то, что ему облегчало жизнь во время дежурства.

То наберёт сухих супов и в общаге сварит их полную кастрюлю, а то ему, вдруг, попадётся в винном отделе, скажем, «Белый вермут» и на все выделенные ему на дежурство деньги, наберёт кучу бутылок, и притащит их вместо еды.

- Микола! Ты что, с катушек съехал? А что мы будем жрать?

- Ну, мужики! Вы только посмотрите! Это же «Белый вермут», просто прелесть, как хорош! При этом наливает себе в стакан, и,

причмокивая, потихоньку выпивает, просто наслаждаясь и вкусом содержимого и собственной жизнью.

С большим недоверием мы плеснули себе по чуть – чуть в стаканы (не пропадать же добру) и осторожно пригубили...

- Тьфу! Гадость какая! Да лучше теплой водки стакан выпить без закуски, чем этот «ВерМуть»!

- Как ты вообще можешь его пить? Выпьешь чуток, а потом голова трещит, тошнит, словно ведро водки выпил накануне.

- Не зря же говорят, что его название расшифровывают: «ВЕРтит, МУТит»!

-А! Ничего вы, мужики, не понимаете в хороших напитках!

- Ага! Ровно столько же, сколько ты разбираешься в колбасных обрезках!

- Нет! В хороших мы понимает, а вот в вермуте нет!

После этих слов Микола в одиночестве допивает весь купленный вермут, а мы голодные и злые ложимся спать.

На утро мы были, по - прежнему, голодные и злые и пошли завтракать в столовую. Вот и всё, вот и Миколыно дежурство! А наш вчерашний «кормилец» во всей полноте почувствовал «прелесть» своего вечернего напитка. Но нашего сочувствия при этом он не дождался!

Само то время, когда мы коммунарили, да, собственно, и всё время учёбы в институте, в Томске с продуктами в магазинах была сильная «напряжёнка». Нельзя было пойти в магазин и купить какого – либо нужного продукта, необходимого для приготовления задуманного блюда. Все ходили в магазины, чтобы купить там килограмма два – три еды! А уже потом обдумывать, что из этой «еды» можно приготовить.

Местные жители мясо приобретали на рынке, при этом отстояв длинную очередь. Картошка в магазинах заканчивалась к началу весны. И оставались из возможного набора продуктов - крупы, вермишели с макаронами, квашенная капуста и лук.

А по сему нашими излюбленными блюдами были: мойва тушеная на сковороде с пачкой маргарина и баночкой сметаны, второе блюдо: жареный на маргарине лук.

В один из моментов приготовления жаренного лука, к нам в комнату по делу заглянули девочки.

Они крайне удивились, увидев полный стол нарезанного для жарки лука. Кроме того, вся комната была наполнена его эфирами до такой степени, что слёзы текли у всех не останавливаясь.

Гости долго не задержались и покинули нас очень быстро все в слезах и полном недоумении: что же мы собираемся делать с таким количеством нарезанного лука?

В своё очередное дежурство я пошел по магазинам за покупками. На прилавках всё было пусто: ни рыбы, ни курицы, ни колбасы, ни, даже, костей с горделивым названием «Суповой набор».

В тяжком раздумье: «что же мне сегодня готовить?» я спустился с горки от центрального проспекта и оказался на Московском тракте. Там в рабочем районе находился продуктовый магазин. Недалеко виднелись остатки некогда разрушенной мечети.

Особенность этого района была ещё в том, что здесь в Томске компактно проживало много татарского населения. В разговоре, томичи, желая назвать это место, коротко говорили: «Татарская слобода». Много лет спустя в татарской слободе даже восстали две мечети. Очень старые и очень красивые. По своему цвету они разные. Одна кирпичная, оштукатуренная и побелена в белый цвет с голубой маковкой. Она так и называется «Белая мечеть». Вторая тоже кирпичная. Но построена она из старинного, красного, гладкого как современный облицовочный кирпича с золотыми куполами. И, соответственно, называется «Красной мечетью». В советское время они обе отсутствовали. «Белая» была разрушена под самый фундамент, а «Красную» частично перестроенную занимал ликеро – водочный завод.

Но всему этому я внимания особо не придавал. Ведь здесь, совсем недалеко от этого места, находился и наш основной учебный

корпус студентов – механиков. Здесь проходила основная часть наших занятий: лекции, лабораторные, практические занятия. Здесь же занимались научно – исследовательской работой. Короче говоря, здесь мы проводили время с самого утра и до позднего вечера. Так что место мне не казалось не родным.

В состоянии абсолютной безнадёги я зашел в магазин и что я в нём вижу?

На прилавке мясного отдела преспокойненько лежит мясо в свободной продаже!

Лично я, в Томске, за время учёбы такого ни разу не видел!

Мясо в виде мякоти, большой кусок и цена стоит не базарные три рубля восемьдесят копеек, а два рубля двадцать копеек, самая что не наесть государственная цена.

С некоторым недоверием я подошел к продавщице и спросил:

- А мясо продаётся? Купить можно?

Продавщица, крупная татарка с доброй ухмылкой мне отвечает:

- Можно! Сколько хочешь?

Я ткнул пальцем в кусок мякоти. Она взвесила, завернула и, подавая мне спрашивает:

- А есть – то будите?

-Конечно! А для чего же я его покупаю?

- Так мне жалко, если выкинете!

- С чего бы это? С какого такого перепугу?

- Да, видишь ли, это не говядина, а конина!

Не теряя своего лица, я гордо произнёс:

- Что я не вижу? Я же отличаю конину от говядины, я вырос в Казахстане!

- Ну, тогда всё нормально! Забирай своё мясо и приятного аппетита!

- Спасибо! – сказал я и бодрым шагом зашагал в общежитие.

Идти довольно далеко, поэтому было время обдумать будущие мои ходы.

Дело в том, что, действительно, проживая в Казахстане, я знал, что казахи лошадей, которых выращивают на мясо, не используют ни на скачках, ни на работах. Это чтобы в мышцах не накопился пот, который очень сложно вымывается и портит вкус мяса. Да и волокна мяса натруженной скотины становятся жесткими как резина. Для еды его необходимо очень долго готовить.

А вот, чтобы вкус мяса был хорошим, надо очень тщательно мыть сырое мясо. Да и вспомнил, что если мясо от рабочей лошади, то при мытье мяса вода сильно пенится, как мыльная.

И ещё!

Из средней Азии и Казахстана нас в комнате только двое. А остальные из России, будут ли они кушать конину, если узнают?

Вывод: надо всё приготовить так, чтобы никто не видел и ничего не понял! В таких раздумьях и воспоминаниях я добрался до своей комнаты. И тут оказалось, что обстоятельства и время на моей стороне. Комната была пуста, значит парни ещё не вернулись.

Я очень быстро порезал мясо на куски, свалил в кастрюлю и пошел на кухню мыть его.

Как только я налил в кастрюлю воды, из мяса полезла мыльная пена.

Она полезла в таком огромном количестве, что я и представить себе не мог! Я стал каждый кусок мяса жулькать под струёй воды, отжимать как тряпку и снова жулькать до той поры, пока мясо не поменяло тёмно - красный цвет на слегка розовый и пена перестала лезть из мяса.

После этого я принёс его в комнату, где на электроплите мы варили еду и уже собирался ставить кастрюлю и начинать варить мясо для борща. Но сомнения меня остановили.

Так что вместо этого я налил немного воды на сковороду и бросил туда всё мясо. Как только вода стала закипать, из моего начисто

промытого мяса вновь полезла пена в таком количестве, словно я варю не мясо, а кипячу стиральный порошок.

Отбрасывая ложками пену и периодически добавляя воды в сковороду, я дождался момента прекращения появления пены. За всё это время в комнате никто не появился, чему я был несказанно рад!

Я открыл окно, проветрить от накопившегося не аппетитного запаха. И в момент, когда уже всё выветрилось, а мясо стало скворчать на сковороде, поджариваясь до румяной корочки и источать тонкий, приятный аромат, в комнату ввалился Батя.

- Борисёнок, что делаешь?

- Коммунарю, жаренку готовлю!

- Что готовишь?

- Тебе какая разница? Что сготовлю, то и стрескаете!

- Нет! А всё – таки, что? Мясо вижу. Здорово! Только мяса не много, так что одним мясом не наедемся.

- А борщом наедитесь?

- Борщом да, только ты – то что готовишь?

- Говорю же: «Борщ»!

- А зачем мясо жарить?

- Я так готовлю!

- Ну ведь в борщ мясо не жарят!

- А я жарю!

- А зачем?

- Потому, что я так готовлю!

- Потому, что мясо вонючее?

- Батя! Пошел на х...р! Не доставай! Как сготовлю, так сготовлю! А там твоё дело: будешь ты его жрать или нет! Ты, когда варишь, я к тебе не пристаю, и ты ко мне не приставай! Если так сильно хочешь узнать мой рецепт, то, когда поедим, я тебе его расскажу.

- Всё ясно! Собаку варишь!

Постепенно моё варево подходило к завершению. Все ребята к этому времени собрались в комнате и расселись за столом с голодными глазами в ожидании ужина.

Тем более, что ужин удался на славу! Огромная кастрюля наваристого, ароматного борща с такими же громадными кусками мяса каждому столующемуся.

Парни поедали на ужин с большим аппетитом моё творение, не успевая нахваливать, постепенно подбираясь к самому заветному - куску мяса! И в тот момент, когда из всех небрезгливых, самый брезгливый – Микола, нанизал на вилку кусок мяса,

Присолил его и поднес ко рту, свои «пять копеек» вставил Батя:

- Микола! Ты знаешь, что ты сейчас собираешься жрать?
- Мясо!
- А чьё мясо?
- Чьё - чьё? Говяжье, конечно!
- Ни чего подобного! Ты сейчас лошадь сожрёшь!
- Кончай трепаться, сказал Микола и откусил большой ломоть от своего куска! Что я конину от скотского мяса не отличу, так, по – твоему?
- Конечно не отличишь! Вот спроси у Борисёнка, что это за мясо?
- Ну что спрашивать? Батя прав, это конина!

Он сразу стал ко мне приставать, прочему я не так варю борщ, как ему привычно. А я мясо обжаривал, чтобы случайно запах конины в борщ не перешел.

Такого эффекта я, честно говоря, не ожидал!

Парни, прожившие уже до этого более трёх лет в условиях общежития, побывавшие в разных антисанитарных условиях: полевых станов, рабочих и студенческих столовых, испробовавшие солдатской кухни на основе хлорки... Те, кто рассказывал всевозможные анекдоты на медицинскую тематику, отбивающие аппетит у всех слушателей, кроме них самих...

Эти парни способны побрезговать мясом конины!?

Если бы я сам не увидел этого эффекта разорвавшейся над столом бомбы, то я бы никому, никогда не поверил!

Результат меня, однозначно, поразил.

Все дружно, с брезгливым видом отодвинули свои тарелки с остатками мною приготовленного блюда, да ещё самое вкусное – мясо оказалось не тронутым.

Все, включая Батю, отошли от стола мрачные, задумчивые и мне в пору было ретироваться из комнаты, а не то ненароком, ещё побьют.

Ретироваться я, конечно, не стал, поскольку в обязанности дежурного входило мытьё посуды и уборка со стола.

Даже за всё это время народ не успокоился, все сидели мрачные, никакие шуточки и приколы в голову не лезли ни одному.

Настроение у всех было испорчено окончательно.

В могильной тишине я завершил вечерние работы и сел заниматься.

Вот так моё удачно начавшееся дежурство заканчивалось полным фиаско. Но ведь, страшного ничего не случилось, думал я про себя. Ну, подумаешь мусульманским мясом накормил русских.

Так ведь никто из них не верующий, никаких обетов ни один не нарушил, а борщ, в конце – концов, не отравлен, а очень даже вкусный, сытный. Друзья поели? Поели! Сейчас они голодные? Нет! А завтрашний день всё поставит на свои места.

И, вообще, я очень старался вкусно приготовить, а отравить или даже просто обидеть никого не собирался.

Успокоившись, я со всеми вместе улёгся спать.

Утром, кроме меня, борщом никто не завтракал. Попили чайку и пошли на занятия полуголодные.

День для меня выдался очень напряженным.

Между парами перекусить ни разу не удалось. После третьей пары пришлось задержаться на консультации, поэтому я возвращался домой один, уставший, голодный, в пятом часу вечера.

И грела меня одна мысль, что дома меня ожидает ещё довольно большая кастрюля борща с мясом. А стало быть, дожидаться приготовления еды новым дежурным, по крайней мере мне, голодным не придётся.

Весь в таких приятных раздумьях я зашел в комнату и первое, что я увидел это наш стол, забитый испачканными тарелками, ложками, посередине стола возвышается полулёжа, абсолютно пустая кастрюля из - под борща, совершенно без признаков содержимого! Ни борща, ни мяса в ней нет! Зато все, кто ещё вчера готов был

меня побить, лежали на своих кроватях сытые и довольные, готовые после короткого отдыха вновь грызть «гранит науки». Сам по себе такой подход к организации питания оказался очень неплохим.

Мы, конечно, в деньгах экономии не имели, но зато мы физически окрепли, поправили своё здоровье и даже стали набирать вес! С течением времени оказалось, что такой объем еды, который готовили изначально, нам уже не нужен.

Всё это мы уже сами не съедали, но нам дружно помогали соседи. Каждый раз, как только мы усаживались за стол у нас появлялись гости. Это были наши друзья, одноклассники, ребята из соседних комнат.

Еды хватало на всех. Не было случая, когда бы мы не накормили наших гостей.

И наша коммуна прославилась на всё общежитие тем, что в ней одни парни, и, что всегда очень много готовим.

За это про нас стали говорить, что у нас «кулацкая коммуна». А этажом ниже ребята тоже взялись комунарить. Только их состав был значительно меньше, а стало быть, и готовили они значительно меньше нашего. Поживиться гостям у них перепало редко. Так что общие знакомые их коммуны прозвали «красной».

Иногда такими гостями у нас бывали наши подруги – химицы.

В свою очередь они решили, как – то раз нас побаловать тоже своей стряпнёй. Напекли пирожков полный большой металлический таз и пригласили нас к себе на чаепитие с пирожками.

Сильно они расстроились, когда в течении минут десяти их творения исчезли полностью в недрах наших желудков.

Но молодость всегда найдет повод для веселья, особенно в таких ситуациях, как совместное чаепитие.

Так вот по ходу заглатывания пирожков я не забывал их считать.

Оказалось, что за эти минуты я съел сорок шесть пирожков!

Правда, эти пирожки были размером с вареник, а уж как девочки туда умудрялись положить начинку, это осталось их личной тайной!

Незаметно подошел день, когда девушки поздравляют своих парней как будущих защитников Родины с праздником – Днем Советской Армии.

Вообще, за три года наша группа привыкла быть сугубо мужской.

А тут в начале учебного года группы переформировали и нас разбавили несколькими девушками, но подавляющее количество мужского населения осталось.

Жили мы с девушками дружно, но претендовать на поздравление с их стороны мы не планировали.

Однако после окончания учебного дня девушки нам сказали:

- Обедать не ходите! В своей комнате составляйте столы и комплектуйте стульями. Мы придём вас поздравлять.

Поручение было выполнено.

В указанное время вся группа собралась в нашей комнате.

Пришли наши одноклассницы и принесли с собой всевозможные печенья собственного приготовления. У остальных в руках были банки с сахаром, большие трёхлитровые чайники с готовой заваркой. Забрав с собой нескольких парней, пошли с ними на кухню, где у девушек кипятилась в вёдрах вода для чая. Весело и дружно напились приготовленного чаю, поели стряпни и вроде можно расходиться: праздник удался!

Но оказалось, что слишком мало съели печенья.

Хозяйки праздника приуныли:

- Мы забирать с собой не будем ни чего. Всё делали для вас!

Надо доесть!

Но ведь уже никому не хочется.

И тут Грицаеву взбрела в голову шальная идея!

- А давайте проведём соревнование: кто больше выпьет чаю, только с условием, что с каждым стаканом надо съесть хотя бы одно печенье! Этому предложению вполне хватило, чтобы у всех зажегся азарт борьбы.

Печенье сразу стало быстро убывать!

Но соревнование есть соревнование.

Очень скоро стали убывать не только печенья, но и соревнующиеся: после пятого стакана чаю участников осталось половина. После седьмого трое: организатор, я и Юхин.

На восьмом сломался и отпал Грицаев. Остались только двое.

Я осилил ещё два стакана и сдался, а Виталик, чтобы закрепить победу выпил ещё один стакан и завершил чаепитие с одиннадцатью стаканами. Хотелось бы напомнить, что перед этим все уже пили чай и никто не считал сколько стаканов, но я точно знаю, что ни один не мелочился и налегал на чай с выпечкой со всей своей мощностью. Всё веселье закончилось тем, что мы с Юхиным всю ночь вместо сна сливали из себя излишки потреблённой воды.

Надо сказать, что это было даже существенно тяжелее, чем после хорошего возлияния на свадьбе...

Вообще, веселье удалось на славу потому, что за прошедшую ночь мы слили из себя воды значительно больше чем вечером влили. И, несмотря на то, что к утру «течь в системе» перекрыть удалось, но сил потеряли очень много и на занятия пошли вроде травленных тараканов.

За проведённым за столь сомнительным весельем временем мы с Виталиком придумали, каким образом отметить уже предстоящий

вскоре день «Восьмое марта» и тоже оригинально поздравить своих одноклассниц.

За день до праздника мы сходили по магазинам, приобрели муки, яиц, масла и сметаны. Сходили в подвал нашего общежития, где находился овощной магазин. Там приобрели картошки и вечером всей комнатой принялись готовить вареники по рецепту семьи Юхиных.

Когда Виталий нам впервые рассказал о нём, а потом уговорил попробовать приготовить, мы отнеслись с большой долей опаски, помня о последствиях молочного картофельного супа на наши молодые организмы.

Дело в том, что в начинку вареников кладётся сырая, резанная небольшими кубиками, приправленная резаным луком картошка.

В домашних условиях они садились за стол всей большой семьёй и, имея большой опыт приготовления этого блюда, весь процесс выполняли очень быстро.

Блюдо выглядело аккуратно и аппетитно. Мы такого опыта не имели, начинку готовили медленно, и картошка успевала потемнеть на воздухе, а при варке синяя картошка просвечивалась через тесто насквозь...

В итоге вареники имели совершенно не съедобный синий цвет.

Морально не готовые к такому, гости пробовали наше творение с большой опаской, хотя их вкус оценивали вполне достойно, а распробовав, даже накладывали себе добавки.

Но как говаривал мой родной дед:

- С маслом да сметаной и долото, жаренное ссесться!

Но не зря я начал рассказ с того, что готовили всей своей комнатой. Зная собственные аппетиты и прикинув объём вареников на всё количество гостей в расчёте именно на наш аппетит, мы налепили семьсот восемьдесят штук вареников! Размер их был далеко не такой как у Батиных пельменей, не превышающих размер ногтя большого пальца даже в готовом виде. И даже не такой как у пирожков, которыми нас угощали подружки – химицы. А наши вареники получились в размер ладони взрослого парня! Поэтому объём готовых вареником измерялся полным двенадцатилитровым ведром!

После праздника, остатки своих вареников мы уничтожали всей коммуной ещё в течении недели.

После этого праздника я ни разу в жизни не ел вареники из сырой картошки.

Глава 18

Расставание.

Пожалуй, каждому из нас доводилось замечать, на сколько по-разному движется время в разных жизненных обстоятельствах и в разном возрасте. Особенно ярка эта разница, когда начинаешь сравнивать течение времени в детстве и в солидном возрасте.

В детстве времени много – много, оно тянется бесконечно долго...

Утром поднялся, тебя покормили завтраком, повели в садик. Там тоже завтрак, потом какие – ни будь занятия, игры со сверстниками, прослушивание книжек, пение. Потом обед, подготовка к какому – ни будь празднику, до которого ещё две недели (не дожидаться), прогулка на площадке... Потом сон, полдник, снова игры с друзьями после ужина и только затем, после всего этого ты начинаешь ожидать, когда тебя мама или папа заберут домой.

А дома...так хорошо!

Дома тобой никто не командует, дома тебя любят и позволяют делать всё что угодно, дома мама тебя накормит чем – то вкусненьким, со старшим братом и сестрой затеете что – то очень интересное, но надо ложиться спать, а ведь так не хочется, потому что игра очень интересная, а продолжить можно будет только завтра.

А завтра всё будет опять очень долго и медленно тянуться, а до

выходных ещё четыре дня!

Школьные годы тоже не отличаются большой резвостью.

Утром в школу. Так ненавистный иностранный язык, или русский, или математика, у кого что, но зато каждый день.

То опрос у доски, то контрольная работа и так шесть уроков подряд! После этого дома нужно приготовить к завтрашнему дню, а на улице тебя ждут – не дождутся друзья.

С ними так интересно, не то что в школе, а до воскресенья ещё пять дней учиться, да и четверть тянется – тянется бесконечно долго, а до каникул ещё полтора месяца!

Всё это резко меняется при поступлении в институт. Вот прошел день занятий, а на тебя навалили заданий столько, что за весь семестр не расхлебать, а ведь на следующем занятии уже необходимо быть готовым, а тут курсовой проект Дамокловым мечом над головой висит.

Только – только выдали задание, а на следующем занятии руководитель уже проверяет его готовность и процентует твои успехи в его выполнении.

Ещё неделя, а тебе уже говорят, чтобы не забывали, что ещё через две недели этот проект уже нужно сдавать. Ты чувствуешь себя постоянно в цейтноте.

Если увлёкся выполнением пресловутого проекта, то придя на занятия по иностранному языку, ты узнаешь, что на сегодняшний день у тебя накопилась задолженность по не сданным текстам тысяч, эдак, пятьдесят!

И сдавать эти самые жуткие тысячи тебе всё равно придётся рано или поздно, поскольку впереди ждёт тебя по иностранному языку Госэкзамен!

Лучше, однозначно, разделаться с этой задолженностью пораньше, поскольку всё в конце семестра не вывезет на себе даже трактор.

И ты упираешься что есть мочи, чтобы всё это преодолеть и не замечаешь совершенно, как пролетает семестр. И вот уже зачётная неделя, когда необходимо получить допуск к экзаменам, ну а потом и сами экзамены, после которых тебя ждёт заслуженный отдых аж две недели!

Любимой иллюстрацией всего этого учебного ажиотажа у нас были слова одной песни:

...а жить ещё две недели,

Забот на восемь лет!

Но я докажу на деле

На что способен аскет...

Вот в таком темпе, совершенно без остановок, чтобы отдышаться и оглядеться, пролетели четыре с половиной года учёбы, и подошло время преддипломной практики и дипломирования.

Конечно в эту пору мы себя осознавали самыми старшими, а стало быть, самыми главными на факультете и в общежитии.

По давно устоявшимся законам студенты – пятикурсники никогда не назначались на выполнение каких – либо хозяйственных работ, все поголовно обеспечивались местами в общежитии и стипендиями, имели право прийти в набитую людьми столовую и покушать совершенно без очереди. Это были узаконенные знаки уважения к дипломникам: дескать, мы на вас потрудились, чтобы из лоботрясов сделать для страны специалистов, так уж и вы не подведите, сделайте диплом и достойно его защитите.

Первый семестр пятого курса проходит по обычному плану: те же занятия, те же практические работы, домашние задания и даже проект большой по профилирующей дисциплине. И только после зимней сессии пятикурсник превращается в дипломника.

Но это всё теоретически.

Практически жизнь наша ни в чём приметном не изменилась. А стало быть, ощущения скорого расставания не приходило.

Более того.

Всех перед сессией ожидал большой праздник – «Последний звонок».

Это в самом деле был звонок на последнее занятие. На третью пару, которое прошло почти в обычном порядке, кроме того, что к началу второго часа лекции в аудиторию собрался деканат факультета во главе с деканом, заведующие выпускающих кафедр. Поздравили нас с окончанием учёбы и с этого момента стали называть нас «коллеги».

В честь этого события все пришедшие гости после окончания их поздравительных спичей, позвонили нам в латунный колокол и оставили нам его до «завтрашнего дня».

Завтра мы должны его вернуть в деканат для проводов последующих поколений студентов.

Вот это настоящий праздник!

После окончания третьей пары колокол водрузили на мощную палку, взяли его вдвоем на плечи и начали звонить!

На этот звон собрались все выпускники и плотной, весёлой ватагой, несмотря на то, что уже стояли декабрьские сорокаградусные морозы, двинулись от своего родного шестнадцатого корпуса к общаге. Маршрут избрали: по улице А. Иванова, проспекту Ленина, улицу Усова, чтобы пройти вдоль всей Вершинки!

А Сибирь в эту пору «своё берёт»!

На улице – 45, даже дышится тяжело, но никто внимания не обращает, всем жарко от такого счастливого дня.

В такой мороз воздух становится звонким до боли в ушах. Грохот проходящих по железной дороге километрах в трех от нас поездов оказывается столь близким, будто они идут за твоей спиной и хочется оглянуться. Столь же далеко и громко разносится и звон нашего колокола.

Зима ужасная.
Кошмарный сон.
Топа «поддатая»
В ушах трезвон!
Бегут весёлые
Как в первый раз.
Всё те же мальчики,
Лишь пыл угас.
Кричат охальники:
«Ату – ату!,
Поедем к «нигерам»
В Алма –Ату,
Загоним яблоки
На самогон,

Отметим с грохотом

Прощальный звон!»

Город Томск к подобным картинам вполне привычен, особенно в районе своих институтов, поэтому народ внимания почти не обращает. И только студенты, которым предстоит ещё учиться, учиться, и учиться, как говорил великий Ленин, не сдерживают своих завистливых взглядов.

Вечером все дружно, включая преподавателей гуляли в ресторане, отмечая этот день.

Кто –то, а таковых большинство, рад, что наконец – то окончил учёбу, а кто –то, возможно, рад, что от нас избавился. Как знать, как знать!

Но всем в этот день искренне весело!

Выпускники поднимали свои бокалы за своих преподавателей. Преподаватели поднимали бокалы и произносили тосты за своих новоиспеченных коллег и с удовольствием танцевали развесёлые молодёжные танцы толпы и «медляк» со своими симпатичными уже бывшими студентками.

Расходились поздно. Наиболее стойким были поручены преподаватели, в смысле их доставка до дома. Взяв под руки преподавателя технологии машиностроения, мы вышли из ресторана, узнали где он проживает. Оказалось, по пути в сторону

общаги и совсем не далеко. В центре города вдоль трамвайных путей. На ходу он начал «клевать носом», но увидев под ногами рельсы, а рядом с собой своих студентов он поднял голову и сказал:

- Передайте кондуктору, чтобы у Горсада остановил трамвай.

Мне выходить!

- Мы передали.

И аккуратно доставили его до квартиры.

А на завтра!..

А на завтра ты начинаешь осознавать, что что – то важное изменилось в твоей жизни.

В тот момент, когда ты каждый день подскакивал с постели и, сломя голову неся на занятия, ты уже никому не нужен.

Что ожидает тебя, возможно и напряжённые дни, но тут ты сам себе голова и можешь сделать, чтобы таких дней не случилось, а ты спокойно и размерено соберёшь материал на дипломную работу и, постепенно, её оформишь в цельную работу.

А быть может ты по укоренившейся студенческой привычке проспичь и прогуляешь все «золотые денёчки», а потом, как угорелый, будешь что – то считать. Что – то чертить, бегать к руководителю практики и измором «впихивать ему лажу»?

Ну это вряд ли! Многолетними трудами давно выработана привычка ничего не запускать, да и друзья находятся рядом, уж они точно не позволят в последние дни провести над собой знаменитый опыт Серёжи Дудина!

Да! Мы ещё были все вместе.

Проживали в одной комнате, занимались одним делом, правда, уже каждый по своей тематике. Уходили по утрам в лаборатории проводить эксперименты по теме дипломной работы или шли на предприятия набирать материал на свою, завершающую всю учёбу, работу. Заносили свои расчёты в виде чертежей и графиков на листы ватмана.

Засиживались в библиотеке или на кафедре экономики промышленности, потому что эта часть дипломной работы для всех была самая темная и непонятная.

Производили расчеты некоего абстрактного заземления для абстрактной установки на абстрактном же предприятии и думали:

- На кой чёрт я это всё считаю и оформляю, если к моей непосредственной работе это имеет такое же отношение как футбольная команда «Томь» и Китайской народной республике?

Можно ещё было спросить, что –то непонятое тобой и все друзья тебе помогут разобраться, а можно было предложить:

- А пойдёте в кино!

И спокойно шли на последний сеанс. А потом ещё гуляли по улицам, не опасаясь проспать занятия.

Таким образом, не бросив студенческого уклада жизни, мы подошли к июню, месяцу, когда происходит защита дипломных работ.

Переживая друг за друга, ходили «болеть» на защиту...

И тут оказалось, что тот, кто защитился, сразу становится никому не нужным в родном институте, комендант общежития в день защиты пришла и заявила, что на расчёт с институтом и отъезд защитившихся к месту постоянного проживания нам дается три дня.

За это время необходимо отчитаться перед библиотекой, подписать весь обходной лист – это примерно штук восемнадцать подписей, получить подъёмные и освободить место в общежитии. Дольше она ждать не может, так как к ней большим потоком уже нагрянула «абитура».

И вот только в этот момент в голову пришло осознание всего случившегося.

Что сейчас самые первые по плану защиты пройдут эту процедуру и начнут собирать подписи в обходном листе. А ты для них ещё будешь студентом. Затем с тобой случится то же самое, а кого – то ещё только будет ждать день защиты.

А, главное, что для окончивших учёбу, уже настала новая, неизведанная жизнь! У них уже билеты на самолёты или поезда на руках, они сядут в свой транспорт и уедут! Всё забудут!

И когда первым из нашей комнаты собрался уехать Юхин Виталик, я подарил ему своё стихотворение, стон своей души...

Друзья уходят не простившись.
Как будто так заведено,
Как будто стал ты третьим лишним
В игре, забытой уж давно!

И словно то, чем прежде жили
Для них вдруг стало далеко
И то как славно мы дружили:
«Один за всех, а все – одно!»

И как на свадьбах выкупали:
Веселье, пляски, шутки, смех...
С какой мы радостью встречали
Достойный чей ни будь успех!

Делили на копейки рубль,
Чтоб до «стипона» дотянуть...
Но вдруг... друзья пошли на убыль
И больше не с кем отдохнуть,

Спать на полу плащом укрывшись,
Закрыв газетами окно...
Друзья уходят, не простившись.
Как будто так заведено!

А далее по жизни редкие случайные свидания в команды -
ровках, иногда в отпусках. Или просто жизнь от встречи до встречи,
которые наше студенческое братство старается устраивать
регулярно, каждые пять лет в стенах всем нам родного ВУЗа под
небом старинного, вечно молодого и прекрасного Томска.

До встречи, друзья, до встречи!..

Автором в тексте использовались стихи и тексты песен:

1. Анчарова М.
2. Асеева Н.
3. Визбора Ю.
4. Высоцкого В.
5. Городницкого А.
6. Егорова В.
7. Карпушина Г.
8. Кукина Ю.
9. Пастернака Б.
10. Пушкина А.
11. Шаферана И.
12. Студенческого фольклора.

Оглавление.

Глава 1	Жизнь на волоске. _____	1.
Глава 2	Путешествие в романтику. _____	30.
Глава 3	Сто причин попасть в больницу. _____	66.
Глава 4	Чудеса вокруг женитьбы. _____	87.
Глава 5	Посылка – лучший подарок натошак. _____	111.
Глава 6	Чем студент ни шутит, пока декан спит. _____	133.
Глава 7	Один день и вся жизнь. _____	149.
Глава 8	Любовь под прикрытием. _____	174.
Глава 9	Ужасы нашего студгородка. _____	196.
Глава 10	От ванилина до казеина. _____	221.
Глава 11	Кузютин. _____	231.
Глава 12	Месяц в сапогах. _____	240.
Глава 13	Муза дальних странствий. _____	262.
Глава 14	Impression (Впечатления). _____	302.
Глава 15	Куда уходят здоровые инженеры? _____	320.
Глава 16	Как важно слышать самого себя. _____	341.
Глава 17	Сытый год. _____	352.
Глава 18	Расставание. _____	373.